

MOCKBA, 2019

Журнал основан в январе 1967 года Выходит 6 раз в год

Русская речь

Russian Speech

Главный редактор

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

 М. С. Полинская
 Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

 Е. Ю. Протасова
 Ph.D., проф., Хельсинкский университет, Финляндия

 Х. Пфандль
 Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк Рh.D., проф., Эдинбургский университет, Великобритания **А. А. Соколянский** д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: О. В. Антонова

Зав. отделами: А. В. Занадворова, М. А. Пузина

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35 E-mail: rus-rech@mail.ru Сайт: http://russkayarech.ru/ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
 Российская академия наук
 Составление. Редколлегия журнала

«Русская речь», 2019

RUSSIAN RUSSKAYA Spech

MOSCOW, 2019

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS),

Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia Elena Y. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia Vadim V. Dement'ev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS),

Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland **Larissa Ryazanova-Clarke** University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Olga V. Antonova

Editorial staff: Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019. Russia

Telephone: +7 495 637-27-35 E-mail: rus-rech@mail.ru

E-mail: rus-rech@mail.ru **Website:** http://russkayarech.ru/

Дорогие читатели и авторы журнала «Русская речь»!

Вы, вероятно, заметили, что в 2019 году наш журнал существенно обновился — у него новая обложка, новые рубрики, новая редколлегия и новый главный редактор. Будут ли еще какие-то изменения?

Журнал «Русская речь» издается с января 1967 года. Это единственный в своем роде научно-популярный академический журнал о русском языке (о его истории и современном состоянии), о русской культуре и литературе, адресованный самому широкому кругу читателей: филологам, историкам, учителям, журналистам и всем любителям и знатокам русского языка. За более чем полвека в журнале было много замечательных публикаций; среди его авторов те, кто сейчас составляет славу отечественной и мировой русистики, — В. В. Виноградов, Е. А. Земская, С. И. Ожегов, М. В. Панов, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелев и многие другие. Мы хотим, сохраняя и продолжая славные традиции «Русской речи», сделать журнал более динамичным, современным, отражающим новые явления и новые направления науки о языке, например такие, как корпусная лингвистика, прагматика или теория коммуникации. Мы начали с бумажного издания, но в ближайшем будущем предполагаем улучшить сайт журнала (http://russkayarech.ru) и сделать его более интересным и удобным для пользователей.

Мы еще в начале пути. Поэтому если у вас есть предложения по совершенствованию формы и содержания журнала, то, пожалуйста, пишите нам на электронную почту по адресу: rus-rech@mail.ru.

Главный редактор журнала «Русская речь» Алексей Шмелев

Contents

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 8....... В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. В. Драгой, Б. Л. Иомдин, А. К. Лауринавичюте, И. Б. Левонтина, К. А. Лопухин, А. А. Лопухина, Е. В. Урысон. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности
- 18...... А. В. Буланников. К истории слова бомж
- 37...... Е. В. Генералова. От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны
- 44....... А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. ПОлитические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе

Из истории русского языка

- 58...... А. В. Богатырев. Кальвария: «череп», «холм», «святое место»
- 67..... И. Б. Дягилева. Ясли в русском языке
- 74...... А. А. Плетнева. Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики
- 88...... И. С. Улуханов. Гонитель. Губитель. Мучитель. Разоритель

Национальный корпус русского языка

99...... С. О. Савчук. Полезные функции в НКРЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента

В помощь изучающим русский язык

109...... Б. Л. Иомдин. Как определять однокоренные слова?

Книжные новинки

116....... *М. Л. Каленчук.* К выходу курса лекций М. В. Панова «Язык русской поэзии XVIII–XX веков»

Наука в лицах

121....... И. И. Фужерон. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 8........... Valentina Yu. Apresyan, Yury D. Apresyan, Olga V. Dragoy, Boris L. Iomdin ,

  Anna K. Laurinavichyute , Irina B. Levontina, Konstantin A. Lopukhin,

  Anastasiya A. Lopukhina, Elena V. Uryson. A Multifaceted Approach to Semantic,

  Statistical, and Psycholinguistic Analysis of Lexical Polysemy
- 18...... Alexei V. Bulannikov. History of the Word 'Bomzh' ('Bum')
- 37...... Elena V. Generalova. From 'Violent Tenth' to 'Obese Zeros': the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History of our Country
- 44.......... Alexandr P. Skovorodnikov, Galina A. Kopnina. Political Labels in Modern Russian Political Media Discourse

From the History of the Russian Language

- 58...... Arseniy V. Bogatyrev. Kalvariya: "Skull", "Hill", "Holy Place"
- 67...... Irina B. Dyagileva. Yasli in the Russian Language
- 74...... Alexandra A. Pletneva. Pushkin, Gogol and Bova: Allusions to Popular Print Literature in the Works of Russian Classics
- 88...... Igor' S. Ulukhanov. Gonitel'. Gubitel'. Muchitel'. Razoritel'

Russian national corpus

99...... Svetlana O. Savchuk. Useful Functions in Russian National Corpus: search by part of a word and search with the exclusion of an unnecessary element

Learning Russian

109...... Boris L. Iomdin. How to Define Words with the Same Root?

Book News

116....... Maria L. Kalenchuk. To the issuance of the course of lectures by M. V. Panov "The Language of Russian Poetry of the XVIII–XX Centuries"

Science and Persons

121...... Irina I. Fougeron. The story of one life. Sergey I. Kartsevsky

C./Pp.08-17

Проблемы современного русского языка

О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности

Валентина Юрьевна Апресян ^{1,2} (valentina.apresjan@gmail.com), Юрий Дереникович Апресян ^{1,3} (juri.apresjan@gmail.com), Ольга Викторовна Драгой ^{2} (odragoy@hse.ru), Борис Леонидович Иомдин ^{1,2} (iomdin@ruslang.ru), Анна Кестучё Лауринавичюте ^{2} (alaurinavichute@hse.ru), Ирина Борисовна Левонтина ^{1} (irina.levontina@mail.ru), Константин Александрович Лопухин ^{4} (kostia.lopuhin@gmail.com), Анастасия Александровна Лопухина ^{1,2} (nastya.lopukhina@gmail.com), Елена Владимировна Урысон ^{1} (uryson@gmail.com)

DOI: 10.31857/S013161170003937-9

аннотация: Цель исследования — мультидисциплинарное изучение феномена полисемии (многозначности) языковых единиц с помощью теоретических, экспериментальных и статистических методов. Хотя полисемии посвящено большое количество работ, это явление ранее не исследовалось комплексно. Коллективом авторов было проведено исследование, которое сочетало элементы словарного описания, статистического анализа, опросов, а также изучение электроэнцефалограмм и движений глаз. Исследование показало, что при развитии полисемии используется большее количество различных семантических сдвигов, помимо хорошо известных метафоры и метонимии. Эти сдвиги составляют сложную иерархическую систему и часто комбинируются друг с другом при образовании новых значений. Наше восприятие значения

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

³ Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН

⁴ Scrapinghub

как нового связано с когнитивным «расстоянием», которое различается для разных типов сдвигов: так, метафорически образованное значение воспринимается как более далекое от исходного, чем метонимическое значение. Словарное представление значений только отчасти коррелирует с устройством ментального лексикона и с частотностью разных значений. Лексикографическое представление, основанное на семантических принципах, более удобно для восприятия, чем представление, основанное на частоте употребления. В ходе исследования возникли новые вопросы, в частности, различаются ли представления далекой и близкой метонимии в нашем ментальном лексиконе.

- ключевые слова: семантика, лексикография, многозначность, семантические сдвиги, частотность, корпус текстов, семантическая близость, ментальный лексикон, экспериментальная лингвистика
- для цитирования: Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. Л., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17. DOI: 10.31857/S013161170003937-9
- **благодарности**: Статья написана по результатам работы над грантом РНФ № 16-18-02054 «Исследование русского языкового сознания на основе семантического, статистического и психолингвистического анализа лексической многозначности».

Issues of Modern Russian Language

A Multifaceted Approach to Semantic, Statistical, and Psycholinguistic Analysis of Lexical Polysemy

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

Irina B. Levontina¹ (irina.levontina@mail.ru), Konstantin A. Lopukhin⁴ (kostia.lopuhin@gmail.com), Anastasiya A. Lopukhina^{1,2} (nastya.lopukhina@gmail.com), Elena V. Uryson¹ (uryson@gmail.com)

ABSTRACT: The article is a cross-disciplinary study of polysemy applying theoretical, experimental and statistical methods. Although polysemy has been a focus of attention in a variety of papers and books, the phenomenon reguires a largely complex approach. The team of authors conducted a multifaceted study that incorporated lexicographic descriptions, statistical analysis, speakers' surveys, as well as experimental studies of electroencephalograms and eve movements. The study revealed that along with metaphors and metonymy, which are the most common meaning shifts, the development of polysemy also involves a greater number of other shift types. Taken together, these shifts constitute an elaborate hierarchical system and often combine with each other when new meanings are formed. Whether or not the speaker perceives that a word meaning is new, depends on the cognitive distance, which varies for different types of shifts: specifically, a metaphorically formed meaning is perceived to be further away from the original than a metonymic meaning. The way dictionary entries represent lexical meanings is only partly relevant to the structure of the mental lexicon and to the frequency of occurrence of different meanings. A lexicographic representation based on semantic principles is more readily perceived than one based on meaning frequency. The study has invited new interesting questions, such as whether our mental lexicon discriminates between distant and close metonymy.

KEYWORDS: semantics, lexicography, polysemy, semantic shifts, frequency, corpus of texts, semantic proximity, mental lexicon, experimental linguistics

FOR CITATION: Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D., Dragoy O. V., Iomdin B. L., Laurinavichyute A. K., Levontina I. B., Lopukhin K. A., Lopukhina A. A., Uryson E. V. A Multifaceted Approach to Semantic, Statistical, and Psycholinguistic Analysis of Lexical Polysemy. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 8–17. DOI: 10.31857/S013161170003937-9

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation, project No. 16-18-02054 «Study of Russian language consciousness based on semantic, statistical and psycholinguistic analysis of lexical ambiguity».

¹ Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)

² National Research University «Higher School of Economics»

³ Institute for Information Transmission Problems (Kharkevich Institute) (Russian Academy of Sciences)

⁴ Scrapinghub

дно из фундаментальных и самых захватывающих свойств языковых единиц — это их многозначность (полисемия). Подавляющее большинство слов русского языка, в особенности среди ядерной части лексики, имеет больше одного значения; нередко встречаются слова с более чем десятью значениями. При этом, когда мы сталкиваемся с многозначными словами в тексте или в речи, мы обычно легко понимаем, какое значение многозначного слова имеется в виду. Как такое возможно? Дело в том, что в разных значениях слово имеет разную сочетаемость, т. е. появляется в разных контекстах. Например, когда мы слышим фразу сок из граната слово гранат естественно интерпретируется в значении 'камень'.

Проблема разрешения неоднозначности полисемичных слов уже давно обсуждается в теоретической семантике. Так, в книге Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» [Апресян 1974] сказано, что для понимания того, как происходит выбор нужной интерпретации, необходим учет законов взаимодействия значений, то есть семантических правил. Наиболее общим является правило согласования значений, которое предполагает максимальную повторяемость смысловых компонентов в пределах предложения.

В книге приводится такой пример. Во фразе *Лошадка везет из леса воз хвороста* мы понимаем, что хворост — это сухие ветки, а во фразе *Бабушка жарит хворост на плите* — что это кулинарное изделие. В первом случае очевидным образом в толкованиях слов *лес* и *хворост* будет повторяться компонент 'дерево', во втором в толкованиях слов *жарить, хворост, плита* — компонент 'пища' или подобный. При этом у слов *жарить, плита* также есть другие значения, и выбор между ними осуществляется по этому же принципу. Если контекст не предоставляет такой возможности, возникает неоднозначное высказывание, как, например, *Хворост еще сырой* (совпадающие компоненты есть при обоих пониманиях слова *хворост,* им соответствуют разные значения слова *сырой*), или абсурдное (*Хворост спит под громкостью*, где у слов слишком мало общего, *Хворост цветет,* где между словами возникает семантическое противоречие). Абсурдные высказывания могут получать интерпретацию в игровом или поэтическом контексте.

Многозначность, с одной стороны, — это способ человеческого мышления, познания и осознания мира. С другой стороны, это языковое явление, которое играет ключевую роль в понимании текстов и речи, в том числе и при автоматической обработке текста.

В лингвистической семантике и лексикографии исследуются регулярные модели многозначности, вырабатываются лингвистические критерии выделения значений. В компьютерной лингвистике, в частности в систе-

Issues of Modern Russian Language

мах машинного перевода и автоматической обработки текста, на первый план выходит проблема разрешения многозначности — определения, в каком значении употреблена языковая единица в данном тексте. Ведь без этого невозможно правильно понять этот текст. Отдельное направление анализа многозначности представлено в психо- и нейролингвистике, где, с одной стороны, исследуются проблемы представления многозначности в ментальном лексиконе, а с другой — проблемы доступа к значениям при понимании речи в режиме реального времени, в том числе с точки зрения того, как «работают» при этом нейроны. До сих пор эти подходы к многозначности существовали изолированно — например, результаты психолингвистических и нейролингвистических исследований никак не учитывались в работе над словарными описаниями.

Однако оказывается, что многие теоретические семантические правила, в частности правило согласования значений Ю. Д. Апресяна, находят подтверждение в современной экспериментальной и компьютерной лингвистике. Например, экспериментальные методы демонстрируют, что близкие значения слова ускоряют восприятие друг друга: прямое значение действует как позитивный прайминг (активатор) для метонимического значения, и наоборот; современные автоматические методы разбиения на значения также ориентированы на анализ контекстов.

Поэтому нам представляется оптимальным комплексный анализ полисемии, совмещающий разные подходы к этому сложному явлению и сравнивающий их результаты; мы стремимся к интеграции лексикографических, количественных, психолингвистических и нейролингвистических методов.

На большом языковом материале были выделены и описаны механизмы семантической деривации: метафора, то есть перенос наименования по сходству (груша (плод) $\rightarrow$ груша (боксерская)), метонимия, то есть перенос по смежности (глупый человек $\rightarrow$ глупый вопрос) [человек не похож на вопрос, но глупый вопрос может быть задан глупым человеком], добавление семантических компонентов (сужение, конкретизация, обогащение значения: равнобедренный треугольник $\rightarrow$ играть на треугольнике, к компоненту 'форма' добавляются 'материал' и 'музыкальный инструмент'), утрата компонентов (расширение значения: человек идет $\rightarrow$ noesd идет [остается компонент 'перемещение', а указание на конкретный способ утрачивается]), замена компонентов (Я услышал голос $\to$ Мне голос был, меняется компонент 'чей'), модализация (добавление оценки: с трудом запихать в чемодан все вещи $\rightarrow$ Hy куда ты запихал мои ключи?), гиперболизация (ослабление: Наш сантехник просто гений), смягчение (литотизация, эвфемизация: слова сомнительный, неоднозначный в значении 'плохой', у слова с более слабым смыслом появляется более сильный смысл 'плохой'), утрата агентивности (Ребенок разбил $\rightarrow$ Ветер разбил), перенос

по коннотациям (разводить свиней $\rightarrow$ Он жуткая свинья, у него всегда такой беспорядок, по коннотации неаккуратности), перенос по импликатуре, т. е. явно не выраженному необязательному смыслу (добрый человек $\rightarrow$ добрый кусок мяса, скрытый смысл «Хороший — значит большой»), десемантизация («выветривание»: давать деньги взаймы $\rightarrow$ Давай пойдем в кино), внешняя мотивация (левый и правый в политическом смысле связаны с традиционным расположением мест фракций в английском парламенте), конверсия (выменять свое новое платье на туфли — выменять платье на свои новые туфли).

Некоторые из типов переносов — например, метафора и метонимия — хорошо известны, однако исследование на массовом языковом материале позволяет расширить представление об их природе. Так, гиперболизация и смягчение (литотизация) обычно рассматриваются как риторические фигуры, используемые для создания художественного или стилистического эффекта. Однако они также представляют собой регулярный механизм развития многозначности.

Некоторые семантические переносы представляют собой более узкие разновидности других. Скажем, модализация — это разновидность добавления компонентов, поскольку к производящему значению добавляется особый семантический компонент — качественная оценка, часто отрицательная. Кроме того, некоторые семантические переносы часто появляются в сочетании с другими. Например, у слова голос есть основное значение 'звучание речи человека' (Помню ее голос), от которого метонимическим переносом образуется значение 'говорящий человек' (Голоса удалялись). При этом важно, что помимо метонимии здесь есть семантическое наращение: говорящий человек не виден. Сказать голоса удалялись нормально, только если обладателей голоса мы не видим.

На материале полисемии ряда прилагательных обнаружилось сближение метонимии, метафоры и прямого значения: а именно, метонимические производные от прямого и метафорического значений могут объединяться в одной лексеме (безумный поступок — 'поступок сумасшедшего' (метонимия) или 'как бы являющийся проявлением психической болезни поступок' (метафора).

Даже у служебных слов, например предлогов, характер переносов имеет во многих случаях такую же природу. Так, многозначность предлога do во многом построена на метафорических и метонимических сдвигах. Метафорический перенос 'пространство $\rightarrow$ время' ($donon3mu\ do\ 3afopa \rightarrow pafomamb\ do\ beчера) — это та же самая метафора, что в выражениях <math>danekoe\ npounoe$ или $dnuhhe\ beixodhe\ be$.

Любопытно, что некоторые из переносов приводят к большему семантическому сдвигу, чем другие. Так, метонимия — это менее ощутимый

сдвиг по сравнению с метафорой. Неслучайно люди обычно плохо понимают суть метонимии и саму идею семантической смежности, в то время как понимание сути метафоры обычно затруднений не вызывает. Экспериментальные исследования языковой интуиции носителей языка подтверждают гипотезу о меньшем когнитивном «расстоянии» между метонимическими производными, нежели между метафорическими.

После обработки семантических данных мы провели поведенческое экспериментальное исследование, чтобы понять, как в ментальном лексиконе хранятся значения многозначных слов разных частей речи. Мы использовали задание на классификацию значений, чтобы исследовать, как носители русского языка группируют словосочетания с прямыми, метонимическими и метафорическими значениями слов трех частей речи — существительных, прилагательных и глаголов.

Пример задания на группировку значений существительного *вода*

Example task for grouping meanings of the noun *voda* (*water*)

Участникам эксперимента было предложено распределить по виртуальным корзинам 6–12 коротких контекстов с одним и тем же словом в разных значениях так, чтобы в каждой корзине это слово выступало в одном и том же значении. Испытуемые могли создавать столько корзин, сколько было контекстов на экране, и группировать контексты так, как им хотелось, например, можно было положить каждый контекст в отдельную корзину или сложить все контексты в одну корзину. В качестве стимулов были выбраны 24 существительных, 12 глаголов и 12 прилагательных. В исследовании приняли участие 2080 добровольцев.

Результаты эксперимента показали, что метонимические значения воспринимаются как близкие к прямым во всех трех классах слов. Однако

у прилагательных метонимические и метафорические значения воспринимаются как более похожие. Это позволяет сделать вывод о том, как хранятся значения многозначных слов: прямые и метонимические значения существительных и глаголов хранятся в одной ментальной репрезентации, а метафорические — в отдельных репрезентациях. Многозначные прилагательные, судя по всему, хранятся иначе: репрезентации прямых значений пересекаются с репрезентациями метонимических значений, а те, в свою очередь, пересекаются с репрезентациями метафорических значений [Лопухина, Лауринавичюте, Драгой 2018].

В ходе эксперимента подтвердилось предположение о том, что лингвисты будут классифицировать значения ближе к теоретическому методу классификации, на который опираются составители словарей. Однако не было найдено никакого подтверждения тому, что нелингвисты пользуются принципиально отличным способом классификации значений — общий рисунок ошибок классификации в двух группах испытуемых похож [Lopukhina, Laurinavichyute, Lopukhin, Dragoy 2018].

Был также проведен эксперимент с использованием методики вызванных потенциалов мозга. Мы измеряли электрическую активность мозга в то время, как испытуемым предъявлялись стимулы-словосочетания (например, политическая арена — цирковая арена): о каждом словосочетании нужно было решить, осмысленно оно или нет. Мы предположили, что ответ мозга на второе словосочетание в паре будет разным, в зависимости от того, какое значение у существительного в первом словосочетании: чем дальше друг от друга значения существительного в первом и втором словосочетании, тем выше степень «удивления» участника при восприятии второго словосочетания в паре. Это позволяет определить, какие значения мозг воспринимает как близкие и связанные, а какие — как далекие и несвязанные, подробнее в [Yurchenko, Lopukhina, Dragoy, 2018].

Еще один тип экспериментов исследует механизмы лексического доступа при понимании многозначных слов в предложениях и связан с регистрацией движений глаз при чтении. Так, мы сравнили движения глаз при чтении многозначных слов, выступающих в прямом, метафорическом или метонимическом значениях, например: *груша* — плод (прямое значение), дерево (метонимия) и спортивный снаряд (метафора).

Эксперимент с регистрацией движений глаз при чтении многозначных слов показал, что прямое, метонимическое и метафорическое значения слова читаются одинаково быстро, если поддерживаются предшествующим контекстом. Исключение составляли случаи, когда контекст был настолько общим, что был совместим со всеми значениями, но не поддерживал ни одно из них больше других, тогда неоднозначные слова читались значительно дольше. Таким образом, понимание метонимии

Issues of Modern Russian Language

и метафоры не требует дополнительных затрат энергии по сравнению с пониманием прямого значения— при условии, что контекст ограничивает возможные значения.

В статистической (компьютерно-лингвистической) части исследования интересным оказался результат статистического исследования о том, как часто первое значение в словаре оказывается самым частотным в корпусе. Для прилагательных, и особенно для глаголов, первое словарное значение только в половине случаев является наиболее употребительным в современном языке, что доказывает необходимость отражения в словаре информации о частотности значении слова, а с другой стороны, показывает, насколько необходимы данные о частотности значений при вероятностном разрешении многозначности в автоматической обработке текста.

В статистических и психолингвистических исследованиях многозначности активно используются данные существующих словарей. Результаты этих исследований, в свою очередь, могут быть очень полезны в лексикографической работе, особенно с точки зрения повышения удобства словаря для пользователя. Так, были проведены эксперименты, задачей которых было установить, какая подача значений сильно многозначного слова предпочтительна для пользователя. Группам испытуемых были предложены описания слов, имеющих большое количество значений (вынести и вырасти). Эти описания были упорядочены по частотности значений или в порядке семантического развертывания от прямых значений к переносным, исследовалось, сколько значений и в каком порядке испытуемые потом могут вспомнить. Оказалось, что порядок практически не влияет на количество вспомненных значений, но сам семантический порядок запоминается лучше, чем частотный.

Кроме того, выяснилось, что испытуемые, не получившие никаких материалов, привели некоторые новые, в том числе сленговые, значения, не отраженные в «Активном словаре русского языка» (об Активном словаре см. [Апресян (ред.) 2010]), например, весьма частотным оказалось словосочетание вынести мозг). Опора на корпус текстов при составлении современных словарей необходима, но недостаточна: новые значения слова, особенно стилистически ярко окрашенные, могут выявляться лишь путем языкового эксперимента.

Интегрированное исследование многозначности пока в самом начале. Однако уже очевидно, что оно позволяет получить объемное описание этого феномена, уточнить семантические описания единиц языка, углубить наши представления о том, как происходит хранение лингвистической информации и ее обработка в мозгу человека, усовершенствовать методы автоматической обработки текста и сделать словари более удобными для пользователя.

Литература

- *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
- *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с.
- *Апресян Ю.Д.* (ред.) Проспект активного словаря русского языка (отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян). М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
- Лопухина А. А., Лауринавичюте А. К., Драгой О. В. Как в ментальном лексиконе хранятся многозначные слова разных частей речи? // В кн.: Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 644–646.
- *Lopukhina A., Laurinavichyute A., Lopukhin K., Dragoy O.* The Mental Representation of Polysemy across Word Classes. In: Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 1–16.
- Yurchenko A., Lopukhina A., Dragoy O. Meaning relatedness in polysemous and homonymous words: an ERP study in Russian. Working papers by the Basic Research Program. Series WP BRP 67/LNG/2018 "Linguistics / LNG". 2018.

References

- Apresyan Yu. D. Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola. [Investigational study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 256 p.
- Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 368 p.
- Apresyan Yu. D. (ed.) Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka (otv. red. akad. Yu. D. Apresyan). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 784 p.
- Lopukhina A. A., Laurinavichyute A. K., Dragoy O. V. [How are polysemantic words of different parts of speech kept in the mental lexicon?]. Vos'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 18–21 oktyabrya 2018 g. [8th international conference on cognitive science. Abstracts. Svetlogorsk, October 18–21, 2018]. Moscow: Institute of Psychology of RAS, 2018, pp. 644–646. (In Russ.)
- *Lopukhina A., Laurinavichyute A., Lopukhin K., Dragoy O.* The Mental Representation of Polysemy across Word Classes. In: Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Pp. 1–16.
- *Yurchenko A., Lopukhina A., Dragoy O.* Meaning relatedness in polysemous and homonymous words: an ERP study in Russian. Working papers by the Basic Research Program. Series WP BRP 67/LNG/2018 "Linguistics / LNG". 2018.

C./Pp.18-36

Проблемы современного русского языка

К истории слова бомж

Алексей Валерьевич Буланников, Menlo Atherton High School (California, USA) (Москва, Россия), alewabulannikov@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170003938-0

Тридцать слов, похожих на взрывы: БОМЖ (без определенного места жительства). БОЗ (без определенных занятий)...
С. Д. Довлатов «Марш одиноких»

аннотация: В данной статье делается попытка проследить историю возникновения слова бомж и его последующую семантическую эволюцию, в ходе которой «милицейская» аббревиатура с узкой сочетаемостью и ограниченными контекстами употребления становится полноценным словом (в том числе и в отношении схемы ударения), все лингвистические характеристики которого совпадают с аналогичными существительными склонения 4b по классификации А. А. Зализняка. Кроме того, слово с течением времени обогащается переносными значениями, неформальной экспрессивной стилистикой, а также многочисленными дериватами.

ключевые слова: русский язык, аббревиатура, словообразование, корпусная лингвистика, Национальный корпус русского языка, бомж

для цитирования: Буланников А. В. К истории слова бомж // Русская речь. 2019. № 1. С. 18-36. DOI: 10.31857/S013161170003938-0

благодарности: Автор признателен В. А. Плунгяну, Б. А. Панову и Г. Л. Пастур за комментарии к предварительным вариантам этой статьи.

Issues of Modern Russian Language

History of the Word 'Bomzh' ('Bum')

Alexei V. Bulannikov, Menlo Atherton High School (California, USA) (Moscow, Russia), alewabulannikov@mail.ru

ABSTRACT: The purpose of this article is to describe the origin of the Russian word 'bomzh' ('homeless', 'bum') and its further semantic development . This word was initially the Russian police acronym for 'Of No Fixed Abode', with a narrow range of collocations and a limited number of contexts to define the concept, but has eventually become a functional lexical unit (assimilating its stress pattern as well), with its linguistic characteristics being the same as those of nouns of the 4b declension, according to Zalizniak's classification. Besides, over time, the word has been enriched with several figurative meanings, informal expressive stylistic features, and a great number of derivatives.

KEYWORDS: Russian language, abbreviation, derivation, corpus linguistics, Russian National Corpus, bum

FOR CITATION: Bulannikov A. V. History of the Word *'Bomzh' ('Bum'*). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 18–36. DOI: 10.31857/S013161170003938-0

ACKNOWLEDGEMENTS: The author is grateful to V. A. Plungyan, B. A. Panov and G. L. Pastur for their comments on preliminary versions of this article.

0. Вводные замечания

В настоящей статье делается попытка реконструировать историю слова $\emph{бомж}$, большинство фактов которой на протяжении долгого времени были неизвестны.

В наше время слово бомж обозначает феномен, имевший место не только в советский и постсоветский период, но и раньше: так называли и называют людей, не имеющих определенного места жительства и живущих

в бедности. Только до революции для обозначения этого социального явления использовались другие слова: *бродяга*¹, *босяк*, *клошар*, *бездомный*.

Существуют два вида инициальных (составленных из первых букв) аббревиатур: звуковые и буквенные. *БОМЖ* — аббревиатура звуковая (акроним), потому что произносится как обычное слово [бомш]. Это слово никогда не произносилось как буквенная аббревиатура — такой тип аббревиатур читается по алфавитным названиям букв — [бэ-эм-о-жэ].

В работах, исследующих бродяжничество как социальный феномен, утверждается, что впервые аббревиатура БОМЖ появилась в милицейских протоколах 60-х годов и вскоре вошла в активную речь [Лиходей 2002]. Эта версия является общепринятой. Более детальное исследование опровергло существующие предположения о происхождении слова. В данной статье точно указывается год появления и первоначальный смысл аббревиатуры, освещается контекст ее первого употребления, а также прослеживаются изменения в семантике этого слова, на основе чего делается предположение о его будущем.

В разделе 1 анализируются имеющиеся словарные данные по аббревиатуре, которые в разделе 2 сравниваются с результатами корпусного исследования. В разделе 3 делается экскурс в русскую историю для выявления исторических и лингвистических предпосылок появления аббревиатуры. В разделе 4 рассматриваются дериваты слова бомж, функционирующие в русском языке. Раздел 5 посвящен французской аббревиатуре SDF и ее сравнению с русской.

1. По данным словарей

В словаре Ожегова и Шведовой [Ожегов, Шведова 1992] слово *БОМЖ* написано прописными буквами. В этом же словаре буквальная расшифровка аббревиатуры дается как ее словарное определение. Авторы указывают склоняемые формы аббревиатуры, записывая их как *БОМЖа, БОМЖи*, но не определяет дериваты и т. п. Это позволяет сделать вывод, что распространенный толковый словарь еще не отражает современного общепринятого написания слова строчными буквами.

Более полную информацию дает нам словарь Γ . Н. Скляревской [Скляревская 1998: 109–110]. Словарь фиксирует два написания слова: *бомж* и *БОМЖ*, давая для каждого из них свои определения:

- *БОМЖ* как официальное сокращение и милицейская аббревиатура для предоставления информации о паспортных данных, и
- бомж как разговорное слово, обозначающее человека без прописки или бродягу, бездомного.

 $^{^1}$ В современном русском языке есть семантическое различие между словами *бомж* и *бродяга*. Подробнее см. [Урысон 2000].

Из этой словарной статьи можно сделать вывод, что помимо значения 'человек без прописки' в язык вошло и второе значение слова *бомж* — 'бродяга, бездомный'. Также словарь сообщает, что слово *бомж* фиксируется в первый раз в словарях последнего десятилетия, то есть в конце 80-х годов. Упомянуты и его дериваты (*бомжевать*, *бомжатник*, *бомжонок*); фиксируются они в первый раз именно в этом словаре.

Здесь же приводится первый известный нам пример упоминания слова, не связанный с внутренними документами НКВД-МВД:

(1) B его паспорте нет штампа о работе и прописке — это и есть «бомж» — человек без определенного места жительства (Ленинградская правда, 31.12.1968).

В таком важном словаре, как Малый академический словарь [Евгеньева (ред.) 1981–1984], слова *бомж/БОМЖ* вообще отсутствуют, вполне возможно, академическое издание не может включать в себя «не укрепившиеся» в языке неологизмы.

В словаре Ушакова [Ушаков 1935] этих слов тоже нет, и не могло бы быть, учитывая дату издания словаря — 1935 год.

Словари обычно фиксируют слова позже их появления в языке и отражают значения, прошедшие проверку временем. Так, вероятно, происходило и со словом бомж.

Более современные словари, как, например, «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004], словарь-справочник «Новые слова и значения» [Буцева (ред.) 2009] или «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2014], точно определяют двоякость этого слова.

Интересные дефиниции к слову *бомж* содержит словарь по материалам прессы и литературы 90-х годов [Буцева (ред.) 2009]:

- о безпризорных животных (разг.);
- об учреждении, не имеющем своего постоянного помещения (перен.).

В словаре указаны вхождения слова с такой семантикой, что делает дефиниции правомочными.

2. История слова

2.1.1920-1951

Двадцатые годы — время становления советского государства. НКРЯ не фиксирует письменные упоминания аббревиатуры *БОМЖ* в этот период. Дополнительные данные дает Google Ngram Viewer, который указывает, что с 1928 по 1936 год слово употребляется достаточно активно, а далее, до 1951 года, употребление резко снижается и сходит на нет. Но самые

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

интересные факты обнаруживаются в базе жертв политических репрессий международного общества «Мемориал». Первые свидетельства о задержании органами граждан с последующим получением отметки БОМЖ в графе «Место проживания» появляются в 1920 году. Аббревиатура присутствует в трех делах за 1920 год, одно из которых представляется нам наиболее существенным для этой работы:

(2) Риттих Эрвин-Иоганес Николаевич; 1888 г. р., м. р.: м. Велло, Перновский уезд, Лифляндская губ., немец, образование: среднее. Работа: Русскоукраинская евангельская палаточная миссия, благовестник прож.: **БОМЖ**; арестован 01.10.1920. Источник: Книга памяти Пермской обл. (Данные «Мемориала» по архивному делу ПермГАНИ. Ф.641/1 *. Оп.1. Д.11970)

Можно считать это употребление хронологически первым. В других двух делах 1920 года (Егора Енина и Андрея Минаева, которые, повидимому, велись одним сотрудником НКВД), где употреблялась аббревиатура *БОМЖ*, месяц и число не указаны. Мы не можем соотнести их хронологически с делом миссионера Риттиха.

Далее, во второй половине 30-х годов, во времена сталинских массовых репрессий, слово начинает употребляться активнее. Аббревиатура *БОМЖ* — профессионализм того времени. Как описано выше, это слово не означало опустившегося попрошайку. Так заполняли графу места проживания, когда человека забирали вне дома. В качестве примера характерно дело Денисовой-Кузякиной, студентки Киевского театрального техникума, арестованной в 1942-м за «фашистскую пропаганду» в Пензе, где она остановилась на пути в эвакуацию в Ташкент и, как гласит дело, не имела постоянного адреса проживания.

Аббревиатурой *БОМЖ* могли обозначить человека, если не знали его точного адрес при аресте. Как пример приведем дело Максима Васильевича Бреева, арестованного за религиозную пропаганду в родном городе:

(3) 1884 г. р., м. р.: РСФСР, Пензенская обл., Каменский р-н, дер. Верхи, русский, из крестьян, образование: начальное, б/п печник прож.: РСФСР, Пензенская обл., Сердобский р-н, адрес: **БОМЖ**, арестован Сердобским РА ПП ОГПУ НВК 19.02.1931. Источник: База данных Пензенского «Мемориала». (Данные «Мемориала» по АСД $\mathbb{N}^{\circ}$ 5429, УФСБ РФ по Пензенской области)

Как видно из дела, Максим Бреев был печником, и велика вероятность, что крыша над головой у него была, печник — профессия достаточно прибыльная. Интересно, что в протоколе, в графе «Место проживания», стоит все вплоть до района, не названы только улица и номер дома. По-видимому, Бреев не назвал свой точный адрес при допросе, а для сотрудников эта информация не являлась первостепенной, пометка БОМЖ их вполне удовлетворяла.

Возникает интересный вопрос: как определяли сотрудники НКВД, что человек — БОМЖ, если понятие прописки появилось в 1925 году в постановлении Совета народных комиссаров РСФСР «О прописке граждан в городских поселениях». До этого постановления, во время революции, большевики руководствовались принципами, которые определил Ленин в статье «К деревенской бедноте» [Ленин 1967: 167-168]: «Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения? Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов)...». Эти слова Ленина показывают механизм любой революции, хорошо сформулированный шотландским мыслителем Томасом Кайрлейлом в книге «Французская революция. История»: «Всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи». И как всегда, обещания не соответствуют реальным фактам. Уже в 1919-м, чтобы начать контролировать передвижение рабочих, вводятся трудовые книжки — удостоверения, обязательные только для Москвы и Петрограда. В провинции свобода передвижения еще существовала.

Получается, что сотрудники госслужб при создании и использовании аббревиатуры *БОМЖ* шли вразрез с официальной политикой партии и словами Ленина о свободе передвижения и что произошел возврат к дореволюционным понятиям привязки к месту постоянного жилья.

Существует немало дел, где аббревиатура *БОМЖ* записана либо в графе «Место проживания», либо в графе «Адрес», что указывает на то, что эти графы не имели четкого определения. Однако есть случаи, когда в графе «Место проживания» указывают область или страну — РСФСР, а в графе «Адрес» ставят *БОМЖ* — это часто встречается совместно с аббревиатурой *БОЗ* в графе «Работа». Вероятно, уже тогда аббревиатура начинает приобретать современную семантику. Если человек был «бомжацкого» вида, какими, вероятно, были Енин и Минаев (ведь вспомним, что у них нет занятий, работы, они «БОЗ», то есть фактически бродяги), то в голове сотрудника НКВД срабатывали старые клише о бродягах, клише, которые в теории должны были исчезнуть «при коммунизме». Чтобы не обозначать уголовную статью, причину обвинения (их там и нет), можно было просто поставить две аббревиатуры и уже на этом основании осудить человека.

2.2.1968-1990

С 1951 года слово *БОМЖ* перестает употребляться в следственных делах совсем, о чем говорят данные «Мемориала». Объяснение этому можно найти либо в том, что репрессии принимают другой характер, либо

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

просто по имеющимся данным сложно установить, писали ли это слово в деле репрессированного с 1951 года или нет.

Только через 17 лет слово бомж опять появляется в газете «Ленинградская правда» (этот факт зафиксирован в словаре Г. Н. Скляревской, см. выше пример (1)).

В 1968 году слово пишется строчными буквами, вероятно, оно уже перешло из устной речи в письменную, и написание слова строчными или прописными буквами — *БОМЖ/бомж* — перестало быть принципиальным. Хотя возможна и другая версия, что писавшие и не знали об аббревиатурном происхождении этого слова, и отсюда строчное написание. Однако надо заметить, что в данном примере слово дано в кавычках, из чего можно сделать вывод, что употребление строчными буквами еще ново для конца 60-х.

В рассказе Сергея Довлатова «Марш одиноких» (не надо путать со сборником эссе из газеты «Новый американец» — «Марш одиноких»), позже включенном в повесть «Зона», но уже без названия, автор пишет:

(4) Тридцать слов, похожих на взрывы: **БОМЖ** (без определенного места жительства). БОЗ (без определенных занятий). Гриф ОР (опасный рецидивист) (С. Довлатов. Марш одиноких, до 1975).

Для автора эти слова знакомы по опыту исправительно-трудовых лагерей, где они функционировали даже не как обиходные слова, а специальные профессиональные аббревиатуры.

В начале 70-х аббревиатура начинает употребляться как милицейский профессионализм. В одной из серий популярного советского телесериала «Следствие ведут ЗнаТоКи» (1971) следователь Зиночка Кибрит, не склоняя, использует аббревиатуру БОЗ-БОМЖ в серии под названием «Ваше подлинное имя?». Вот один интересный короткий диалог из этого фильма (расшифровка наша):

- (5) Знаменский: *Кем вы были до того, как стали* **БÓМЖем**? Бродяга Иван Петров: *Кем*?
- 3.: **БÓМЖем**. Человеком без определенного места жительства и занятий.
- Б.: A-a-a. Pafoman (K/ φ «Следствие ведут ЗнаToKu. Ваше подлинное имя?», 1971).

Ударение следователь Знаменский ставит на основу, из чего можно сделать вывод, что это слово еще было недостаточно освоенным в 70-е годы. В наши дни такая постановка ударения меняет стилистическую окраску слова с разговорно-уничижительной на бюрократически-нейтральную [Урысон 2000].

Кстати, в сюжете фильма есть еще один важный для нашей темы момент: в итоге длинного расследования оказывается, что задержанный не бродяга, а иностранный агент, который нарочно сел в тюрьму под видом бездомного, чтобы пересидеть охоту за ним сотрудников контрразведки. Но бдительные милиционеры не посадили этого человека как бродягу и продолжили расследование из-за подозрительного поведения задержанного, в частности из-за того, что он не знал аббревиатуру БОМЖ. То есть подразумевалось, что среднестатистический советский человек должен эту аббревиатуру знать.

Полноценное слово (уже не аббревиатура) *бомж* начинает активно употребляться в устной речи в начале 80-х годов, тогда же оно появляется и в художественной литературе.

(6) Странный он был тип: для **бомжа** выглядел слишком, пожалуй, респектабельно, а для так называемого приличного человека казался слишком уж опустившимся (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хромая судьба. 1982).

В этом фрагменте братьев Стругацких слово бомж функционирует как общеизвестное и означает опустившегося, бездомного человека. Примерно на это же время приходится первое (после Довлатова) употребление слова бомж в письменном и, скажем, не самиздатовском, а прошедшем цензуру источнике:

(7) Иди, неси ужин, буду есть грязными руками и в мокром плаще. Как **бомж**. В подъезде (Л. Разумовская. Счастье. 1981).

2.3.1991-2018

Уже в конце перестройки, по данным НКРЯ, количество употреблений слова *бомж* увеличивается в три с половиной раза (1985 год: 0,735 wpm; 1990 год: 2,586 wpm). Это можно объяснить социо-экономическими причинами — с увеличением количества бездомных, связанным с ростом безработицы и гиперинфляцией, возрастает и количество вхождений словоформ *бомж* в письменных источниках. Но вполне возможной причиной возросшего употребления является то, что цензура в период гласности заметно ослабевает и слово, уже активно использовавшееся в устной речи, начинает все чаще появляться и в письменных источниках. В перестройку стало возможным говорить на страницах печатных изданий то, что раньше не позволялось, например о социальных проблемах в обществе, среди которых было и бродяжничество.

Слово становится настолько популярным, что синонимичное бездомный используется в три раза реже. В 1998 году частота слова бездомный — 7,936 wpm, а слова бомж — 22,964 wpm.

Issues of Modern Russian Language

Однако нельзя не отметить, что синонимический ряд слова *бомж*: *бездомный*, *бродяга*, *бродяжка*, *клошар*, — употребляется в 90-е значительно чаще, чем в 1980-м году. Как говорилось выше, само социальное явление распространилось в 90-е годы, а с ним и слова, его обозначающие. А вот частотность слова *босяк* вообще не изменяется. Видимо, *босяк* — это настолько устаревшее слово, что к 90-м годам оно уже стало архаизмом.

В 1990-х годах в письменной речи одновременно появляется целый ряд дериватов, в котором сложно определить хронологическое первенство. Точное время появления их в языке установить невозможно (в письменную речь дериваты всегда приходят с некоторым запозданием), но приблизительно можно оценить, когда начинается «эпоха дериватов» нашего слова — это 1990–1992 годы.

НКРЯ фиксирует первый дериват в 1994 году, это слово бомжиха.

(8) — Вы сами не знаете, кто это! Вы бабушка-**бомжиха**? Вы это нашли и понесли продавать? (Н. Садур. Сад. 1994)

Дальше начинают появляться другие дериваты, которые будут рассматриваться в разделе 4.

Интересно, что слово *бомж* используют и при переводе. В переводе Юрия Вейсберга 2004 года книги «Форрест Гамп» Уинстона Грума слово *бомж* используется для перевода английского слова *bum*, которое в английском языке имеет крайне пейоративную окраску.

(9) There's a little money every month from his disability pension, but most of the time he just give it away to the other **bums** (W. Groom. Forrest Gump. 1986).

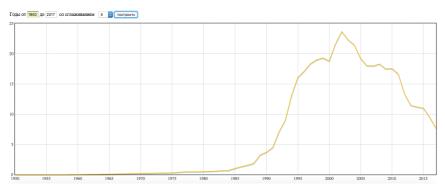
Ему давали крошечную пенсию, но он большую часть денег все равно от- давал другим **бомжам** (У. Грум. Форрест Гамп (пер. Ю. Вейсберга, 2004)).

Интересна и обратная ситуация — перевод русского слова бомж на иностранные языки. Так, на французский язык слово бомж переводят как аббревиатуру SDF («sans domicile fixe» (фр.) — «без определенного местожительства»), например, перевод текста Светланы Алексиевич (текст был написан по-русски).

(10) У пивного ларька всегда шумно. Народ разный. Тут встретишь профессора, работягу, студента, **бомжа**... Пьют и философствуют (С. Алексиевич. Время секонд хэнд (ч. 1). 2013).

Il y a toujours beaucoup d'animation autour des kiosques à bière. On y rencontre des gens de toutes sortes: des professeurs, des ouvriers, des étudiants, des *SDF*... Ils boivent enphilosophant (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (p. 1) (transl. S. Benech, 2013)).

Употребление слова *бомж* достигает пика в 2002 году — 23,664 wpm. Далее слово начинает употребляться реже, но, как говорилось выше,

Рис. 1. Частотность употребления существительного *бомж*; НКРЯ, 1950–2017 гг. (в *wpm*)

Fig. 1. Frequency of use of the noun *bomzh* (acronym for "Person Of No Fixed Abode") RNC, 1950–2017 (in *wpm*)

скорость исчезновения слова не так велика, как скорость распространения в предшествующий период. Можно предположить, что в ближайшие 10–15 лет слово сохранится в активном лексиконе.

По данным «Google Hoвости» за 2018 год (на апрель 2018 года), появилось приблизительно 350 статей и новостных справок, где так или иначе фигурируют бомжи. Итак, слово *бомж* и сегодня используется для обозначения бродяг.

3. До революции

Как описано выше, само появление слова *БОМЖ* (человек без фиксированного места жительства) противоречит реальной паспортной политике ранней послереволюционной эпохи. Это слово возникло в тот период становления РСФСР, когда не существовало ни понятия прописки, ни понятия паспорт, и в то же время это слово отсылает именно к этим понятиям. Поэтому следует выяснить, почему возникает аббревиатура *БОМЖ* именно в эту эпоху? Для этого следует заглянуть во времена, предшествующие революции, и задать два вопроса: как сильно «въелось» понятие «прописка» в сознание среднего городского жителя к началу 20-х годов двадцатого века? И существовало ли такое понятие до революции вообще?

Для ответов на эти вопросы стоит обратиться к истории прописки в российском государстве. Петр I 30 октября 1719 года подписывает указ о введении внутренних паспортов, выдающихся на один год. В 1724 году вводится подушная подать, и теперь крестьяне за паспортную пошлину «покупали» паспорт еще на один год. За отсутствие паспорта могли даже посадить в острог. Надо заметить, что тогда не существовало разницы между понятиями «паспорт» и «вид на жительство», точнее, одной из функций паспорта был вид на жительство.

Issues of Modern Russian Language

Итак, мы видим, что паспорт был одним из способов закрепления крестьян за землею, поскольку в паспорте была указана сословная принадлежность его владельца, которая не позволяла ему менять место жительства или даже отлучаться без разрешения. Можно сказать, что фактически это и стало тем, что позднее стали определять как прописку. Ремесленники также обязывались передвигаться между населенными пунктами только с «проезжим письмом». Даже дворяне должны были иметь при себе во время путешествия паспорт, где было указано место, куда дворянин направляется. Как видим, требование иметь при передвижении документ, указывающий имя, фамилию, сословную принадлежность, время поездки и пункт назначения, касалось всех сословий. В Петербурге ситуация вообще очень напоминала советскую: каждому домовладельцу предписывалось подавать в полицейский участок «ведомости» о заселении новых постояльцев в дом и, сверх того, доносить о подозрительных.

Бродят без паспортов ловили и сажали в остроги, а беглых крестьян карали еще серьезнее. Пример из «Очарованного странника» Н. Лескова хорошо иллюстрирует, как важен паспорт для главного героя, Ивана Флягина:

(11) Так и сделалось: выпороли меня в этот раз по-новому, на крыльце, перед конторою, при всех людях, и дали паспорт. Отрадно я себя тут-то почувствовал, через столько лет совершенно свободным человеком, с законною бумагою, и пошел (Н. Лесков. Очарованный странник. 1873).

К середине XIX века в Москве и Петербурге были введены особые требования: каждый приезжий был обязан зарегистрироваться с паспортом в адресной конторе и получить адресный билет.

В положении «О видах на жительство» 1894 года было сделано некоторое послабление: горожанам было разрешено жить в родном городе без вида на жительство, а также ездить в соседние уезды без письменного разрешения. Также вводилась паспортная книжка, которая выдавалась на всю жизнь. В поправках 1906 года (во время революции 1905–1907 гг.) крестьянам наконец было позволено передвигаться без письменного разрешения в соседние уезды и наниматься там на работу сроком не более шести месяцев. Прописываться каждый раз на новом месте теперь обязаны были только военнослужащие, а также финны, евреи. Остальные граждане должны были прописываться только в том случае, если они приезжали в определенное место на срок больше, чем шесть месяцев, а также в столицы — Санкт-Петербург и Москву.

Итак, система прописки была очень детально разработана в Российской империи. Поэтому можно сказать, что критика прописки Лениным имела под собой реальные основания. Остается заметить, что новый послереволюционный режим, призванный расправиться с тяжелым наследием царизма, ввел систему прописки, по жесткости значительно пре-

восходящую дореволюционный вариант. По установленному СНК РСФСР декрету, «О прописке граждан в городских поселениях» (1925), каждый человек, приехавший в город, должен был в течение трех дней прописаться в местном отделении милиции.

Теперь рассмотрим лингвистический аспект вопроса: почему аббревиатура БОМЖ возникает в начале 20-х годов. Очевидно, что аббревиатуры возникают позже сокращаемого словосочетания. Справедливо предположить, что и в нашей истории словосочетание «без определенного места жительства» появилось раньше аббревиатуры БОМЖ. Ее позже «придумали» сотрудники КГБ, которым приходилось вписывать в формы одно и то же словосочетание множество раз, чтобы экономить время. Может быть, тогда они не очень задумывались об идеологической некорректности этого словосочетания/аббревиатуры (см. раздел 2.1), а просто сокращали дореволюционный узус?

НКРЯ приводит пример употребления словосочетания в тексте 1898 года:

(12) Находясь постоянно в разъездах, он не обзавелся частной квартирой и жил на биваках в измайловском полку, а с исключением из службы остался **без определенного места жительства** (Н. Гейнце. Коронованный рыцарь. 1898).

Можно выдвинуть предположение, что это словосочетание было употребительно, несмотря на отсутствие других вхождений в письменную речь XIX века, поскольку в противном случае оно не входило бы в активный лексикон сотрудников КГБ. Сложно представить, что они «изобрели» такое словосочетание и сразу же стали его сокращать.

Также стоит отметить, что никакой пейоративной семантики это слово в вышеприведенном примере не имеет, это подтверждает, что изначально слово *бомж* не имело современной экспрессивной окраски, а приобрело ее ближе к середине XX века.

Итак, теперь нам известно, что корнями исследуемая аббревиатура уходит в XIX век.

4. Дериваты

Первое слово в списке дериватов, образованных от слова *бомж*, — это существительное женского рода *бомжиха*. Это существительное приведено в НКРЯ и датируется 1994 годом; источник — роман «Сад» Нины Садур. Этот пример уже упоминался в разделе 2 этой работы, приведем его еще раз:

(13) — Вы сами не знаете, кто это! Вы бабушка-**бомжиха**? Вы это нашли и понесли продавать? (Н. Садур. Сад. 1994)

Как видим, здесь слово *бомжиха* употребляется в значении: 1) бродяга женского пола, 2) опустившийся человек женского пола, к которому относятся с презрением.

В словаре «Новые слова и значения» [Буцева (ред.) 2009] встречаются более ранние примеры употребления дериватов, которые приведены ниже параллельно с примерами из корпуса.

Вот еще один пример употребления этого слова с пейоративной окраской в литературе 1990-х годов:

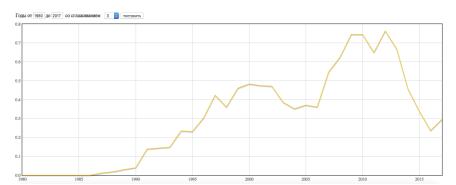
(14) [Вера Ивановна] Жена еще у него, у дурака такого ненормального.

Бомжиха, что ли?

[Павел Сергеевич] Нет, тетька, зачем?

(Л. Разумовская. Владимирская площадь. 1990–1999)

График употребления слова *бомжиха* идет вверх, начиная с 2006 года, в отличие от графика слова *бомж* и графиков других дериватов, см. рис. 2.

Рис. 2. Частотность употребления существительного *бомжиха*; НКРЯ, 1950–2017 гг. (в *wpm*)

Fig. 2. Frequency of use of the noun *bomzhikha* ('she-bum'): RNC, 1950–2017 (in *wpm*)

Параллельно с дериватом бомжиха появляются другие: бомжевать, бомжить, бомжацкий и бомжатский, бомжовый, бомжовский, бомжиный и бомжистый, бомжатник, бомжующий, бомжик, бомжара, бомжина, бомжеватый, бомжевский, бомжеский и бомжевый, бомжовка, бомжонок, бомжировать, бомжевидный, бомжеобразный. Не все из этих дериватов фиксирует НКРЯ.

Например, глагол *бомжировать* отличается от всех других дериватов слова *бомж*. Во-первых, сейчас он не встречается в повседневном употреблении, в отличие от остальных дериватов. Во-вторых, по данным словаря Г. Н. Скляревской, глагол *бомжировать* появился раньше первого по НКРЯ деривата — *бомжиха*.

(15) Интервью у Лопатина довелось брать на скамейке Тверского бульвара неподалеку от **бомжирующей** личности (Час пик, 20.07.1992).

И в-третьих, словарь Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2010] дает такое определение этому глаголу: «вести себя как бомж», — сравните с «вести образ жизни бомжа». Определение глагола бомжировать из словаря Т. Ф. Ефремовой конфликтует со значением слова бомжировать из вышеприведенного примера («вести образ жизни бомжа»). Языковая интуиция подсказывает значение «вести образ жизни бомжа». Но все же точное значение остается непонятным. Противоречия в определении значения глагола между источниками и современным словарем можно объяснить только тем, что этот дериват уже «умер». Глагол бомжировать, использовавшийся в 90-е, теперь уже не используется, и современные словари пытаются только реконструировать его значение.

Другой и более употребляемый (и более ранний, по словарю «Новые слова и значения» [Буцева (ред.) 2009], — 1988 год) производный глагол — это бомжевать:

(16) Затем он (возник вопрос куда податься) стал **бомжевать** у себя на лестнице под дверью возбудителей болезни Гейне-Медина (Л. Петрушевская. Квартирный вопрос. 1994).

Значения слова бомжевать:

- вести образ жизни бомжа,
- жить без регистрации,
- скитаться по разным территориям, бродяжничать.

Еще одно частотное слово — бомжатник — имеет несколько значений:

- место, где собираются бродяги, бомжовка,
- захламленное, неубранное жилище,
- о приемнике-распределителе для бомжей,
- ночлежка для людей, не имеющих крова, организованная социальными службами [Буцева (ред.) 2009].

Этот дериват, который в начале обозначал только локации, непосредственно связанные с бродягами, затем приобрел второе, переносное, значение и третье значение, связанное со структурами, работающими с бомжами, тем самым слово вернулось к буквальному значению, но уже извне.

Слово бомжатник образуется тогда же, когда и бомжиха, бомжевать (1990 год, по словарю [Буцева (ред.) 2009], то есть раньше, чем те дериваты). Все эти дериваты были необходимы для обозначения явлений, имевших распространение в то время, поэтому они так быстро входят в письменную речь. В таком доме из растаманской сказки вполне могли жить бомжи:

(17) Представьте себе стрёмный флэт. Типа **бомжатника**. Короче, глинобитный дом, одна половина сгорела, на другой половине вписываются волосатые (Растаманская сказка «Музей спящих хиппи». 1994).

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

Но более примечательная история, связанная с дериватами, — это образование и последующее словоупотребление прилагательных: *бомжовый*, *бомжацкий*, *бомжеватый*, *бомжевский* и *бомжиный*. *Бомжацкий* — принадлежащий бомжу или свойственный бомжу, бомжовый.

(18) Прохожие с любопытством смотрели на странного человека в хорошем сером костюме, кремового цвета рубашке и такого же цвета галстуке, который, несмотря на свой вполне респектабельный внешний вид, был занят **бомжацким** делом — поднимал с асфальта окурки и, тщательно рассматривая их, складывал в маленький полиэтиленовый пакетик (М. Милованов. Кафе «Зоопарк». 2000).

Бомжеватый — похожий на бомжа, бомжистый, бомжатский.

(19) Здесь концентрация туристов, свободной от условностей молодёжи и **бомжеватой**, опустившейся публики самая большая (Е. Малик. Северная Бавария // «Автопилот», 15.05.2002).

Бомжовый является «центральным» прилагательным. Имея семь дефиниций, оно используется в словаре «Новые слова и значения» [Буцева (ред.) 2009] как определение других дериватов-прилагательных. Дефиниции, а в скобках слова, первичные значения которых совпадают с данными дефинициями: 1) относящийся к бомжу (бомжацкий / бомжатский, бомжовский, бомжевый, бомжиный), 2) связанный с их участием, 3) предназначенный для бомжей (бомжацкий), 4) состоящий из бомжей (бомжиный), 5) такой, где много бомжей, 6) характерный для бомжей (бомжовский, бомжистый), 7) нищенский, убогий. Ниже приведен пример для первой и самой приблизительной дефиниции:

(20) Воняло нечистой одеждой, дерьмовой едой, тухлятиной, кислятиной, **бомжовой** мочой и едким потом южных женщин (Э. Лимонов. Книга воды. 2002).

Чтобы не потеряться в огромном семантическом поле дериватов-прилагательных, перечислим оставшиеся, возможные для этой группы дефиниции: 8) запущенный, грязный (бомжеватый), 9) похожий на бомжа (бомжевидный, бомжеобразный, бомжеватый). Примеры употребления дериватов-прилагательных в письменной речи см. в [Буцева (ред.) 2009].

Бомжующая личность — это «бомж», то есть тот, кто бомжует или, как раньше говорили, бомжирует.

(21) Застиранный белый плащ и запущенная молодая бородка вкупе с речью всадника на несуразном транспортном средстве совершенно уподобляли его бомжующему городскому сумасшедшему: состоит на учете

в психдиспансере, но без посадки в переполненный стационар как социально неопасный (М. Веллер. Белый ослик // «Октябрь», 2001).

Иногда хочется назвать «бомжей» ласково или хотя бы менее грубо. Вот и появляется дериват *бомжик*, который часто употребляется далеко не в «уменьшительно-ласкательном» значении:

(22) К нам подваливают два **бомжика** и начинают нас совестить, что мы, мол, сильно грязные (вот уж не ожидали от бомжей такого услышать!) (Наш бомжпоход. Униженные, но не оскорбленные // «Хулиган», 15.06.2004)

Такие слова, как *бомжина* и *бомжара*, обозначают то же, что и *бомж*, и обладают крайне пейоративной семантикой.

(23) — Ты случайно Серегу Серебрякова не знаешь? — Кто такой? — просипел заросший щетиной бомжина в спортивной шапочке с надписью «адидас» и тут же попросил закурить (О. Дудинцев. Убийство времен Русского Ренессанса. 1999).

5. Французский близнец

Sans domicile fixe (фр. без постоянного места жительства) — словосочетание, по версии французского социолога Жульена Дамона [Damon 2002], появившееся во Франции в полицейских реестрах начала XIX века, и уже тогда оно записывается как аббревиатура SDF.

Что касается сегодняшних употреблений sans domicile fixe, электронный словарь Larousse сообщает, что употребление sans-domicile-fixe возрастает, параллельно с его аббревиатурной формой. Но корпус Sketch Engine, база данных которого опирается на интернет-страницы на французском и других языках, опровергает информацию словаря Larousse. Частотность использования SDF и sdf — приблизительно 3 слова на миллион словоформ (38 288 употреблений из 9 889 689 889 словоформ в целом корпусе), в то время как sans-domicile-fixe используется лишь 164 раза в том же корпусе, и в некоторых случаях к такой форме записи прибавляется в скобках пояснение: SDF. Очевидно, что во французском языке аббревиатурная форма словосочетания значительно более употребительна, чем полное написание словосочетания.

По данным Google Ngram Viewer, SDF также указано как самое употребляемое слово для обозначения бездомного среди других слов той же семантики. Таким образом, можно сделать вывод, что языковая история узуса SDF очень похожа на языковую историю узуса fomm.

Пара *SDF* и *БОМЖ* — интересный случай, когда словосочетания, породившие эти аббревиатуры, полностью совпадают по смыслу, да и исто-

рии появления этих слов похожи. Ведь до нынешнего момента появление аббревиатуры БОМЖ приписывали милицейским служащим [Лиходей 2002], так что мы могли бы считать истории этих слов просто идентичными. Но за аббревиатурой *SDF* не стоит такая драматичная история появления, как за его русским близнецом, однако это не мешает французскому аналогу привлекать внимание множества исследователей, которые пытаются определить семантику слова SDF. Наиболее часто встречающееся определение SDF — как аббревиатуры, которая обобщает множество разных слов для обозначения бродяги: le sans-logis (без жилья, бездомный), le sans-abri (без крова, бездомный), le clochard (бродяга, нищий), le vagabond (бродяга), le mendiant (нищий), le rôdeur (скиталец). Также отмечается, что недопустимо таким образом называть людей, которые спят на улице, потому что это слово может обозначать как «немытого бродягу», так и человека, который находится в путешествии и постоянно меняет место жительства. Тем самым, по мнению французских лингвистов, употреблять эту аббревиатуру некорректно из-за двойственности смысла.

Французские исследователи уже зафиксировали эту семантическую двойственность аббревиатуры, тогда как в русском языке двойственность семантики аббревиатуры до сих пор не отмечалась. При этом в российском социокультурном пространстве осознание этой двусмысленности семантики БОМЖа не менее, если не более актуально, чем во французском, поскольку к неясности значения самого словосочетания прибавляется социальный и исторический контекст времени и места появления советской аббревиатуры.

• • •

Бомж — слово, проспавшее свой век. Родившись в начале XX века и на заре РСФСР, оно начинает активно употребляться только во времена развала СССР. Весь период с 20-х по 80-е годы можно назвать инкубационным для этого слова.

Последнее десятилетие двадцатого века в силу ряда причин стало временем появления множества неологизмов. И одним из первых неологизмов эпохи 90-х стало слово бомж. Долгое время считалось, что слово бомж появляется как милицейский профессионализм позднесоветской эпохи, но мало кто знает, что это слово имеет страшную предысторию. Если в 20-е и 30-е годы двадцатого века слово было штампом на человеке, который позволял перевести его из семьи советских людей в разряд нелюдейзаключенных, то в постсоветскую эпоху слово распространилось в языке уже для обозначения пусть менее кровавой, но не менее трагической реальности.

Источники

Карлейл Т. Французская революция. История. М.: Мысль, 1991. 575 с.

Мемориал. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://base.memo.ru/

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/

О прописке граждан в городских поселениях: Декрет СНК РСФСР от 28 апр. 1925 г.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. Т. 14. № 10709.

Google Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/ngrams

Larousse: Dictionnaire de Français [Электронный ресурс]. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais

Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: https://www.sketchengine.eu/

Литература

- *Буцева Т. Н.* (ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в двух томах. Т. 1 (A K). СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2009. 870 с.
- *Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981–1984. Изд. 2, испр. и доп.
- Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка. М.: АСТ, 2010. 699 с.
- Додонов Е. М., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 446 с.
- *Крысин Л. П.* (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А И / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 7.
- Лиходей О.А. Субъективные факторы маргинализации // Материалы конференции «Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI в». М.: 2002. С. 46–50.
- *Скляревская Г. Н.* Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, Институт лингвистических исследований, 1998. 704 с.
- Урысон Е. В. Бродяга, бомж // Новый объяснительный словарь синонимов (отв. ред. Апресян Ю. Д.). М.: Школа «Языки славянской культуры», 2000. С. 66−68.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.
- *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: НОРИНТ, 2004. 762 с.
- *Шведова Н. Ю., Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 660 с.
- Damon J. Le question SDF: Presses universitaires de France, 2002.

Issues of Modern Russian Language

References

- Butseva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya*. *Slovar*²*spravochnik po materialam pressy i lite-ratury 90-kh godov XX veka v 2 t*. [New words and meanings. Dictionary of reference materials of the press and literature of the 90s of the twentieth century in two volumes] T. 1 (A K). St. Petersburg. Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 870 p.
- Damon J. Le question SDF: Presses universitaires de France, 2002.
- Dodonov Ye. M., Yermakov V. D., Krylova M. A. *Bol'shoi yuridicheskii slovar*'. [Comprehensive Law Dictionary] Moscow. Infra-M. Publ., 2001. 446 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t., 2 izd.* [Dictionary of the Russian language in 4 vol. 2nd edition]. Moscow. Russkii Yazyk Publ., 1981–1984 [MAS].
- Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoi ekspressivnoi rechi*. [Big Dictionary of Russian Expressive Everyday Speech] St. Petersburg. Norint Publ., 2004. 762 p.
- Krysin L. P. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech (ed. by L. P. Krysin)], issue 1, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 776 p.
- Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v pyatidesyati pyati tomakh. 5-ye izd.* [Complete Works in 55 volumes, 5th ed.] Moscow. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967. Vol. 7. P. 167–168.
- Likhodey O. A. [Subjective factors of marginalisation]. *Materialy konferentsii «Tsennosti sovetskoi kul'tury v kontekste global'nykh tendentsiy XXI v»*. [Proceedings of the conference «The values of Soviet culture in the context of global trends in the XXI century»]. Moscow. 2002. pp. 46–50. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu., Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian language]. Moscow. Az Publ., 1992. 660 p.
- Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya.* [Explanatory Dictionary of Russian language of the late XXth century. Language changes]. St.Petersburg, Folio-Press, Institute of Linquistic Studies, 1998, 704 p.
- Uryson Ye. V. [brodyaga ('tramp'), bomzh ('bum')]. Apresyan Yu. D. (red.) Novyi ob''yasnitel'nyi slovar' sinonimov. [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow. Shkola «Yazyki slavyanskoi kul'tury», 2000. Pp. 66–68. (In Russ.)
- Yefremova T. F. *Sovremennyi slovar' russkogo yazyka*. [Modern Dictionary of the Russian Language]. Moscow. AST Publ., 2010. 699 p.

C./ Pp. 37-43

Проблемы современного русского языка

От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны

Елена Владимировна Генералова, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), elena-qeneralova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003953-7

аннотация: В статье рассматривается фрагмент современной русской языковой картины мира: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны за последние сто лет. Анализ частотности, семантики, становления в качестве эпитетов этих прилагательных позволяет, с одной стороны, сделать выводы о функционировании различных качественных и относительных прилагательных русского языка, а с другой стороны, проанализировать субъективное восприятие времени и истории в различные эпохи (см. легкомысленные семидесятые, глухие восьмидесятые, сытые нулевые). Подробно рассматривается история устойчивых выражений сороковые роковые и лихие девяностые.

ключевые слова: эпитет, лингвистика стереотипов, имя прилагательное, семантика

для цитирования: Генералова Е. В. От *«бурных десятых»* до *«тучных нулевых»*: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны // Русская речь. 2019. № 1. С. 37–43. DOI: 10.31857/S013161170003953-7.

ьлагодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии»).

Issues of Modern Russian Language

From 'Violent Tenth' to 'Obese Zeros': the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History of our Country

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Russia, St. Petersburg), elena-generalova@yandex.ru

ABSTRACT: The article deals with a fragment of the modern Russian linguistic world image — the epithets to denote the ten-year periods in the history of our country over the past hundred years. The investigation of frequency, semantics, formation of these adjectives as epithets allows, on the one hand, to draw conclusions about the functioning of various qualitative and relative adjectives in Russian, and on the other hand, to analyze the subjective perception of time and history in different epochs (see *frivolous seventies, deaf eighties, obese zeros*). The history of fixed expressions *сороковые роковые ('fatal forties'*) and *лихие девяностые ('dashing nineties'*) is considered in detail.

KEYWORDS: epithet, linguistics of stereotypes, adjectives, semantics **FOR CITATION:** Generalova E. V. From 'Violent Tenth' to 'Obese Zeros': the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History of our Country. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 37–43. DOI: 10.31857/S013161170003953-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 19-012-00214 "Man and Society in the Mirror of New Russian Phraseology").

еловек живет в потоке времени и осмысливает это время. Пытаясь расчленить поток на отдельные фрагменты и выделить в нем отдельные периоды, человек дает им названия, «наклеивает ярлыки». Особенно ин-

тересны в этом смысле названия, даваемые не историками (ср. *Средневековье*), а современниками — людьми, живущими в это время. Индивидуальные интерпретации периодов могут сильно различаться, т. к. несут отпечаток личного опыта, но в чем-то совпадают и сливаются в обобщенный образ Времени.

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка и интернет-ресурсов рассматривается фрагмент современной русской языковой картины мира: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны за последние сто лет.

Бурные **десятые**, грозные, грозовые, смутные, комсомольские, атеистические, романтические **двадцатые**, железные, страшные **тридцатые**, военные, роковые, страшные, суровые, огненные **сороковые**, золотые, сложные, послевоенные, репрессивные **пятидесятые**, безумные, благословенные, звонкие, поющие, прекрасные **шестидесятые**, застойные **семидесятые**, глухие, гнилые, тихие, тяжелые, социалистические, смутные **восьмидесятые**, лихие, ельцинские, демократические, лихорадочные, криминальные, пестрые, постперестроечные, бандитские, разгульные, анархичные **девяностые**, тучные, путинские, стабильные, сытые, бурные **нулевые**... Такой в языковой картине мира предстает история нашей страны за последние сто лет.

Названия промежутков времени — показатель восприятия (иногда идеологизации) обозначаемых эпох. В центре внимания находятся словосочетания по модели «имя прилагательное + порядковое числительное, образованное от названий десятков + существительное годы» (ленинские двадцатые годы) или «имя прилагательное + субстантивированное в форме мн. ч. порядковое числительное — обозначение десятилетия» (лихие девяностые). При спорности понятия «эпитет» в научной литературе, в настоящей статье, вслед за В. П. Москвиным, рассматриваем эпитеты в узком смысле этого термина: как красочные прилагательные, оттеняющие существительное [Москвин 2011: 1, 4].

Для получения обоснованных данных важно учитывать авторство и тип текста (нельзя считать равноценными художественный образ и газетный штамп), а также время создания текста (возникает ли эпитет в описываемое им время или создается позже в результате рефлексии — см., например, «оттепель» — известное образное наименование периода в истории СССР, начавшегося после смерти И. В. Сталина и продолжавшегося до начала 60-х гг., восходит к названию повести И. Г. Эренбурга, написанной в 1954–1956 гг., т. е., собственно, в обозначаемый период, а крылатое выражение «сороковые роковые» появляется в стихотворении Д. Самойлова не во время войны, а в 1961 г.).

Прежде всего интересно рассмотреть эпитеты к названиям десятилетий с точки зрения частотности, т. к. именно повторяемость сочетания демонстрирует устойчивость образа и позволяет говорить о стереотипи-

зации: так, Е. Бартминьский пишет, что показателями стереотипизации являются «повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, а также закрепление этой характеристики в языке» [Бартминьский 2005: 170].

Большинство определений к обозначениям десятилетий являются окказиональными: см. обэриутские двадцатые-тридцатые... стоили дороже жестяной современности (А. Найман. Все и каждый // «Октябрь», 2003), гнилые восьмидесятые принято сейчас только ругать, но я не могу присоединиться к общему мнению (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени. 2008). Фиксируются яркие, необычные образы: звонкие шестидесятые годы — расцвет советского вольномыслия (И. С. Шкловский. Новеллы и популярные статьи. 1982), Я же была грешна. Согрешила я в «вегетарианские», как их называла Ахматова, двадцатые годы. И в 1935-м отнюдь не вегетарианском! — после убийства Кирова (Л. К. Чуковская. Прочерк. 1980–1994) (метафора «вегетарианских» двадцатых возникает на основе их сопоставления с последующим, полным репрессий и крови, десятилетием тридцатых годов — ср. аналогичный образ в современной публицистике: диетические шестидесятые).

Существование одного окказионального эпитета иногда поддерживается наличием другого, и создаются окказиональные антонимические пары, по аналогии с уже существующими эпитетами образуются новые: см. «Что касается отношения молодежи к постсоветскому периоду российского общества, то оно основано преимущественно на тиражируемых в отечественных СМИ штампах о «лихих» / «голодных» 90-х и «стабильных» / «сытых» нулевых» [Ядова 2012: 194].

На фоне окказиональных эпитетов выделяются отдельные повторяющиеся характеристики некоторых десятилетий: *бурные двадцатые*, *страшные тридцатые*, *застойные семидесятые*, *стабильные и тучные нулевые*. Такие эпитеты — уже показатель обобщенной характеристики соответствующего периода.

Отдельно скажем о двух наиболее известных эпитетах-характеристиках десятилетий. Эти эпитеты не просто являются частотными, с ними возникают устойчивые сочетания: это фразеологические выражения сороковые роковые и лихие девяностые.

Выражение *сороковые роковые* авторское, оно обязано своим появлением поэту Давиду Самойлову: его стихотворение «Сороковые роковые» впервые появилось в журнале «Новый мир» в 1961 г., через это стихотворение рефреном проходят строки:

Сороковые, роковые, Свинцовые, пороховые... Война гуляет по России, А мы такие молодые! Стихотворение очень быстро приобрело широчайшую известность (см. Его еще почти не печатали, но мы уже, конечно, знали наизусть его знаменитые «Сороковые, роковые...» и «Смерть царя Ивана». Для нас поэтому тогда Давид Самойлов, равно как Борис Слуцкий, были самыми главными поэтами, почти богами. Еще бы! (А. Городницкий. «И жить еще надежде». 2001). За счет рифмы, аллитерации и точности, выражение сороковые роковые, зримо передающее грохот грозного военного времени, стало крылатым и часто используется авторами текстов разных жанров и лет.

Фразеологизм *пихие девяностые*, возможно, тоже является авторским. По наблюдениям И. Кабанова, это выражение фиксируется как журналистский штамп с ноября 2003 г. и приписывается Михаилу Веллеру. Вероятно, впервые выражение *пихие девяностые* появилось в романе М. Веллера «Кассандра», изданном в 2002 году. Сам М. Веллер не отрицает свое авторство, однако на прямой вопрос отвечает в интервью уклончиво: «Знаете, видимо, слава — это когда ты начинаешь узнавать о себе то, чего никогда не подозревал. Несколько лет назад я узнал, что вроде бы, когда у меня в «Кассандре» (в 2001 году я ее писал) встретилось выражение «лихие девяностые», то оно встретилось самый первый раз из всего, что нарыли ребята из большой телевизионной бригады. Так что, может быть, в самом деле это так. В любом случае это глубоко лестно» [LITE 30.07.2018].

Интересна семантика эпитета лихой. Это слово относится к индоевропейскому пласту лексики, активно используется на протяжении всей истории русского языка, обладая общей оценочной семантикой и при этом, что интересно, оценочной энантиосемией. Энантиосемия как редкий непродуктивный вид антонимии — внутрисловная антонимия, может быть корневой, морфологической (аффиксальной) и оценочной. При оценочной энантиосемии одно и то же слово может иметь в разных контекстах значения с противоположной оценочностью. Именно такая амбивалентность характерна для семантики слова лихой. В истории русского языка лексемы с корнем -лих- устойчиво связаны с понятиями «беда, горе», «болезнь», «нечистая сила». Впоследствии прилагательное лихой развивает, с одной стороны, значения 'причиняющий (могущий причинить) вред, зло; злой, полный тягот, бед'; 'тяжелый, трудный (о времени, поре и т. п.)', а с другой стороны — значения 'смелый, храбрый, удалой', 'быстрый, стремительный', 'залихватский, бойкий, задорный', 'делающий что-л. быстро, ловко, умело', 'имеющий пристрастие к чему-л.; очень любящий кого-, что-л.', при этом первое значение имеет отрицательную коннотацию, а второе — положительную. В современных толковых словарях эти значения лихой могут даже интерпретироваться как омонимы [Горбачевич 2007: 239–240], но в их основе единое прилагательное лихой. Устойчивое сочетание лихие девяностые, безусловно, допускает эту возRussian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

можность двоякого толкования прилагательного и использования его и с положительной оценочностью, с намеком на романтичность соответствующего периода, и с иронией, в негативном контексте.

Кроме окказиональных и устойчивых эпитетов, выделяются также сквозные эпитеты, которые могут характеризовать разные десятилетия (например, эпитет *бурные*). Такие эпитеты можно считать общими характеристиками времени, неслучайно они приведены как частые эпитеты при слове *время* в «Словаре эпитетов русского литературного языка» [Горбачевич, Хабло 1979: 75].

По семантическому параметру выделяются оценочные (прекрасные шестидесятые) и уточняющие эпитеты. Уточняющие эпитеты содержат указание на значимые исторические факты и события (военные сороковые, репрессивные пятидесятые, постперестроечные девяностые), политического лидера этого времени (ельцинские девяностые, путинские нулевые), господствующие течения и организации (комсомольские, атейстические двадцатые, социалистические семидесятые, демократические девяностые, бандитские девяностые), наличие / отсутствие общественнополитической жизни (бурные десятые, бурные нулевые / застойные семидесятые, гнилые восьмидесятые) и т. п.

Рассмотрение оценочных эпитетов позволяет исследовать субъективное ощущение времени в разные годы. Время интерпретируется с точки зрения его спокойствия и наличия чувства страха (грозные, грозовые двадцатые, страшные тридцатые, страшные сороковые, легкомысленные семидесятые, стабильные нулевые), наличия пропитания (голодные двадцатые, сытые, тучные нулевые). Время осмысляется через различные образы, например интерпретируется в метафорах звука (звонкие, поющие шестидесятые, глухие восьмидесятые, тихие восьмидесятые), материала (железные двадцатые, золотые пятидесятые), стихии (огненные сороковые).

В какой период мы живем сейчас? Какое название получат первые десятилетия XX века? Это название пока только подбирается: У нас были лихие девяностые и стабильные нулевые. А теперь у нас — снова лихие, только десятые. Вернее сказать — депутатские. (М. Кононенко. Лихие депутатские // Известия, 19.02.2013), Путинские нулевые... Какие они? Тучные... серые... брутальные... чекистские... гламурные... стабильные... державные... православные... (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).

В целом эпитеты к обозначениям десятилетних периодов истории интересны для изучения и в собственно лексикологическом аспекте (семантика и функционирование качественных и относительных прилагательных русского языка), и в стилистическом (образование эпитетов разных типов), и в лингвокультурологическом отношении (концептуализация языковой

картины мира). В таких прилагательных отражаются индивидуальные и стереотипные представления о времени, а разнообразие и само количество таких эпитетов свидетельствует об удивительной наполненности, насыщенности и разнообразии времени, в потоке которого мы живем.

Литература

- *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
- *Горбачевич К. С.* (ред.) Большой академический словарь русского языка. Л–Медь. М. СПб.: Наука, 2007. Т. 9. 658 с.
- *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, Л-дское отд., 1979. 567 с.
- Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления // Электронный научнообразовательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 4 (14). Декабрь 2011. С. 1–5. URL: www.grani.vspu.ru (дата последнего обращения 30.07.2018).
- Ядова М. А. Девяностые и нулевые в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения // Политическая наука. 2012. № 2. С. 177–195.
- LITE [Электронный pecypc]. URL: https://tvrain.ru/lite/teleshow/kak_vse_nachinalos/veller406239/ (дата последнего обращения 30.07.2018).

References

- Bartmin'skiy Ye. *Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 527 p.
- Gorbachevich K. S. (ed.) *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka*. [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow SPb., L-Med' Nauka Publ., 2007. vol. 9, 658 p.
- Gorbachevich K. S., Khablo Ye. P. *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka*. [Dictionary of epithets of the Russian literary language.] Leningrad, Nauka Publ., 1979, 567 p.
- LITE. [Электронный pecypc]. URL: https://tvrain.ru/lite/teleshow/kak_vse_nachinalos/veller 406239/ (accessed on 30.07.2018).
- Moskvin V. P. [Epithet as a subject of theoretical consideration]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGPU «Grani poznaniya»*. No 4 (14). Dec. 2011. pp. 1–5. URL: www. grani.vspu.ru (accessed on 30.07.2018). (In Russ.)
- Yadova M. A. [The nineties and 'zeros' viewed by 'modernists' and 'traditionalists' of the post-Soviet generation]. *Politicheskaya nauka*, 2012, № 2, pp. 177–195. (In Russ.)

C./ Pp. 44-57

Проблемы современного русского языка

Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе

Александр Петрович Сковородников, Галина Анатольевна Копнина Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск), skapnat@mail.ru, okopnin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170003954-8

аннотация: В статье отмечается отсутствие в лингвистике единообразного понимания термина «словесный ярлык», признается ошибочным отнесение к словесным политическим ярлыкам нейтральных и положительно-оценочных характеристик объекта действительности. На основе анализа способов образования свыше 200 словесных ярлыков, представленных в политическом медиадискурсе, и выявления объединяющих их признаков предложена конкретизированная дефиниция термина «политический ярлык». Предложены также две дополняющие друг друга классификации ярлыков, используемых в современном политическом медиадискурсе: первая — по дискредитируемому объекту, или мишени (в ее качестве выступают политические деятели и сторонники той или иной идеологии, сама идеология, народ, географические объекты — страна или город); вторая — по времени их возникновения и функционирования (ярлыки досоветского, советского и постсоветского времени; отмечается наличие политических ярлыков, функционирующих длительное время на протяжении нескольких, причем очень разных эпох). Поставлен вопрос о необходимости изучения оценочных антонимических коррелятов политических ярлыков — политических глорификаторов, или апологетизмов. Широкое использование аксиологических антиподов в политическом медиадискурсе свидетельствует, по мнению авторов статьи, о накале общественно-политических противостояний в российском социуме, что чревато снижением уровня безопасности страны. Результаты исследования могут представлять

интерес для специалистов в области политической лингвистики и медиалингвистики, а также для всех, что причастен к формированию политического дискурса в России.

ключевые слова: политический медиадискурс, политический ярлык, классификация ярлыков, политический апологетизм

для цитирования: Сковородников А. П., Копнина Г. А. Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. 2019. № 1. С. 44-57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8.

Issues of Modern Russian Language

Political Labels in Modern Russian Political Media Discourse

Alexandr P. Skovorodnikov, Galina A. Kopnina, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk), skapnat@mail.ru, kopnin@mail.ru

ABSTRACT: The article states absence of uniform understanding of the term 'verbal labels' and determines that neutral and positively evaluated characteristics of a subject were erroneously classified as verbal labels. Based on the analyses of formation methods for more than 200 verbal labels represented in political media discourse, and recognition of its common attributes, the authors specified the definition of the term 'political label'. Two complementary classifications of labels that are used in modern political media discourse were suggested. The first classification is founded on a discredited object, or target (in this case targets are the following: political dignitaries and protagonists of a particular ideology, ideology itself, nation, geographical features such as countries and cities); the second one is built upon the time of their appearance and functioning (labels of pre-Soviet, Soviet and post-Soviet times; the authors note occurrence of such political labels which function for a long time during several different time periods). The article also raises a question concerning the need to study evaluative antonymic correlates of political labels — political glorifiers, or apologetic means. According to the authors' opinion, extensive use of axiological antipodes in

political media discourse reflects violent social and political confrontations in Russian society which is fraught with diminishment of the state's security. Research results could be used not only by experts in the field of political linguistics and media linguistics but also by those who develop political discourse in Russia.

KEYWORDS: political media discourse, political label, classification of labels, political apologetism

FOR CITATION: Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Political Labels in Modern Russian Political Media Discourse. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 44–57. DOI: 10.31857/S013161170003954-8.

эпоху информационно-психологического противоборства как стран, так и идеологических групп внутри страны, осуществляемого при помощи различных инструментов воздействия на массовое сознание, большую роль играет язык. Одним из средств осуществления такого противоборства, приобретающего в некоторых ситуациях характер информационно-психологической войны, являются политические словесные ярлыки. Замечено, что «обилие и разнообразие в употреблении словярлыков чаще наблюдается в случаях политического накала, обострения политических проблем, возникновения кризисных ситуаций» [Резникова 2005: 53].

Несмотря на ряд публикаций, посвященных словесным ярлыкам, называемым иногда стигмой, или клеймом [Комлев 2016: 6], их устоявшейся дефиниции на данном этапе нет. Большинство исследователей рассматривают ярлык как «средство создания образа врага, который, в свою очередь, является продуктом целенаправленного манипулирования сознанием» [Дмитриева 1994: 90]; как «слово или характеристику, которые используются с целью дискредитации человека/группы людей, а также для создания негативного образа предмета либо явления» [Нечипоренко 2014: 37]; как «необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме» [Навасартян 2016: 460]. Однако эти определения не раскрывают глубинную суть феномена.

Кроме того, существует ошибочное, на наш взгляд, понимание ярлыка как такой краткой характеристики объекта, которая может иметь не только отрицательную, но и нейтральную и даже положительную коннотацию (см., например, [Ван Хуэй 2017: 73; Мягкова 2010: 189]). Номина-

тивные идеологические единицы, обладающие сильной мелиоративной (возвеличивающей) коннотацией и ослабленным денотатом, можно терминировать как «апологетизмы» или «глорификаторы» [Сковородников 2016: 280].

Ошибочным можно считать также понимание ярлыка как любой негативно-оценочной лексической единицы, то есть любого слова с пейоративной семантикой (см. [Катенева 2009: 83]), потому что «при таком понимании к словесным ярлыкам пришлось бы отнести любые бранные, оскорбительные слова, отрицательные характеристики (инвективная лексика, клички, дисфемизмы и т. п.). Поэтому возникает необходимость разграничить словесные ярлыки и сходные с ними на первый взгляд понятия: инвективы, клички (прозвища), штампы (шаблоны), дисфемизмы и др.» [Булгакова 2012: 44].

Вторая проблема — проблема типологии словесных ярлыков. В литературе можно наблюдать попытки выделить типы словесных ярлыков. Так, в роли словесных ярлыков, по наблюдениям исследователей, выступают политические пейоративы, антропонимы [Лемешко 2013: 27; Голодов 2017: 130], мемы-ярлыки (мемы-стигматы) [Федорова, Семилет 2016: 215], лексические новообразования [Кузьминская 2014]. Н. Е. Булгакова разграничивает словесные ярлыки языковые (расист, антисемит и под.), не требующие контекста для их статусного определения, и словесные ярлыки речевые, или контекстуальные (перевёртыш, мясник и под.) [Булгакова 2012: 45]. Классификации словесных ярлыков на различных основаниях, освещающих их с разных сторон, насколько нам известно, не предпринимались.

Третья проблема — проблема установления перечня функций словесных ярлыков и терминологического обозначения этих функций. Отмечается, что словесные ярлыки используются с целью оскорбления, дискредитации политического противника, его оценки с позиции «наш — не наш», создания негативных стереотипов, играют роль манипулятивного оружия в политической борьбе с той или иной частью политического сообщества (см., например: [Базылев 2005: 15; Маринова 2017: 43]). Возможно, что названные функции не исчерпывают всего их многообразия.

Настоящая статья не претендует на полноту решения означенных выше проблем, а является попыткой конкретизировать дефиницию политического ярлыка, классифицировать политические ярлыки по формальному и сущностному признакам и показать их функционирование в современном политическом дискурсе. Материалом исследования послужили речевые факты с политическими ярлыками, взятые из средств массовой информации и сети Интернет. Общее количество зафиксированных и проанализированных нами словесных ярлыков — свыше 200 единиц.

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

Результаты исследования будут далее показаны на ограниченном количестве материала в связи с жанром научной журнальной статьи.

Речевые факты изучались с применением лингвоидеологического анализа как разновидности контекстуального анализа в его широком понимании, направленного на определение идеологического содержания и оценивающей функции словесной единицы, выступающей в роли ярлыка. Использовался также метод компонентного анализа.

Анализ собранного материала показывает разнообразие способов образования политических ярлыков. Не претендуя на полноту представленности, покажем некоторые наиболее продуктивные способы их образования.

Способы образования и признаки политических ярлыков

- 1. Номинация какого-либо социально значимого факта, события, лица и т. д. словом или словосочетанием, обозначающим нечто заведомо негативное, то есть изначально содержащее негативно-оценочную сему: — Представители властей Украины не раз заявляли, что Красная армия оккупанты. И постепенно всё делается для того, чтобы вытеснить советский нарратив истории и подменить его нарративом западноукраинского, галицкого населения, — отметил Владимир Корнилов (URL: https:// iz.ru/news/664575); Снятый с рейса «русский оккупант» будет судиться с Delta. Россиянин, которого сняли с рейса американской авиакомпании Delta якобы за то, что он «оккупировал Крым», намерен подать в суд на перевозчика (URL: http://www.tvc.ru:8021/news/show/id/120702); Фишер <...> на встрече с армянским президентом Сержем Саргсяном 12 июня он заявил, что «аннексия Крыма Россией однозначно представляет собой нарушение международного права» (РБК Дейли, 18.06.2014). Если в первом примере слово «оккупант» само по себе выполняет роль ярлыка, то во втором и третьем примерах слова «оккупант» и «аннексия» являются смысловым ядром ярлыков-словосочетаний. Словарные значения слов «оккупант» и «аннексия» в данном контексте полностью противоречат описываемым ими референтам: в действительности Красная армия освобождала прибалтийские территории от фашистских захватчиков, а российская армия предотвратила геноцид русского населения в Крыму. Существование в языке антонима делает ярлык более ярким, ср. оккупант — освободитель, аннексия — освобождение (воссоединение, возвращение).
- 2. Наведение семы негативной оценки с помощью тропеического переноса, например: Страна одна, но лагеря у нас разные. В одном вот ватники и колорады, а в каком окажемся мы пока неясно (Известия. 22.05.2014); Украина уже находится в фазе экономического дефолта. Но политической составляющей революционной ситуации нет. Она должна появиться. Био-

масса когда начнет двигаться с политическим протестом? Когда жрать нечего будет! Когда тепла не будет! (Новый регион 2, 12.11.2009).

- 3. Соединение суффикса -оид и фамилии человека как способ образования ярлыков-окказионализмов: **Путиноиды** и **чубайсоиды** готовы организовать разнообразную травлю любых революционных элементов, в том числе преследования бескорыстных рыцарей научно-технической революции (Завтра. 2005. № 52); За что **либерал-ельциноиды** так ненавидят Путина? (URL: goo.gl/mnPYGG).
- 4. Создание ярлыка-окказионализма по модели образования слова, вызывающего негативные ассоциации. Например: 10 марта на совещании в МВД Лукашенко потребовал «выковыривать «майданутых», как изюм из булки» (Новая газета. 13.03.2017) ср. шизанутых; Идеология «нашизма», которой пронизана нынешняя программа действий А. Усса, это та же программа, с которой его партия «Блок наших» шел на прошлых выборах в местное законодательное собрание и добился тогда неплохих результатов (Завтра. 2002. № 38) ср. фашизма.
- 5. Междусловное наложение (возможно с усечением компонента(ов)): Мы Европа? Или мы Азия? Кто-то произносит банальное: Евразия, кто-то ругается: Азиопа. Всем мальчикам нашей страны (да и всем девочкам) известна рифма к слову «Европа». «Азиопа» глядит в то же самое место; но пора бы и повзрослеть; вопрос-то серьезный (URL: goo.gl/ypPMZC) Азия + Европа; А вспомните, как Ельцин назначал Немцова вице-премьером. Тот первым делом спросил: «Сколько я буду с этого иметь?» И начался торг. И он желанной суммы добился... Невозможно и вообразить, чтобы хоть один из председателей ВЧК-КГБ от Дзержинского до Крючкова способны были так думать и поступать, как эти трое демокрадов (URL: http://zavtra.ru/blogs/2004-09-2251) демократов + конокрадов.
- 6. Соединение слов по модели «слово, обозначающее какую-либо социальную группу + слово с негативной оценочной коннотацией»: Жидобандеровцы: зачем Коломойский придумал их? <...> Казалось бы, попахивает это самоубийственной шизофренией ведь соединение в одном понятии ненавистной евреям клички с именем основателя террористического, погромного течения, реально повинного в пособничестве нацистскому Холокосту, для души честного еврея, да и любого нормального человека, оскорбительно и неприемлемо (URL: goo.gl/NRn46s); По-моему, у нас оппозиции в серьезном политическом смысле нет. Это связано с тем, что с начала 90-х любая оппозиция, допустим, тогдашнему ельцинскому курсу, активно высмеивалась. Сначала это было «агрессивно послушное большинство», потом «красно-коричневые», папаша Зю (Комсомольская правда. 15.03.2005).
- 7. Оксюморонное сочетание слов, в котором одно из слов (существительное или прилагательное) обозначает осуждаемое явление, например:

Issues of Modern Russian Language

«агрессивно послушное большинство» (в предыдущем примере); Православный ИГИЛ, пока еще не запрещенный в России. Религиозные экстремисты не успокоятся, исчерпав тему фильма «Матильда» (Новая газета. 13.09.2017); Читайте: Профессор Дугин, обычный русский фашист (URL: goo.gl/4LrmaJ).

- 8. Сжатие (компрессия) идеологемы (слова или словосочетания) с использованием суффиксации: **Думаки** планируют сурово карать взяточников, но не самих себя... (URL: goo.gl/aR9GHi); Тайна разгула коррупции в Украине раскрыта: во всем виновата «совдепия». Президент Украины Петр Порошенко заявил, что проблема коррупции в Украине кроется в тяжелом советском наследии (URL: goo.gl/c8XUra).
- 9. Двукорневые номинации с варьирующимся первым компонентом и постоянным вторым: X + фоб. Например: Прецедент увольнения за «гомофобию» (этим термином педерасты и им сочувствующие называют нормальных людей, имеющих четкую нравственную позицию) создан теперь и в нашей стране (URL: http://www.pravoslavie.ru/47407.html); Но это четверостишие еще не один десяток лет будет гулять по Сети и использоваться русофобами и юдофобами всего мира для разжигания ненависти между двумя народами (URL: goo.gl/j3Zrxt).

Приведенные политические ярлыки, образованные разными способами, объединяет то, что все они обладают следующими признаками:

- 1) являются номинативными единицами (словами или словосочетаниями) социально-политического содержания с пейоративной оценкой какого-либо объекта (лица, социальной группы, народа, события, идеологии и т. д.);
- 2) имеют гипертрофированную эмоционально-оценочную сему при одновременной ослабленности денотативного компонента;
  - 3) подвержены стереотипизации и тиражируемости;
  - 4) направлены на дискредитацию, очернение того или иного объекта;
- 5) основаны на полном или частичном несоответствии сигнификата референту;
- 6) представляют собой идеологемы, содержащие предельно свернутый негативный миф [Сковородников 2016: 274–275].

Учитывая эти признаки, политические словесные ярлыки определим как тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов. Будем считать мифом выраженное в знаковых системах ментальное образование, обладающее «символическим слоем» [Лосев 1991: 25] и отражающее социально и/или

личностно значимый факт (событие, личность, социум, идеология и т. д.) — дискредитируемый (в случае «черного мифа») или идеализируемый (в случае «светлого мифа»). Идеологему, вслед за Н. И. Клушиной, понимаем «как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка», которая «ориентирует массовое сознание в нужном направлении» [Клушина 2014: 54, 56–57].

Одну из классификаций политических ярлыков — по способу образования — мы представили выше. Приведем и две другие возможные и дополняющие друг друга классификации политических ярлыков.

I. **Классификация политических ярлыков по их мишени** (дискредитируемому объекту).

Политические ярлыки можно классифицировать в зависимости от мишеней, на которые они направлены и вокруг которых строится тот или иной негативный миф. Обобщенно основные мишени объединяются в 4 группы под условными названиями: политические деятели (персоны) и сторонники той или иной идеологии; сама идеология; народ; географические объекты (страна, город).

- 1. Самой многочисленной является группа ярлыков, мишенью которых являются конкретные политические деятели или сторонники той или иной политической идеологии: Путлер, Зюгашвили, Эльцинд, Парашенко, троцкисты, бандеровцы, ельциноиды, жириноиды, путиноиды, чубайсоиды, нашисты, фашисты, демокрады, майданутые, путинярня, укропы, агенты сионизма, правосеки, враги Перестройки, диссиденты и мн. др. Например: Кто-то скажет, мол, американиы там не воюют, но вспомните, кто помог раскрутить майдан, кто выступал с его трибуны, кормил печеньками майданутых, хвастал, что государственный переворот стоил Вашингтону \$5 млрд, кто постоянно будирует в конгрессе вопрос об отправке Киеву летального оружия... (URL: https://iz.ru/news/666367); Денис Гуцко в интервью с Л. Улицкой: Крайне удивительно наблюдать, как весьма просвещенные люди, проповедовавшие уважение к чужому мнению, провозглашают тех, кто поддержал присоединение Крыма, холуями и путиноидами (Новая газета. 24.03.2014). Некоторые из политических ярлыков этой группы входят в парные идеологические оппозиции, например, укponы - колорады, путиноиды — майданутые.
- 2. Широко используются политические ярлыки, мишенью которых является как идеология либералов-западников (космополитизм, русофобия, сионизм, жидобандеровщина, глобализм), так и идеология консерваторовпатриотов (великодержавный шовинизм, ксенофобия, национализм (вместо шовинизма), неосталинизм, русский фашизм, русский шариат, антисемитизм, великодержавный империализм, тоталитаризм, черносотенство). Любопытно то, что сторонники и той, и другой идеологии «навешивают»

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

друг на друга ярлык фашизма: Как во время фашистской оккупации там стучали друг на друга и выдавали соседей в гестапо, так же точно теперь там стучат на соседей, называя их «сепаратистами», «террористами», которых надо загнать в «фильтрационные лагеря». Русофобия — это фашизм, как любая ненависть и расправа по национальному признаку. Сопротивление и сильная самозащита — единственный выход, когда эту преступную политику приветствует «коллективный Запад», разжигая ненависть к России (Комсомольская правда. 16.07.2014); Когда осколок некогда великой империи вводит танки аж в Абиссинию, чтобы отвлечь народ от краха экономики, и кричит: «Мы Великие! Можем повторить!» — вот это и есть фашизм. «Можем повторить!» — грозно обещают «Ночные Волки», все в наколках, въезжая в Берлин на своих патриотически ревущих мотоциклах (разумеется, иностранного производства) (Новая газета. 12.05.2017).

- 3. Ярлыки, мишенью которых является народ той или иной страны или какая-либо его социальная страта: биомасса, ватники, быдло, гомо советикус, рабы, оккупанты, захватчики, колонизаторы, бюрократы, аппаратчики и др. Например: Политическому истеблишменту новой России изначально выпал новый билет, у них появилась возможность сказочно разбогатеть и раствориться в современном демократическом мире. Но, видимо, психика «Гомо советикус» оказалась поврежденной настолько сильно, что не позволила взять верх разуму и привела российские элиты фактически к «разбитому корыту» (URL: goo.gl/L4FYr8); Когда моя жена (она тоже родом из Душанбе, с соседней улицы) самокритично упоминает «русских колонизаторов», Бехруз поправляет: «Ну какие же вы колонизаторы! У русских были те же права, те же доходы, что и у таджиков» (Комсомольская правда. 29.01.2014).
- 4. Группа ярлыков, «навешиваемых» на страну, является сравнительно немногочисленной. В эту группу входят, например, ярлыки империя зла, тюрьма народов, страна рабов, «эта страна»: Внезапно оказалось, что у нас, у русских, как бы нет ничего, чем мы в реальности могли бы гордиться. Развитием экономики не можем. Прошлым тоже: самая большая в мире страна была представлена миру как тюрьма народов (Комсомольская правда. 19.06.2013); Современные «антипатриоты» <...> не приемлют не столько текущую политику, сколько ту совокупность общественных отношений, которая унаследована нами в длительной временной протяженности. Выражается это у всех по-разному: «Рашка достала», «страна рабов», «поганый ватник», «воевали за Сталина и совок». Всё это резюмируется формулой «Всё в этой стране всегда будет так» (Известия. 06.02.2014). В последнем высказывании ярлык «страна рабов» включен в ряд других политических ярлыков, что усиливает эффект общей негативной оценки.

II. Классификация политических ярлыков по времени их возникновения.

По этому признаку политические ярлыки подразделяются на три группы.

1. Ярлыки, возникшие в досоветскую эпоху, например черносотенцы, распутинщина, преступный / кровавый царский режим, вешатель (о Π . А. Столыпине), охотнорядец и др.

Еще в начале XX века возник ярлык «враг народа»: Словосочетание «враг народа» впервые было использовано в августе 1917 года в листовках Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Так назвали генерала Корнилова, поднявшего мятеж, 28 ноября 1917 года фраза «враги народа» была применена Лениным, выступившим на заседании Совнаркома с предложением об аресте «врагов народа (кадетов) и предании их суду революционного трибунала», Наказание врагам народа определяла 58-я статья УК РСФСР (Труд-7. 05.10.2009). Надо сказать, что ярлык «враг народа» использовался и до 1917 года. Так, в сборнике «Вѣхи» 1909 года читаем: «Что такого сознания у нашей интеллигенции нет, доказательства этого неисчислимы. Из всей массы их возьмем хотя бы взгляды, высказанные случайно в нашей Государственной Думе членами ее, как выразителями народного правосознания. Так, член второй Думы Алексинский, представитель крайней левой, грозит врагам народа судом его и утверждает, что "этот суд страшнее всех судов"» [Кистяковский 1909]. В разных вариантах этот ярлык просуществовал весь XX век и перешел в наше время, например: *На сегодня получа*ется так, что либерал — это некий враг своего народа, враг страны, для которого ценности и интересы западной демократии гораздо важнее ценностей и интересов своей Родины, своей страны (Комсомольская правда. 27.01.2016). До наших дней дожил также ярлык «черносотенцы»: Но есть и другие либералы. Для них частная собственность — священная корова, все свободы помимо экономических мало интересны, а коммунисты — куда более серьезные противники, чем фашисты и черносотенцы (Известия. 12.10.2005).

2. Ярлыки, возникшие в советский период: троцкистский вредитель, антимарксистские положения, саботажники, уклонисты, политическая диверсия, классовый враг, контрреволюционная агитация и др.

Ярлык «империя зла» употреблялся противниками в адрес СССР, в настоящее время он используется в адрес Российской Федерации: Рональд Рейган объявил СССР «империей зла» — и мы согласились с тем, что мы империя зла. Весь мир жил и живет по законам геополитики, но только наши попытки соответствовать этим законам были объявлены империализмом (Известия. 30.10.2012).

Russian Speech No. 01 | 2019

Issues of Modern Russian Language

До нашего времени дожил также ярлык «троцкист(ы)». Слово «троцкисты» входит в такую группу слов, статус которых как политических ярлыков определяется соответствующим контекстом, например: Там схлестнулись в борьбе за собственное будущее две мощнейшие группировки американского истеблишмента. Одну из них можно условно назвать «патриотамиизоляционистами», а другую — «троцкистами-глобалистами» (Известия. 18.09.2016); За мнением Обухова — позиция корпуса секретарей обкомовкрайкомов и ЦК. Которым непонятно, почему кучка троцкистов и монархистов для Зюганова важнее мнения однопартийцев (Завтра. 25.01.2018).

3. Ярлыки, возникшие в постсоветский период: русский фашизм, совки, экстремисты, сталинисты, колорады, гэбня, хомосоветикус, ельциноиды, либерасты и многие другие. Примеры употребления: В социальных сетях с участием вполне респектабельных русскоязычных киевлян в отношении жителей Юго-Востока регулярно употребляются термины типа «совки», «колорады», «ватники» и даже «существа» (Известия. 06.05.2014); Вы должны громко крикнуть противнику: Всё ясно — вы сталинист! Вы за ГУЛАГ, за массовые расстрелы, за тоталитаризм! (Комсомольская правда. 17.04.2012).

Наблюдения над функционированием политических ярлыков показывают, что они используются исключительно как представители «черных мифов» в таких текстах, которым дискурсивно противопоставляются тексты оппонирующего типа, содержащие глорификаторы — специфические слова и сочетания слов как средства апологетики соответствующих объектов. Поэтому некоторые политические ярлыки имеют соответствующие антонимы-глорификаторы. Например, о Николае II: *Николай* кровавый, инородеи, вырожденеи, кровавый палач и хозяин земли русской, страстотерпец. Примеры в контексте: Что мы все помним об этом царе? В основном в голове застряли школьные штампы: Николай кровавый, слабый, был под сильным влиянием жены, виноват в Ходынке, учредил Думу, разогнал Думу, расстрелян под Екатеринбургом... (Комсомольская правда. 18.05.2017); Николай II, сам **«инородец»** с головы до пят, без единой капли русской крови в жилах, пропитывается «истинно-русской» ненавистью к инородцам (URL: goo.gl/7TY9GL). Ср.: «Державный Хозяин Земли Русской» не только посетил завод, но и во всех подробностях познакомился с процессами производства и различных работ. Государь увидел полный цикл изготовления снарядов, паровозов, вагонов, сельхозмашин (URL: goo. gl/3wBSrM); В каждом свидетельстве о чудесах Царственных мучеников есть некое благоухание любви, а здесь это дается ощутить всем, видимым образом, для того, чтобы все видели и чувствовали это помазание святости на *Lape-cmpacmomepnue* (URL: http://www.kerpc.ru/eprh/qa/qas/050204 3).

Комплексный подход к изучению словесных политических ярлыков дает возможность уточнить дефиницию этого языкового / речевого феномена; охарактеризовать их в разных аспектах: словообразовательном, диахроническом, коммуникативно-прагматическом; выявить аксиологические антонимы ярлыков — апологетизмы (глорификаторы), описание которых должно составить предмет специального исследования. Широкое использование словесных ярлыков и их антиподов — словесных апологетизмов — в современном общественно-политическом дискурсе свидетельствует не столько о плюрализме мнений, сколько о накале общественно-политических дискуссий и, к сожалению, сопряжено с нарушением этико-речевых норм в русском речевом пространстве.

Литература

- *Базылев В. Н.* Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5–32.
- *Булгакова Н. Е.* Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.
- Ван Хуэй. Гендерные стереотипы в словесных ярлыках в современном российском и китайском обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8 (62). Часть І. С. 43–46.
- Голодов А. Г. Стратегия информационной войны в динамике и ее вербальные приемы (на материале языка немецкой массовой периодики) [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 130—137. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29981783_99443490.pdf (дата обращения: 15.06.2018).
- *Дмитриева О.Л.* Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 90–96.
- *Катенева И. Г.* «Наклеивание ярлыков» как эффективный прием манипуляции в текстах оппозиционных изданий // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 83–87.
- Кистяковский Б. В защиту права (интеллигенция и правосознание) [Электронный ресурс] // Въхи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. URL: http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html (дата обращения: 20.06.2018).
- *Клушина Н. И.* Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
- Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 6–14.
- Кузьминская С. И. «Ярлык» как средство манипулирования массовым сознанием [Электронный ресурс] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусство-

Issues of Modern Russian Language

- ведения и культурологии. 2014. № 36. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_ 21567242 68868539.pdf (дата обращения: 01.06.2018).
- Лемешко Ю. Р. Аттрактивность дискурсивных перформативных формул как форм массовой коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 22–28.
- *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
- Маринова Е. В. Новые политические аффективы: специфика функционирования в современных медиатекстах [Электронный ресурс] // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика. Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции. 2017. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29940940_20472390.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
- Мягкова А. Ю. Языковая манипуляция как орудие информационно-политической борьбы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 8. С. 188–191.
- *Навасартян Л. Г.* «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 459–463.
- *Нечипоренко Б. Ю.* Прагмалингвистические особенности психотехники «навешивание ярлыков» в китайском медиадискурсе // Общество. 2014. № 1. С. 37–40.
- Резникова Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. 2005. Вып. 4 (48). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 49–54.
- *Сковородников А. П.* Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
- Федорова М. А., Семилет Т. А. Мем в медиасреде как ярлык и стигма // Медиаисследования. 2016. № 3. С. 211–216.

References

- Bazylev V. N. [Political Discourse in Russia]. *Politicheskaya lingvistika*, 2005, no. 15, pp. 5–32. (In Russ.)
- Bulgakova N. E. [Verbal labels as a lexico-semantic and lingvo-ecological concept]. *Mir russkogo clova*. 2012. Nº 2. P. 42–47. (In Russ.)
- Dmitrieva O. L. [Label in parliamentary speech]. *Kul'tura parlamentskoi rechi* [Culture of parliamentary speech]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 90–96. (In Russ.)
- Fedorova M. A., Semilet T. A. [Meme in the media as a label and stigma]. *Mediaissledovaniya*, 2016, № 3, pp. 211–216. (In Russ.)
- Golodov A. G. [Information war strategy in dynamics and its verbal methods (using the language of German press)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 2017, no. 3 (56), pp. 130–137. (In Russ.) Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary 29981783 99443490.pdf (accessed: 15.06.2018)

- Kateneva I. G. [«Labeling» as an effective way of manipulation in the publications of opposition]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, no. 1 (13), pp. 83–87. (In Russ.)
- Kistyakovskii B. [To protect the right (intellectuals and legal conscience)]. *V̄bkhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii* ["βѣxи": a collection of articles about Russian intelligentsia]. Moscow, 1909. (In Russ.) Available at: http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html (accessed: 20.06.2018).
- Klushina N. I. [Theory of ideologemes]. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no. 4 (50), pp. 54–58. (In Russ.)
- Komlev Yu. Yu. [The theory of stigma: genesis, explanatory potential, meaning]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 2 (24), pp. 6–14. (In Russ.)
- Kuz'minskaya S. I. [«Label» as a method of mass consciousness manipulating]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turo-logii*, 2014, no. 36. (In Russ.) Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21567242_68868539.pdf (accessed: 01.06.2018).
- Lemeshko Yu. R. [Attractiveness of discursive performative formulas as forms of mass communication]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2013, no. 3 (24), pp. 22–28. (In Russ.)
- Losev A. F. *Filosofiya*. *Mifologiya*. *Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.
- Marinova E. V. [New political affectives: implementation features in modern media]. *Leksikologiya. Leksikografiya: (Russko-slavyanskii tsikl). Russkaya dialektologiya. Kognitivnaya lingvistika. Sbornik statei po materialam XLVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* [Lexicology. Lexicography: (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive linguistics. Proceedings of the XLVI International philological conference.]. 2017. (In Russ.) Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29940940_20472390.pdf (accessed: 10.06.2018).
- Myagkova A. Yu. [Language manipulation as an instrument of information and political struggle]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2010, no. 8, pp. 188–191. (In Russ.)
- Navasartyan L. G. [«Labeling» as one of the methods to manipulate the information by media]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika, 2016, vol. 16, iss. 4, pp. 459–463. (In Russ.)
- Nechiporenko B. Yu. [Pragmalinguistic features of «labeling» psychotechnique in chinese media discourse]. *Obshchestvo*, 2014, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.)
- Reznikova N. A. [Semantic analysis of political lexicon]. *Vestnik TGPU*, 2005, iss. 4 (48). Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya). Pp. 49–54. (In Russ.)
- Skovorodnikov A. P. *Ekologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian language]. Krasno-yarsk, Sib. feder. Univ. Publ., 2016. 388 p.
- Van Khuei. [Gender stereotypes in verbal labels in modern Russian and Chinese society]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2017, no. 8 (62), part I, pp. 43–46. (In Russ.)

C./ Pp. 58-66

Из истории русского языка

Кальвария: «череп», «холм», «святое место»

Арсений Владимирович Богатырев, Поволжский православный институт имени святителя Алексия, митрополита Московского (Россия, Тольятти), sob1676@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003974-0

аннотация: Рассматривая западное «поветрие» в русском языке XVI— XVII вв., автор еще раз уделяет внимание римско-католической терминологии, которой касается на примере слова «кальвария». Проясняется значимость явления в традиции Запада, в противовес довольно редкому употреблению данного понятия в России. При этом в прошлом слово «кальвария» отдельные русские «книжники» объясняли как череп, часть головы, использовали его для анатомической характеристики. Западноевропейская цивилизация чаще всего понимала под «кальвариями» нечто иное — освященные территории, где верующие вспоминали крестные страдания Спасителя на холме под названием Голгофа. Отталкиваясь от самого разного материала, в том числе ранее неизвестного, автор стремится выяснить время включения в русский язык слова «кальвария», а также проследить эволюцию его значения и особенности бытования.

ключевые слова: иностранные заимствования, кальвария, этимология слова, западное христианство, топонимическая терминология, Голгофа

для цитирования: Богатырев А. В. Кальвария: «череп», «холм», «святое место» // Русская речь. 2019. № 1. С. 58–66. DOI: 10.31857/ S013161170003974-0.

From the History of the Russian Language

Kalvariya: "Skull", "Hill", "Holy Place"

Arseniy V. Bogatyrev, Povolzhsky Orthodox Institute named after St. Alexis, Metropolitan of Moscow (Russia, Tolyatti), sob1676@yandex.ru

ABSTRACT: Considering the western 'circulation" in the Russian language of the XVI–XVII centuries, the author once again focuses on the Roman Catholic terminology, which he considers in connection with the word 'calvary'. The article clarifies the significance of this phenomenon in the traditions of western countries, in contrast to the rather rare use of this concept in Russia. At the same time, some Russian "scribes" used to define the word "Calvary" as a skull, i.e. part of the head, in the context of anatomical characteristics. By contrast, Western European civilization tended to imply a different meaning, i.e. special sanctified territories, where believers recalled the suffering of the Savior on the Golgotha hill. Using a great variety of sources, including the previously unknown, the author seeks to find out the period when the word "calvary" appeared in Russian and also to trace the development of its meaning and peculiarities of its existence in the language.

KEYWORDS: foreign borrowings, calvary, etymology of the word, Western Christianity, toponymic terminology, Golgotha

FOR CITATION: Arseniy V. Bogatyrev. Kalvariya: "Skull", "Hill", "Holy Place". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 58–66. DOI: 10.31857/S013161170003974-0.

огда в XVI–XVII столетиях контакты России с Западом ширились и углублялись, они уподобились полноводному потоку, захватившему разные явления западной культуры: науку, искусство, реалии повседнев-

ной жизни. Интерес к Европе соседствовал с отголосками «латинского» христианства, одним из которых стало слово «кальвария».

Впервые «кальвария» мелькнула в русском языке в XVII веке, появившись в переводе текста середины XVI столетия. Под «кальварией» подразумевалась черепная коробка, черепной свод [Филин (ред.) 1980: 34], начальное же звено семантической эволюции разбираемого слова связано со смысловой моделью «голова, лоб, череп» — «вершина горы, выступ, голый склон и проч.», известной множеству языков разных семей (русск. «лысая гора», «бараний лоб», «лобное место» или франц. «tête», примеры в восточных языках [Тенишев, Благова, Добродомов и др. 2001: 199]), относящейся к универсалиям номинации ландшафтных объектов.

В римско-католической традиции «кальвария» отсылает к крестной смерти Иисуса на лысой, словно череп, вершине. Само распятие произошло над местом, где, по преданию, покоилась «мертвая глава» первого человека Адама [Borkowski 1942: 47]. Данная земля именовалась Голгофой, но также и «Кальварией» в связи с могилой предка всех людей: «черепная коробка» передается в латинском переводе Библии, Вульгате, как «calvum» [Король 2013: 180].

Кальварии (лат. «Calvaria», польск. «Kalwaria») стали культовыми сооружениями, напоминавшими о жертве Спасителя. На возвышенностях, имитирующих Голгофу, и сейчас устраивают центры поклонения, где проходят религиозные церемонии, собирающие множество народа [Jackowski 1996: 201, 208, 211]. Наибольшей известностью пользуются «Святые горы», которые в своих путевых заметках упоминал русский поэт В. А. Жуковский [Жуковский 2012: 249], в Литве и Польше — вильнюсские или Жемайтийская кальварии, Кальвария-Зебжидовска.

Несмотря на столь широкое почитание на Западе, иного смысла, нежели чисто «анатомического», в слово «кальвария» у нас продолжительное время не вкладывали. Хотя в западнорусском обычае его употребляли именно в сакральном значении, что наблюдаем в «Хронике Литовской и Жмойтской» [ПСРЛ 32: 98], сохранившейся в списках XVIII столетия. Те самые жители Западной Руси, испытавшие польское влияние, в XVII веке не забыли лексему, в чем мы также можем убедиться на примере исследования ученого-языковеда В. М. Русановского [Русанівський 1978: 13].

Казалось, походы царя Алексея Михайловича в Речь Посполитую во времена конфликта 1654–1667 годов должны были многое изменить. Действительно, лично прикоснувшись к польскому католическому источнику и вернувшись к себе на родину, государь повелевает организовать нечто похожее на римские кальварии — так создается «Шумаевский крест», образец русской культуры XVII века [Яворская 2006]. Однако о самом слове «кальвария» сведений так и не находим.

Намек на «кальварию» как своеобразную сакральную территорию видим в одной из посольских книг 1677 года. Сообщение с лексемой скрывалось среди отписок первого русского резидента (дипломатического представителя) Московского царства в Речи Посполитой (1674–1677 годов) Василия Тяпкина. Пребывая в «чужой стороне», Тяпкин «держал ухо востро» и сообщал в ведавший дипломатическими делами Посольский приказ обо всех мало-мальски значимых событиях в Польско-Литовском государстве. Конечно, в поле его зрения попал Варшавский сейм 1677 года: «...Сам великий государь его королевское величество (польский монарх Ян III Собеский. — А. Б.) ныне зближается на сейм в Варшаву, и буд... (оторвано. — А. Б.) ниже помянутого числа на подхожей стан за пять миль от Варшавы в горах зовомых Накалварии, а в Варшаву будет генваря в 2 день...» [Отписки: 14–14 об.].

Некоторое искажение — «Накалварии» — затрудняет интерпретацию. Впрочем, прибавление «па»/«на» как раз находится в рамках языкового обычая католиков Западной Руси [Иосиф 1890: 636], означает расположение чего-либо на данных «высотах». Фрагментарность информации на первых порах мешала ее истолкованию, однако в дальнейшем, после привлечения дополнительной литературы, ситуация прояснилась: речь шла именно о кальварии. Своеобразная «неуклюжесть» в передаче лексемы снова говорит о ее «диковинности», непонятности для московита. И далее в XIX столетии ее будет отличать своего рода непостоянство написания, порождающее то «Кальварий», то «Кальварию».

Скудная информация, которую дает резидент, указывает, тем не менее, лишь на одно место — Гуру-Кальварию (пол. Góra Kalwaria). Духовный комплекс был заложен в 1670-х годах, пользовался поддержкой самого Яна III. Король посещал его несколько раз (прежде, до открытия документа Тяпкина, отмечались три даты: 1679, 1682, 1684 годы), принимая советы и благословение от о. Станислава Папчиньского, устроителя и хранителя этого освященного пространства [Herz 1998: 158]. У Тяпкина «Кальвария», скорее, особенность рельефа («в горах зовомых...»): знал ли резидент точно, что под этим термином понималось в действительности, сказать сложно.

Упоминание «Кальварии» в тексте Тяпкина — слабое эхо западной (католической) цивилизации, признак расширения географических познаний влиятельных россиян: с дипломатическими документами знакомились государь, некоторые дворяне, часть боярства [Попов 1854: 249; Седов 2008: 364]. Таким образом, свидетельство московского резидента может уточнить «языковой багаж» отдельных личностей (самого дипломата, сотрудников Посольского приказа, царя и его «ближнего круга»).

Снижение интенсивности контактов Российского государства с Речью Посполитой при Петре I очевидно сказалось и на «ляцкой» римско-католической терминологии. Переориентация на иные страны Запада (пре-

жде всего протестантские), секуляризация и многое другое прервали соприкосновения с римско-католическим фактором, не позволили понять феномен кальварий. И лишь в самом конце XVIII века с переходом обширных польско-литовских владений под сиятельную длань российской монархии ситуация постепенно стала меняться, уже в следующем столетии «кальвария» начинает встречаться чаще.

Лексема использовалась для обозначения географических объектов: как название «местечка» указана «Кальвария» в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения» [НарПросв 1809: 282], то же наблюдаем в юридических документах [ПСЗРИ 1828: 561, 563, 564] и «Географии» К. Арсеньева [Арсеньев 1831: 12, 172]. Наконец, военачальник и путешественник Н. Н. Муравьев-Карский, касаясь своей поездки на Восток 1832—1833 годов, назвал Голгофу «Калварией» [Муравьев 1869: 54, 55]. Примерно в то же время она оказалась в справочном издании — «Энциклопедическом лексиконе» [Лексикон 1837: 240]. При Николае I «Кальвария» появляется в широко издававшемся «месяцеслове», становится ближе российскому читателю [Месяцеслов 1849: 88].

Отдельной страницей в истории слова являются «вольнолюбивые и благодатные» 60-е годы XIX века, правление Александра II. В 1861 году впервые «кальвария» была включена в специальный географический справочник «Городские поселения в Российской империи» как часть названия знакомого нам местечка Гура-Кальвария [ГПРИ 1861: 538].

В издании припоминается орден доминиканцев, но довольно публикаций, где «кальвария» прочно ассоциируется с духовной жизнью (в основном католиков), наблюдаем гораздо позже. Как культовое место, отмеченное Богородицей и чудесами (правда, не без определенной доли скепсиса), упоминается Кальвария Жемайтийская (1865) [СЖ: 246]. Вновь, спустя много лет после Н. Н. Муравьева, вернулось сопоставление «кальварии» со Святой землей («Ерусалим»), что видим на примере статьи в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» [ГСС: 215, 450]. К 1880-м годам благодаря популярной «многотиражке» российского деятеля Альберта Старчевского слово «кальвария» получило определенную известность. Старчевский попытался исследовать данный термин, который окончательно соединяется с Палестиной, и предложил объяснение его с точки зрения географической науки [Старчевский 1888: 271].

Старчевский был не первым, кто старался подойти к лексеме с «научных» позиций. В 1866 году новороссийский профессор Филипп Карлович Брун напечатал переведенные им с немецкого записки И. Шильтбергера, в комментариях к которым затронул и наш вопрос [Брун 1866: 79]. Не заставили себя ждать новые публикации: вышли фольклорное издание П. А. Бессонова [Песни 1871: 67] и сочинение Д. А. Толстого «Римский католицизм в России» [Толстой 1876: 83].

Тогда же в трудах Императорской Академии наук была опубликована работа об истории усвоения россиянами названий палестинских святынь и их отражении в местных, российских топонимах. Здесь слово трактовалось как «Голгофа» [Пономарев 1877: 17], а вот в ученых опытах Русского Палестинского общества — как «Лобное место», «Краниево место» [Епифаний 1886: 280]. Палестинское общество сыграло в изучении термина особую роль: как раз его сотрудники занялись выяснением этимологии лексемы в связи с расположением Гроба Господня [Мансуров 1885: 181] и латинской языковой традицией [ИППО 1904: 157].

Не обделил вниманием эту деталь католической жизни и один из корифеев отечественной исторической науки Д. И. Иловайский, давший четкое и вполне ясное определение «кальварии» — «ряд каплиц или часовен, представляющих крестный путь Спасителя» [Иловайский 1905: 126]. До этого «кальвария» заняла свою отдельную и заслуженную нишу среди заимствований русского языка в «Новом словотолкователе» (1884) [НС: 40–46].

Практически в тот же период, на исходе века, «кальварии» всерьез заинтересовали русских авторов-богословов, хотя в «Православном обозрении» еще в 1868 году было напечатано описание пути на Виленскую кальварию [ПК 1868: 611]. Тем не менее именно к концу XIX века относится интересное наблюдение известного духовного писателя архимандрита Иосифа о смысле и значении этих сооружений на западных границах Российской империи [Иосиф 1890: 636] как «квазиголгоф», «мнимой» Голгофы.

Новое столетие дало развернутое истолкование слову (на примере той же Виленской кальварии) в «Православной богословской энциклопедии» Н. Н. Глубоковского [Глубоковский 1907: 138]. В отличие от архимандрита Иосифа, у Глубоковского «кальварии» помечаются как места памяти крестных мук Христа без какого-либо следа иронии или насмешки. Вводятся новые варианты написания термина — «Кальвер», «Кальвэр», который отныне объединяется не только с польско-литовской, итальянской или раннехристианской духовными традициями, но и с французской католической культурой.

Атеистическая пропаганда после октября 1917 года заставила почти забыть сакральное значение слова, оставив место географической трактовке (см., например: [Очерк 1923: 61]). Несколько выбиваются из общей картины события 1926 года — «Кальвария» вдруг предстала центром ойкумены [Морозов 1926: 338], явилась «алтарем Авраама» [ВВ 1926: 84]. Среди исключений и творчество М. А. Булгакова, в заметках к роману «Мастер и Маргарита» есть ссылка на святое место [Белобровцева, Кульюс 2006: 29]. Живо и с чувством просвещал в 1964 году относительно «кальварий» своих соотечественников Вяч. Глазычев, объяснявший слово как вообще «любое изображение крестного пути» Христа [Глазычев 1964: 160]. Разумеется,

From the History of the Russian Language

в большинстве случаев, если этой темы касались, то, как можно догадаться, только в уничижительном смысле [Чедавичюс 1962: 103].

В XXI столетии «кальвария» не исчезла из русского языка, однако ее использование, как и раньше, ограничено преимущественно географической областью и духовной сферой (см. популярный ресурс [Словари и энциклопедии]). Историю «кальварии», пусть и недолгую, можно рассматривать как одну из иллюстраций трудности освоения знаков и фактов, живущих в иных культурных пространствах.

Источники

Арсеньев 1831 — Арсеньев К. И. Краткая всеобщая география. СПб., 1831.

Брун 1866 — *Брун Ф. К.* Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 по 1427 г. Одесса, 1866.

ВВ 1926 — Византийский временник. 1926. № 24.

Глубоковский 1907 — *Глубоковский Н. Н.* Православная богословская энциклопедия. СПб., 1907. Т. 8.

ГПРИ 1861 — Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861. Т. 2.

ГСС — Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2.

Епифаний 1886 — Повесть Епифания об Иерусалиме и сущих в нем мест первой половины IX в. / Под ред. В. Г. Васильевского // Православный палестинский сборник. 1886. Т. 4. Вып. 2 (11).

Жуковский 2012 — Жуковский В. А. Дневники. Записные книжки (1804—1833). М., 2012.

Иловайский 1905 — Иловайский Д.И. История России. М., 1905. Т. 5.

Иосиф 1890 — *Иосиф (Соколов)*, архимандрит. Островоротная или Остробрамская чудотворная икона Богородицы в городе Вильне. Вильно, 1890.

ИППО 1904— Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, 1904. Т. 15.

Лексикон 1837 — Энциклопедический лексикон. СПб., 1837. Т. 10.

Мансуров 1885 — *Мансуров Б. П.* Базилика императора Константина в Святом граде Иерусалиме. М., 1885.

Месяцеслов 1849 — Месяцеслов на 1849 г. СПб., 1849.

Муравьев 1869 — *Муравьев Н. Н.* Турция и Египет. М., 1869. Т. 1.

НарПросв 1809 — Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. СПб., 1809. № 23.

HC— Новый словотолкователь: Более 100 000 иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1884.

Отписки — Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Д. 182. Отписки к оберегателю посолских дел боярину Артемону Матвееву от бывшаго на резиденции в Полше посланника и полковника Василья Тяпкина с приложениями ведомостей о происходивших в Полше всяких действиях.

Очерк 1923 — Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 2.

Песни 1871 — Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871.

ПК 1868 — Путешествие на «Кальварию» // Православное обозрение. 1868. $\mathbb{N}^{2}$ 6.

Пономарев 1877 — Пономарев С. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. СПб., 1877.

Попов 1854 — *Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.

ПСЗРИ 1828— Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1828. Т. 3.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32.

СЖ — Святая жмудь // Вестник Западной России. 1865. Т. 3. Кн. 8. Отд. 2.

Старчевский 1888 — Старчевский А. В. Наши соседи: Справочная книжка, заключающая подробные сведения о соседних с нами государствах. СПб., 1888.

Толстой 1876 — Толстой Д. А. Римский католицизм в России. СПб., 1876. Т. 2.

Литература

Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. Таллинн: Argo, 2006. 420 с.

Глазычев В. Л. Год за Бугом // На суше и на море. М.: Мысль, 1964. С. 128–165.

Король М. Храм Гроба Господня. М.: Олма Медиа, 2013. 304 с.

Морозов Н. А. Христос. История человечества в естественнонаучном освещении. М.; Л., 1926. Т. 2. 711 с.

Русанівський В. М. Народно-розмовна мова як джерело розвитку східнослов'янських літературних мов XVI–початку XVIII ст. Київ: Наук. думка, 1978. 27 с.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 612 с.

Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: https://dic.acade-mic.ru/dic.nsf/catholic/570/Кальвария (дата обращения: 12.08.2018)

Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г. и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 412 с.

Филин Ф. П. (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. 403 с.

Чедавичюс А. М. Атеистическое воспитание трудящихся. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 104 с.

Яворская С.Л. «Шумаевский крест» и кальвария царя Алексея Михайловича // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 706−739.

Borkowski A. Przewodnik po Ziemi Świętej. Jerozolima: 1942.

Herz L. Przewodnik po okolicach Warszawy. Warszawa: Wyd. Rewasz, Pruszków, 1998.

Из истории русского языка

From the History of the Russian Language

Jackowski A. Przestrzeń i sacrum, geografia kultury w Polsce i jej przemiany w okresie od XVII do XX wieku na przykładzie ośrodków kultu i migracji pielgrzymkowych. Kraków: IGUJ, 1996. 328 s.

References

- Belobrovtseva I., Kul'yus S. *Roman M. Bulgakova «Master I Margarita»: Kommentarii* [Roman by M. Bulgakov "The Master and Margarita": Comment.]. Tallinn, Argo Publ., 2006. 420 p.
- Borkowski A. Przewodnik po Ziemi Świętej [Guide to the Holy Land]. Jerozolima, 1942.
- Chedavichyus A. M. *Ateisticheskoe vospitanie trudyashchikhsya* [Atheistic education of workers]. Moscow, Academy of Social Sciences Publ., 1962. 104 p.
- Filin F. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. [Dictionary of the Russian language from the 11th to the 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 7. 403 p.
- Glazychev V. L. *God za Bugom* [Year on the other side of the Bug]. Na sushe i na more [On land and at sea]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, pp. 128–165. (In Russ.)
- Herz L. *Przewodnik po okolicach Warszawy* [Guide to the suburbs of Warsaw]. Warszawa, Rewasz. Pruszków Publ., 1998.
- Jackowski A. *Przestrzeń i sacrum, geografia kultury w Polsce i jej przemiany w okresie od XVII do XX wieku na przykładzie ośrodków kultu i migracji pielgrzymkowych* [Space and sacrum, the geography of culture in Poland and its transformation between the 17th and the 20th centuries: centers of pilgrimage cult and migration]. Kraków, IGUJ Publ., 1996. 328 p.
- Korol' M. *Khram Groba Gospodnya* [Church of the Holy Sepulcher]. Moscow, Olma Media Publ., 2013. 304 p.
- Morozov N. A. *Khristos. Istoriya chelovechestva v estestvennonauchnom osveshchenii* [Christ. The history of mankind in natural sciences]. Moscow; Leningrad, 1926. Vol. 2. 711 p.
- Rusanivs'kii V. M. *Narodno-rozmovna mova yak dzherelo rozvitku skhidnoslov'yans'kikh litera-turnikh mov XVI-pochatku XVIII st.* [Folk-spoken language as a source of development of circular Slavic literary languages from the 16th to the beginning of the 18th century]. Kiïv, Nauk. dumka Publ., 1978. 27 p.
- Sedov P.V. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII v. [The decline of the Moscow kingdom: the Royal court at the end of the 17th century]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 612 p.
- Slovari i entsiklopedii [Dictionaries and Encyclopedias]. Available at: https://dic.acade-mic.ru/dic.nsf/catholic/570/Kal'variya (accessed 12.08.2018)
- Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. I dr. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 412 p.
- Yavorskaya S. L. «Shumaevskii krest» i kal'variya tsarya Alekseya Mikhailovicha ["Shumayevsky Cross" and Calvary of Tsar Alexei Mikhailovich]. Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi [Hierotopy. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Rus] / Red.-sost. A. M. Lidov. Moscow, 2006, pp. 706–739. (In Russ.)

Русская речь

Russian Speech

Nº 01 | 2019

C./ Pp. 67-73

Из истории русского языка

Ясли в русском языке

Ирина Борисовна Дягилева, институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург), diaghileva@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003975-1

аннотация: В статье рассматривается новое значение слова *ясли* — 'воспитательное учреждение для маленьких детей', калькированное в XIX в. из французского языка. На обширном историческом материале прослеживаются особенности употребления слова ясли в русском языке. Выявлены факторы, определившие возможность семантического калькирования, описаны семантические связи (в качестве синонимов слова ясли спорадически использовались колыбельная, детская, колыбель, которые не закрепились позже в языке). В статье зафиксировано первое употребление слова ясли в русском языке в новом значении, а именно в «Парижских письмах» Н. И. Греча, опубликованных в газете «Северная пчела» в 1845 г. Отмечается, что в XIX в. у слова появляется дополнительное значение 'специальное место, где анонимно можно оставить грудного младенца', а в XX в. в связи со становлением системы дошкольного воспитания развивается широкая сочетаемость и появляются дериваты. В заключение делается вывод о том, что сам процесс освоения семантической кальки ясли носил продолжительный характер и имел ряд сходных черт с общим процессом вхождения в русский язык иноязычных слов.

ключевые слова: языковые контакты, историческая лексикология, заимствование, семантическая калька

для цитирования: Дягилева И. В. *Ясли* в русском языке // Русская речь. 2019. № 1. С. 67–73. DOI: 10.31857/S013161170003975-1.

From the History of the Russian Language

Yasli in the Russian Language

Irina B. Dyagileva, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg), diaghileva@yandex.ru

ABSTRACT: The article deals with the new meaning of the word *ясли* ('nursery') made as a loan translation from the French language in the 19th century. Extensive historical material provides background for tracing features of the use of the word ясли in the Russian language. The research identifies the factors determining the possibility of semantic calquing, provides the description of semantic links (the words 'kolibelnaya' (lullaby), 'detskaya' (children's room), 'kolibel' (cradle) were used sporadically as synonyms of the word ясли, though were not fixed in the language later). The article traces the first use of the word ясли in its new meaning in the Russian language back to the period of "Parisian Letters" by N. I. Grech, published in the newspaper "Northern Bee" in 1845. The reference is made to the XIX century, when the word got an additional meaning 'a special place where one can anonymously leave the infant baby', and to the XX century, when the establishment of the pre-school education system made a great number of collocations and derivatives appear. It is concluded that the process of mastering the semantic calque ясли was long and had a number of similarities with the general process of foreign languages entering into the Russian language.

KEYWORDS: language contacts, historical lexicology, borrowing, semantic calque

FOR CITATION: Dyagileva I. B. *Yasli* in the Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 67–73. DOI: 10.31857/S013161170003975-1.

середине XIX века в России сложилась давняя традиция создания для детей-сирот, инвалидов, стариков, нищих различных благотворительных учреждений, таких как сиропитательницы, госпитали (шпиталеты), богадельни, богадельные избы, страннопришмные дома (страннопришмницы), воспитательные дома, сиротские дома, убежища, приюты и др. К началу 1850-х годов относится открытие первых яслей — нового типа учреждений для маленьких детей.

Впервые ясли появились в Париже 14 ноября 1844 года по инициативе французского юриста и филантропа Жана Фирмина Марбо «для законнорожденных бедных детей возрастом младше двух лет, чьи матери были "благонравными" и работали вне дома» [Кароли 2016: 143]. Первое упоминание об этом событии в России встречается в «Парижских письмах» Н. И. Греча, опубликованных в газете «Северная пчела» в 1845 году (Курсив здесь и далее наш. — U. $\mathcal{L}$.).

«Я писал вам об учреждении в Париже так называемых *яслей (crèches)*, или приютов для грудных младенцев. Полезные и истинно богоугодные заведения сии размножаются здесь с успехом. Помощник мэра 1-й части (arrandissement) Парижа г. Марбо учредил два новые приюта в предместии Du Ruule и в улице Св. Лазаря... Учреждение одной колыбели навсегда стоит только тридцать пять франков (менее девяти рублей серебром)! На каждой колыбели изображено имя учредителя» (Северная пчела. 1845. № 233. С. 2).

В данной статье Н. И. Греч передает новое понятие двумя возможными способами: составным наименованием — приют для грудных младенцев, а также семантической калькой французского crèches — ясли, закрепившейся позже в русском языке.

Процессу семантического калькирования, или семантической индукции, по терминологии Ю. С. Сорокина, способствовало «совпадение во «внутренней форме», в структуре слов обоих языков так же, как и синонимичность их в исходном, основном «собственном» значении» [Сорокин 1965: 166]. Слово *ясли* по происхождению общеславянское: «общеслав. форма им. пад. мн. числа ясли < *ědsli, образованная посредством суф. sl (ср.: весло и т. п.) от той же основы, что и еда» [Шанский, Боброва 2001: 388]. Употребление слова *ясли* в русском языке в значении «кормушка для скота», как и в других европейских языках, неразрывно было связано с евангельскими событиями, а именно с тем, что ясли стали первой колыбелью Младенца Иисуса Христа.

В текстах религиозной тематики у слова *ясли* отмечается особая сочетаемость: *ясли Христовы, смиренные ясли, святые ясли, Вифлеемские ясли, ясли возрождения, ясли Богомладенца Христа* и др.

Ср.: «В эту ночь все звезды погасли, / Кроме одной. / В эту ночь был положен в смиренные ясли / Младенец красы неземной... / От головки Его, светозарно блистая, / Исходили лучи, / И солома как будто была золотая, — Так сияла в ночи» (Т. Л. Щепкина-Куперник. Рождественская ночь. 1915).

Очевидно, что при необходимости найти обозначение для вновь возникшего учреждения для грудных младенцев у слова *ясли* могло возникнуть новое переносное значение и в самом русском языке. Это, возможно, и стало причиной ошибки в «Этимологическом словаре», составленном Г. А. Крыловым: «Это название детсада для самых маленьких появилось в результате переосмысления слова *ясли* в значении «кормушка для скота» [Крылов 2005: 428].

В переносном значении *«место, среда, где ч.-л. получило развитие»*, отмеченном в «Словаре современного русского литературного языка» [Филин (гл. ред.) 1965: 2105], слово *ясли* в XIX веке почти не употреблялось. Помимо романа И. А. Гончарова «Обрыв», цитата из которого была использована в качестве иллюстрации в [Филин (гл. ред.) 1965], оно было употреблено переносно в журнале «Русское богатство». Отсутствие широкой употребительности в указанном переносном значении, по-видимому, связано с закрепленностью слова в текстах религиозного содержания.

«— Пустите! Нет у вас уважения к искусству, — говорил Кирилов, — нет уважения к самому себе... А вам недостает мужества, силы нет, и недостает еще бедности. Отдайте ваше имение нищим и идите вслед за спасительным светом творчества. Где вам! вы — барин, вы родились не в *яслях искусства*, а в шелку, в бархате. А искусство не любит бар... оно тоже избирает "судоходных"...» (И. А. Гончаров. Обрыв. 1869 г.). Л. Оболенский, имея в виду Чехова и других сотрудников юмористических журналов, утверждал, что любой талант может только погибнуть в "*ослиных яслях* юмористики"» (Русское богатство. 1886. № 12. С. 166).

С конца 1840-х годов слово *ясли* в значении «воспитательное учреждение для маленьких детей» входит в русский язык. Оно употребляется преимущественно в публицистике и вводится в текст разными способами.

- Со ссылкой в скобках на французский прототип (crèches).
- Первые *ясли* "*crèches*" были устроены Марбо в 1844 г. в Париже, а затем они возникли и в Вене, в Дрездене, Берлине, и в течение прошедшей зимы были устроены на частные средства ясли и у нас в Петербурге» (Отечественные записки. 1875 г. Т. 221. С. 104).
- С поясняющими словами, обычно использовавшимися ранее для названия детских благотворительных учреждений (например: приют ясли, ясли-приют, убежище ясли, детские ясли).

В № 103 «Голоса» за 1875 год напечатано: «В С.-Петербурге с 1865 г. существует *приют Ясли*, имеющий целью доставить убежище малолет-

ним детям, не исключая и грудных, на время работ их матерей вне дома» (А. Д. Любавский. О необходимости установить наказание за проступок небрежного ухода за детьми. 1878). «В шести корпусах <Раменской фабрики> устроены детские, так называемые, ясли. Цель их та, чтобы, уходя на работу, матери могли оставлять своих маленьких детей под надлежащим присмотром» (Н. Ф. Михайлов. Общая характеристика деятельности наших воспитательных домов. 1887). «Освящение 3-го охтенского убежища "Ясли"» (Нива. 1903. № 12). «Несколько лет здесь существовали ясли-приюты, открывавшиеся на страдную пору. Ясли служили рассадником гигиены, правильного ухода и питания детей, которые мрут от грязи и бесприсмотра, как мухи! Опять же и то сказать, уж кто выживет, какие выходят чудо-богатыри, взращенные общей матерью природой!» (Н. А. Шергин. Богатства Севера. 1908 г.).

• Часто слово *ясли* использовалось в функции имени собственного: употреблялось в кавычках и писалось с прописной буквы.

«С тяжелым чувством оставляет мать-труженица, уходя на дневную работу, своих несчастных малюток до позднего вечера на руках квартирной хозяйки, занятой своими заботами. Нередко, по возвращении, она находит их в слезах, голодными, иногда увечными. С открытием "Яслей", это бедствие для многих семейств Нарвской и ближайших частей облегчилось. Матери, оставляя своих детей под надлежащим надзором и зная, что они будут и сыты, и в тепле, бодро и беззаботно идут на работу» (Вестник Европы. 1872. Т. 34).

Нормативным следует признать употребление слова *ясли*, отмеченное в Собрании законов Российской империи: под номером 27245 в Полном собрании законов Российской империи «высочайше утверждался Устав Общины Сестер Милосердия (Литейной части, в С.-Петербурге), с состоящими в ведении ее Отделениями пенсионерок и детских яслей». В этом Уставе лексема употреблялась как отдельно, так и в составном наименовании *детские ясли*, без кавычек и пояснений.

«Цель учреждения *яслей* состоит в том, чтобы бедным матерям дать возможность заниматься в течение дня работою. Они приносят в заведение, по утрам, детей своих для призрения и присмотра, а вечером, по окончании дневных работ, приходят за ними. *Ясли* открыты ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, летом с пяти часов утра до девяти вечера, а зимою с восьми часов утра до восьми вечера. В *яслях* призреваются также младенцы иждивением благотворителей, со дня их рождения до того возраста, с коим приобретают право просить о допущении в детские приюты» (Полное собрание законов Российской империи. 1853).

Следует отметить, что одновременно с освоением нового значения слова *ясли* в качестве его синонимов использовались слова *колыбельня*,

детская, колыбель, однако эти употребления не носили регулярный характер и не закрепились позже в языке.

«Приносить детей в *детскую*, устроенную при корпусе, может каждая работница, живущая в корпусе, не испрашивая на это никакого и ни у кого особого разрешения. Для прокорма детей отпускается безвозмездно молоко в достаточном количестве. В каждую *детскую* проведены краны с холодной и горячей водой» (Н. Ф. Михайлов. Общая характеристика деятельности наших воспитательных домов. 1887); «В новейшее время возникли особенные благотворительные учреждения для ухода за грудными детьми; это — так называемые *колыбельни* и *ясли*» (Отечественные записки. 1875. Т. 221); «Можно было бы предотвратить несчастье и сохранить жизнь многих покинутых малюток, если бы в деревнях существовали приюты в виде так называемых *яслей* или *колыбелей*, в которых дети во время отсутствия матерей из дома могли бы получить необходимый уход за возможно малую плату» (Ф. Ф. Эрисман. Профессиональная гигиена. 1871–1908).

В первые годы XX века слово *ясли* начинает употребляться в литературных произведениях. Так, в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» оно выступает как один из символов прогрессивных изменений в общественной жизни России в монологе Трофимова:

«Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недосягаемо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас *ясли*, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина».

В текстах XIX века отмечается применение слова *ясли* в значении «специальное место, где анонимно можно оставить грудного младенца», то есть то, что сейчас назвали «беби-боксом»:

«Несколько лет тому назад губернское земство выстроило в городе Самаре при земской больнице приют для подкидышей и устроило в воротах больницы *ясли*, «куда безбоязненно могли бы опускаться младенцы, составляющие, по той или иной причине, тягость для их родителей» (Г. И. Успенский. Ответчики. 1889 г.).

В XX веке с развитием системы дошкольного воспитания у слова *ясли* развилась широкая сочетаемость: *ясли заводские, фабричные, сельские, ведомственные; государственные, домашние; круглосуточные, летние,* закрепилось составное наименование *ясли-сад.* К XX веку относится и появление дериватов *ясельки, доясельный, предъясельный, ясельно-детсадовский.*

Рассмотрение и анализ освоения семантической кальки *ясли* в русском языке показали, что ее вхождение в язык было достаточно продолжительным, этот процесс во многом оказался сходным с процессом вхождения иноязычных слов.

Литература

- Кароли Д. Европейская модель детских яслей в России [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41234/1/qr 3 2016 09.pdf
- *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 428 с.
- *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. М.–Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.—Л.: Издательство АН СССР, 1965. Т. 17. 2126 стлб.
- *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. Изд. 4-е. М.: Дрофа, 2001. 400 с.

References

- Filin F. P. (Ed.). Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vol. Moscow–Leningrad, Acad. of Sciences of the USSR Publ., 1965. Vol. 17. 2126 c.
- Karoli D. [The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia] (In Russ.) Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41234/1/gr 3 2016 09.pdf
- Krylov G. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. S. Petersburg, OOO "Poligrafuslugi" Publ., 2005. 428 p.
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov* [School Etymological Dictionary of the Russian Language: The Pedigree of Words]. Edit. 4th. Moscow, Drofa Publ., 2001. 400 p.
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.

C./Pp.74-87

Из истории русского языка

Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики

Александра Андреевна Плетнева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), apletneva@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170003976-2

аннотация: Статья посвящена проблеме влияния народной (лубочной) литературы на тексты русских классиков. В XIX веке лубочные издания были широко распространены. Они были любимым чтением крестьян и мещан и фактически играли роль массовой литературы. Русские классики использовали сюжеты и словесные клише лубочной литературы. Современники прекрасно опознавали подобные заимствования, а вот для потомков такие связи не являются очевидными. В статье анализируются лубочные источники повести Н. В. Гоголя «Нос» и «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. Пушкин и Гоголь обращались к лубочной литературе с разными целями. Использовав лубочный лист «Повесть о носе и сильном морозе», Гоголь интересовался сюжетом, ситуацией, когда нос перестает быть частью человеческого тела и превращается в самостоятельного субъекта. Подход Пушкина совершенно иной. Он видел в лубочной литературе тот образец народной словесности, который позволил бы литературному языку освоить новые стилистические возможности. Поэтому его интересуют не столько сюжетные ходы, сколько отдельные выражения, каламбуры и клише.

ключевые слова: лубок, русская литература, народная словесность, массовая культура, массовая литература, источники текста, заимствования, фольклор

для цитирования: Плетнева А. А. Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики // Русская речь. 2019. № 1. С. 74–87. DOI: 10.31857/S013161170003976-2.

From the History of the Russian Language

Pushkin, Gogol and Bova: Allusions to Popular Print Literature in the Works of Russian Classics

Alexandra A. Pletneva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science (Russia, Moscow), apletneva@list.ru

ABSTRACT: This article examines the influence of folk (lubok) literature on the texts of the Russian classics. Lubok prints were very popular in the nineteenth century. They were known as a favorite reading for peasants and burgers, and in fact, were considered as a public literature. Russian classical authors derived stories and clichés from the lubok literature. These borrowings were successfully identified by our contemporaries, but not by descendants. This article analyzes the lubok roots of Gogol's novel "The Nose" and "The Tale of Tsar Saltan" by A. S. Pushkin. Pushkin and Gogol used lubok literature for different purposes. Using the lubok print "The Tale of The Nose and The Severe Frost", Gogol was interested in the plot, the situation when the nose ceased to be a part of the human's body and became an independent subject. Pushkin used the other way. Lubok literature was considered to be as a sample of the folk literature, that would enrich the literary language by developing new stylistic features. Therefore, he was not interested in the plot, but in some expressions, wordplays and clichés.

KEYWORDS: lubok, Russian literature, folk literature, mass culture, mass literature, text sources, borrowings, folklore

FOR CITATION: Alexandra A. Pletneva. Pushkin, Gogol and Bova: allusions to popular print literature in the works of russian classics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 74–87. DOI: 10.31857/S013161170003976-2.

I.

Потомки воспринимают художественный текст не так, как современники. Современнику проще. У него с автором произведения общий контекст и культурный фон, он легко узнает намеки и скрытые цитаты, отсылающие к общеизвестным фактам или фразам. Произведения-однодневки уходят вместе с контекстом, который делал их понятными. Если же текст остается актуальным для читателя и постепенно приобретает черты литературной классики, то спустя столетие в восприятии этого текста происходят определенные сдвиги. Комментарии помогают здесь лишь частично. Дело в том, что комментаторы относительно легко отлавливают малопонятные реалии, относящиеся к «большой истории». Это политические события, литературная полемика, аллюзии к культурно значимым текстам. А вот с реалиями повседневной жизни все бывает намного сложнее. Хотя надо отметить, что за последние полвека, благодаря тому влиянию, которое оказала на гуманитарную науку школа «Анналов», исследователи научились комментировать особенности быта или, по крайней мере, осознали, что реалии повседневной жизни нуждаются в объяснениях. Обилие исследований по истории повседневности дало материал для составления соответствующих комментариев.

Куда больше проблем возникает, когда текст тем или иным образом отсылает к реалиям массовой культуры, хорошо известной современникам, но совершенно забытой потомками. Приведу лишь один пример. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» имеется описание книжной торговли. Торгующий книгами купец «спустил по сотне Блюхера, / архимандрита Фотия, / разбойника Сипко, / сбыл книги: «Шут Балакирев» / и «Английский милорд»...» [Некрасов V: 34]. Читателю XX–XXI вв. перечисленные Некрасовым названия ничего не говорят, и он плохо понимает, почему эти неизвестные никому издания противопоставляются Белинскому и Гоголю, книги которых, по мысли автора, крестьяне должны были бы унести с базара домой. Между тем у современников Некрасова эти названия были на слуху. Лубочные портреты прусского генерал-фельдмаршала Г.-К. Блюхера печатались в разных вариантах и были очень широко распространены. Архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Фотий (Спасский) пользовался в народе большой популярностью, офени разносили его портреты по всей стране. «Повесть о приключении аглицкого милорда Георга и о брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» — это лубочная обработка повести, составленной где-то в середине XVIII века, которая неоднократно переиздавалась вплоть до 1918 года. Сборники анекдотов о И. А. Балакиреве, ставшем при Анне Иоанновне шутом, и истории об авантюристе, выдававшем себя за капитана И. А. Сипко, также издавались много раз большими тиражами [Плетнева 2013: 36–37]. Таким образом, перед нами достаточно традиционные сетования литератора на то, что народ предпочитает качественной литературе легковесные тексты развлекательного характера. Подобные жалобы (народ смотрит безвкусные сериалы, читает Дарью Донцову и т. д.) можно услышать и сегодня.

Прежде чем перейти к конкретному материалу, показывающему, как влияла лубочная литература на произведения русской классической литературы, нужно пояснить, что такое лубочная письменность и чем она нам интересна. Лубки, или народные картинки, появились в России во второй половине XVII в., а в последующие столетия получили огромное распространение, превратившись в массовую народную литературу. Соединение изображения и текста отвечало эстетическим и познавательным потребностям читателей. Язык лубка был более понятен грамотным крестьянам и мещанам, чем язык «высокой» словесности¹. Лубочные книги и листы формировали массовые представления об окружающем мире. Их тиражи на порядок превосходили тиражи, которыми издавались произведения русской классической литературы. Известно, что тираж пушкинского «Современника» не превышал 600 экземпляров, в то время как презираемые образованными людьми лубочные листы распространялись в десятках тысяч экземпляров [Гессен 1930: 142-143; Гриц и др. 2001: 13-16]. А ведь тираж и количество переизданий — наглядные свидетельства популярности издания. Житель России мог не слышать имени Пушкина, но о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче или Бобелине он знал наверняка. При этом массовая лубочная письменность являлась тем фоновым знанием, наличие которого русские классики предполагали у своих читателей. Для потомков же аллюзии к лубочным текстам оказываются совершенно непонятными. Ниже мы проиллюстрируем это положение, опираясь на хрестоматийные произведения Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина.

II.

Читатель XX–XXI вв. видит в сюжете гоголевского «Носа» образец яркой фантазии. Едва ли кому придет в голову объявить его банальным. Поэтому весьма неожиданными кажутся слова Н. Г. Чернышевского, который, полемизируя с критиками, сравнивавшими Гоголя с Гофманом, писал, что Гоголь не изобретал сюжетов, а лишь пересказал общеизвест-

 $^{^1}$ О социолингвистической ситуации в России в связи с функционированием народной книжности см.: [Плетнева 2013: 25–45].

ный анекдот. «С Гофманом, — писал Чернышевский, — у Гоголя нет ни малейшего сходства: один сам придумывает, самостоятельно изобретает фантастические похождения из чисто немецкой жизни, другой буквально пересказывает малорусские предания ("Вий") или общеизвестные анекдоты ("Нос")» [Чернышевский 1953: 141]. Какой же общеизвестный современникам анекдот пересказывает здесь Гоголь?

В литературе, посвященной гоголевскому «Носу», вопрос источников сюжета этой повести обсуждался неоднократно. В качестве источников и параллелей называли «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Стерна, «Необычайные приключения Петера Шлемиля» Шамиссо и «Приключения накануне Нового года» Гофмана [Манн 1996: 76]. Однако ни в одном из приводимых исследователями текстов нос как самостоятельное действующее лицо не встречался. Так что объяснить, как Чернышевский увидел в сюжете «Носа» общеизвестный анекдот, не удавалось. Предпринимались попытки возвести сюжет гоголевского рассказа к газетным заметкам о «ринопластике», о том, как человек с отрезанным носом бежит к врачу, медицина совершает чудо и нос оказывается пришитым на прежнее место [Виноградов 1976: 10–13]. Но и эти истории не давали внятных и очевидных параллелей.

Ситуация изменилась после того, как сюжет гоголевской повести удалось соотнести с лубочным листом «Похождения о носе», выдержавшим со второй половины XVIII века по 30-40-е годы XIX века не менее пяти изданий². Картинка включает два отдельных изображения. На левой стороне листа изображен Нос в виде человека, одетого в легкий шутовской костюм, башмаки, колпак и колокольчик. Нос беседует с Морозом, который тоже представлен в виде человека, одетого в куртку и широкие штаны. На другой половине листа те же персонажи изображены на фоне кабака, но теперь Нос стоит перед Морозом подбоченясь, а Мороз замахивается на него дубиной. Это изображение сопровождается длинным текстом в стихах, которые мы пересказываем вкратце. Дав общее описание сцены («случилось носу тепломъ похвалитца / бутто смѣлость имѣеть с морозом бранитца / вдрукъ зделался велокои морозъ / выскочилъ противъ ево красной носъ»), автор воспроизводит театрализованный диалог Мороза и Носа. Нос заявляет, что он не верит в силу Мороза («якобы онъ техъ жестоко знобитъ, которои носъ табакомъ набитъ») и не признает его власть. Он хвастается: «никогда отъ того морозу не хоронюся / ежели бъ онъ здесь былъ я с нимъ побронюся». Возмущенный речью Носа, Мороз его укусил, в результате чего «пошелъ из носу табакъ / бросился носъ ско-

² Подробнее о соотношении гоголевского носа с лубочным текстом см.: [Плетнева 2003].

Рис. 1. Лубочная картинка «Похождения о носе и сильном морозе» | and The Severe Frost»

Fig. 1. Lubok print «The Tale of The Nose

ро на кабакъ». Однако, отогревшись и выйдя из кабака, Нос продолжал хвастаться. Разгневанный Мороз сделал так, что Нос стал красным и «великая на носу вдругъ зделалась шишка / как болшая пышка». После этого «зделался носъ гнилъ, / а хозяину не милъ». Хозяин был этим очень опечален и лечил свой нос гусиным салом [Ровинский I: 420-422].

С чем связан наш интерес к этой незамысловатой лубочной картинке? Дело в том, что здесь нос выступает в качестве самостоятельного действующего лица. Он бахвалится, разговаривая с Морозом, бежит в кабак и т. п. Лишь в самом конце рассказа появляется хозяин, после чего нос перестает быть действующим лицом и становится частью тела, объектом действий хозяина («от чего хозяин печаль получил, а нос гусиным салом лечил»). Лубочные Нос и Мороз антропоморфны, и точно так же в повести Гоголя нос капитана Ковалева обретает человеческий облик: «Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-то с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: "Подавай!" — сел и уехал. Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! [Гоголь III–IV: 42–43]».

По всей видимости, с лубочной картинкой связана и трижды появляющаяся в повести Гоголя тема нюхательного табака. Парикмахер нюхает табак, пока бреет майора Ковалева. Когда Ковалев после разговора с собственным носом останавливается, чтобы полюбоваться молодой дамой, за его спиной «остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами». И наконец, известная сцена, когда чиновник в знак сочувствия предлагает Ковалеву понюхать табак: «Сам чиновник, казалось, был тронут затруднительным положением Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, он почел приличным выразить участие свое в нескольких словах:

— Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо. <...>

Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева.

— Я не понимаю, как вы находите место шуткам, — сказал он с сердцем, — разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак!» [Гоголь III–IV: 49].

Как мы помним, в лубочной истории тема табака возникает дважды: «пошелъ из носу табакъ, бросился носъ скоро на кабакъ» и «якобы онъ техъ жестоко знобитъ, которои носъ табакомъ набитъ».

Если мы говорим о влиянии лубка на сюжет гоголевской повести, то следует ответить на вопрос, а действительно ли Гоголь знал лубочную книжность. Ответ на этот вопрос, несомненно, будет положительным. Если в самом «Носе» нет прямых упоминаний лубка, то в повести «Портрет», которая в цикле «Петербургских повестей» идет сразу после «Носа», в самом начале находится подробное описание картинной лавочки на Щукином дворе. Здесь продавались лубки. Гоголевский текст содержит упоминание лубочных листов, хорошо известных исследователям. Здесь и Миликтриса Кирбитовна, мать Бовы-королевича, и популярные описания святынь Иерусалима, и Еруслан Лазаревич, и братья Фома и Ерема.

Как известно, первая публикация «Носа» в журнале «Современник» сопровождалась редакционным комментарием, автором которого был

А. С. Пушкин: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [Гоголь III–IV: 486]. Современный читатель, для которого неочевидна связь этой повести с развлекательной народной литературой, едва ли увидит в этой повести веселую шутку.

III.

Если влияние лубочной письменности на Н. В. Гоголя ограничивается сюжетными ходами, то А. С. Пушкин использовал не только лубочные сюжеты, но внимательно относился и к словесным формулам народной литературы, используя их в текстах своих сказок³. Прежде чем мы перейдем к анализу конкретного материала, следует высказать несколько замечаний, связанных с темой влияния народной культуры на творчество Пушкина. С одной стороны, интерес Пушкина к народной словесности общеизвестен, с другой — установить источники, благодаря которым Пушкин знакомился с народной словесностью, очень трудно. В ситуациях, когда установить источники влияния невозможно, обычно ссылаются на рассказы Арины Родионовны, хотя подобные ссылки, конечно же, являются не решением источниковедческой задачи, а формой ухода от такого решения.

При поиске точек соприкосновения литературных текстов с фольклором имеет смысл обращаться к лубочной литературе. Лубок играл роль письменного посредника, знакомящего представителей образованных сословий с фольклорными текстами. По мере изучения лубочной письменности нам еще предстоит обнаружить немало параллелей с произведениями русской классической литературы. Приведем лишь один пример, относящийся не к литературе, а к лексикографии. Мы привыкли считать словарь Владимира Даля словарем диалектным, основанным исключительно на полевых записях составителя. Между тем известно, что Даль собрал одну из лучших коллекций лубочных листов, которые, несомненно, использовал при работе над словарем. В результате этот словарь оказывается незаменимым при чтении лубочных текстов.

Интерес Пушкина к лубочным сказкам был также связан с тем, что он видел в них способ расширения возможностей литературного языка. Характерно, что Пушкин с большим сочувствием относился к «Сказкам ка-

³ Развернутое изложение и анализ материала, связанного с влиянием лубочной письменности на творчество Пушкина, см.: [Плетнева 2016].

зака Луганского» В. И. Даля, который стремился ввести в литературный язык слова и обороты, заимствованные из народной письменности. В своих воспоминаниях о встрече с поэтом Даль приводит его высказывание о языке сказки и вообще о русском литературном языке. «Сказка сказкой, — говорит Пушкин, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это делать? Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке» [Майков 1899: 418].

О прямом влиянии лубочной литературы на творчество Пушкина хорошо известно. В первую очередь здесь нужно назвать неоконченную лицейскую поэму «Бова». Как известно, «Сказка о Бове-королевиче» относилась к числу наиболее популярных лубочных сказок и печаталась в огромном количестве экземпляров. Именно к ней восходят имена персонажей пушкинских сказок: царь Салтан (в лубочной сказке он Салтан Салтанович), Гвидон, Дадон. Со сказкой о Бове связана и сцена отравления царевны в «Сказке о мертвой царевне».

Сказка о мертвой царевне⁴

Черной зависти полна, Бросив зеркальце под лавку, Позвала к себе Чернавку И наказывает ей, Сенной девушке своей...

Пес на яблоко стремглав С лаем кинулся, озлился, Проглотил его, свалился И издох. Напоено Было ядом, знать, оно.

Сказка о Бове5

Прекрасная королевна Милитриса Кирбитовна, вшед в королевския палаты, начала месить два хлебца своими руками во змеином сале на пшеничном тесте и, испекши, послала их с девкою чернавкою. Оная принесла и, отдаючи, говорит: «Государь Бова-королевич не моги от матери своей хлеба есть, отдай ты то псам». Бова принял хлебы, бросил, и как съели их псы, то разорвало псов от чернаго хлеба.

Мы видим, что отравительница-чернавка (то есть смуглянка) лубочной сказки у Пушкина превратилась в служанку по имени Чернавка ^{6} . В обоих текстах отравленное лакомство съедает пес (в лубочной сказки — псы), после чего умирает.

Еще одним источником, повлиявшим на пушкинские тексты, стала «Повесть о Еруслане Лазаревиче», которой мы обязаны именем главного героя поэмы «Руслана и Людмилы». Влиянием этой сказки объясняется

⁴ [Пушкин 1977–1979, IV: 346, 353].

⁵ [Ровинский І: 88].

⁶ Имя Чернава («сестра Чернава») присутствует и в Сборнике Кирши Данилова [Кирша Данилов 1977: 203]

и эпизод с говорящей богатырской головой, которая охраняет волшебный меч. Объяснить этот эпизод прямым влиянием фольклора нельзя, поскольку в русском фольклоре нет упоминаний о живущей отдельно от тела богатырской голове [Капица 2012: 6].

Более интересными являются случаи, когда Пушкин берет из народной письменности не сюжетные ходы и имена, а характерные выражения и словесные формулы. Посмотрим, как это происходило при работе над «Сказкой о царе Салтане». Традиционно происхождение «народных» элементов в этой сказке связывалось с прямым влиянием устного народного творчества. Но поскольку достоверная информация о том, какие фольклорные тексты мог слышать Пушкин, отсутствует, все эти построения имеют гадательный характер. Между тем, если сравнить пушкинскую сказку с лубочной «Сказкой о трех королевнах, родных сестрах»⁷, мы обнаружим не только сюжетные пересечения, но и схождения на уровне слов. Рассмотрим несколько фрагментов.

Сказка о царе Салтане⁸

И царицу в тот же час В бочку с сыном посадили, Засмолили, покатили И пустили в Окиян — Так велел-де царь Салтан.

Сказка о трех королевнах⁹

Король... послал к верховному своему министр[у] повеление, чтобы он до его приезда жену его и з двумя рожденными сынами посадил в бочку, засмолил и пустил их по морю.

В приведенном отрывке «Сказки о царе Салтане» присутствует пять глаголов, в лубочном тексте — четыре. Причем три из них (посадить, засмолить, пустить) встречаются в одинаковом порядке и в лубочной сказке, и у Пушкина. Такое совпадение, конечно же, не является случайным и свидетельствует о том, что Пушкин читал «Сказку о трех королевнах» и помнил ее текст.

По всей видимости, влиянием «Сказки о трех королевнах» объясняется и появление строк «и растет ребенок там / не по дням, а по часам». В лу-

⁷ В пушкинские времена этот текст существовал в двух версиях: гравированной (здесь он имеет заглавие «Сказка о трех королевнах, родных сестрах» [Ровинский I, № 46]) и книжной (этот текст был напечатан в 1795 году в сборнике «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» под заглавием «Сказка о Катерине-Сатериме» [Старая погудка 1795: 27–32]). Текстуально эти публикации совпадают, различаясь лишь на уровне орфографии. Установить, в какой версии — книжной или гравированной — читал Пушкин эту сказку, невозможно, см. [Азадовский 1936: 149; Плетнева 2016: 476]. Но поскольку тексты совпадают, это не столь уж и важно. Мы будем цитировать этот текст по изданию Д. А. Ровинского.

⁸ [Пушкин 1977–1979, IV: 315].

⁹ [Ровинский І: 181].

бочном тексте в соответствующем месте мы находим выражение: «Между тем плавали они в бочке долгое время, и королевичи росли не по годам, а по часам» [Ровинский І: 181]. У Пушкина выражение «расти не по годам, а по часам» заменяется на «расти не по дням, а по часам». Следует отметить, что это совпадение не является однозначным свидетельством влияния «Сказки о трех королевнах», поскольку сочетания «расти не по часам, а по минутам», «расти не по дням, а по часам» встречаются и в устных версиях сюжета об оклеветанной жене [Волков 1960: 96–97]. То есть это выражение могло быть заимствовано как из фольклора, так и из лубочного текста.

Более надежное свидетельство влияния «Сказки о трех королевнах» содержится в эпизоде, где подросший царевич вышибает дно бочки, в котором он с матерью плавал по морю, и выходит на свободу.

Сказка о царе Салтане¹⁰

Сын на ножки поднялся, В дно головкой уперся, Понатужился немножко: «Как бы здесь на двор окошко Нам проделать?» — молвил он, Вышиб дно и вышел вон.

Сказка о трех королевнах 11

И королевичи, упершись в дно, вышибли оное, потом вышед все на остров, построили себе отменнои терем.

Обращает на себя внимание не только сюжетное, но и фонетическое сходство этих фрагментов: «вышиб дно и вышел вон» и «упершись в дно, вышибли оное потом вышед...». Такие совпадения не могут быть случайностью, и у нас есть все основания говорить о непосредственном влиянии. К этому следует добавить, что примеры из фольклорных текстов, перекликающиеся с этим выражением, неизвестны.

IV.

Проблема влияния лубочной книжности на тексты русских писателей еще только поставлена, и имеющегося материала явно недостаточно для того, чтобы можно было делать какие-то общие выводы. Очевидным кажется лишь то, что лубочная литература давала писателям огромный материал, который мог использоваться разными способами и с разными целями.

¹⁰ [Пушкин 1977–1979, IV: 316].

¹¹ [Ровинский І: 181].

В одних случаях мы имеем дело с обработкой общеизвестных сюжетов лубочных листов, как, например, в гоголевском «Носе». По всей видимости, аналогичным образом использует лубочную картинку И. А. Крылов в басне «Слон и Моська». События, описанные в этой басне, очень напоминают лубок «Персидский слон, привезенный в Москву в 1796 году», где изображен слон, глазеющие на него зеваки и маленькая собачка, которая лает на слона. Если не обратить внимания на дату события, то лубочная картинка может быть принята за иллюстрацию басни Крылова. Хотя на самом деле картинка, посвященная событиям 1796 г., является не иллюстрацией, а скорее источником басни, написанной в 1808 году.

В других случаях писатели видели в лубочной литературе тот образец народной словесности, который позволил бы литературному языку освоить новые стилистические возможности. Именно для этого обращался к лубку А. С. Пушкин. При этом из лубочного текста он заимствовал не только сюжеты, но и каламбуры, рифмованные прибаутки и экзотические имена.

Рис. 2. Лубочная картинка «Персидский слон, привезенный в Москву в 1796 году»

Fig. 2. Lubok print «Persian Elephant, Brought to Moscow in 1796»

From the History of the Russian Language

Источники

Гоголь I–IX — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 9 т. / Сост., подг. текста и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Кирша Данилов 1977— Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовка текста и комментарии А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. М., 1977.

Майков 1899 — *Майков Л. Н.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1899. 430 с.

Некрасов V — *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. V. Л.: Наука, 1982. 687 с.

Пушкин 1977–1979, I–X — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах / [Примеч. проф. Б. В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979.

Ровинский I–V — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I–V. СПб.: Тип. Акад. наука, 1881.

Старая погудка 1795 — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителя оных, иждивением московского купца Ивана Иванова. Часть 1. М.: А. Решетников, 1795.

Чернышевский 1953 — *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 424 с.

Литература

- Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР, Институт литературы. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 134–163.
- Виноградов В. В. Натуралистический гротеск (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Избранные труды: Поэтика русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. М.: Наука, 1976. 512 с.
- *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновцы: [б. и.], 1960. 236 с.
- *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л.: Academia, 1930. 148 с.
- *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М.: Аграф, 2001. 304 с.
- *Капица Ф. С.* «Богатырская голова» в «Повести о Еруслане Лазаревиче»: происхождение образа // Вестник славянских культур. Вып. XXV. Том 3. М., 2012.
- Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 434 с.
- Плетнева А. А. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция // Новое литературное обозрение. № 61 (2003). С. 152–163.

- A. А. Плетнева. Пушкин, Гоголь и Бова: аллюзии к лубочной литературе в произведениях русской классики
  A. A. Pletneva. Pushkin, Gogol and Bova: Allusions to Popular Print Literature in the Works of Russian Classics
- Плетнева А. А. Лубочная библия: язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.
- Плетнева А. А. Лубочные источники пушкинской «Сказки о царе Салтане» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IX. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. М., 2016. С. 468–481.

References

- Azadovskii M. K. [Sources of Pushkin's Fairy Tales]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Temporary Pushkin Commission]. AN SSSR, Institute of Literature. Vol. 1. Moscow-Leningrad, AS USSR Publ., 1936. P. 134–163. (In Russ.)
- Gessen S. Ya. *Knigoizdatel' Aleksandr Pushkin. Literaturnye dokhody Pushkina* [Publisher Alexander Pushkin. Pushkin's literary incomes]. Leningrad, Academia Publ., 1930. 148 p.
- Grits T., Trenin V., Nikitin M. *Slovesnost' i kommertsiya. Knizhnaya lavka A. F. Smirdina* [Literature and commerce. Bookstore of A. F. Smirdin]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 304 p.
- Kapitsa F. S. ["The Bogatyr's Head" in "The Tale of Eruslan Lazarevich": the origin of the image]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2012, no. 3 (25). (In Russ.)
- Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Poetics of Gogol. Variations to the subject]. Moscow, Coda Publ., 1996. 434 p.
- Pletneva A. A. *Lubochnaya bibliya: yazyk i tekst* [Lubok Bible: Language and Text]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013. 392 p.
- Pletneva A. A. [Lubok roots of the Tales of Tsar Saltan]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. IX. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury. Pamyati V. M. Zhivova* [Proceedings of Vinogradov Russian Language Institute. IX. History of Russian language and culture. In the memory of V. M. Zhivov]. Moscow, 2016. P. 468–481.
- Pletneva A. A. [The Novel by N. V. Gogol "The Nose" and the Lubok Tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 61 (2003). P. 152–163.
- Vinogradov V. V. Naturalistic Grotesque (The Plot and Composition of the Novel "The Nose" by Gogol). *Izbrannye trudy: Poetika russkoi literatury* [Selected Works: Poetics of Russian Literature]. Ed. M. P. Alekseev, A. P. Chudakov. M.: Nauka, 1976. 512 p. (In Russ.)
- Volkov R. M. *Narodnye istoki tvorchestva A. S. Pushkina. Ballady i skazki* [Folk Roots of Works by A. S. Pushkin. Ballads and Tales]. Chernovtsy: [w. p.], 1960. 236 p.

Russian Speech

C./Pp.88-98

Из истории русского языка

Гонитель. Губитель. Мучитель. Разоритель

Игорь Степанович Улуханов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), istepu@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170003977-3

аннотация: Слова *гонитель*, *губитель*, *мучитель* восходят к прасл. *gonitelь, *gubitelь, *močitelь либо заимствованы древнерусским языком из старославянского. Слово *разоритель* (< прасл. *orzoritelь < прасл. *orzoriti) в старославянском не зафиксировано.

Гонитель употреблялось в двух значениях — прямом («тот, кто гонится за кем-либо, стремясь поймать») и переносном («притеснитель, преследователь»). Прямое значение фиксируется в памятниках XVI — конца XVIII в., переносное — с XII в. до настоящего времени.

Губитель фиксируется в значении «тот, кто губит, погубил кого-что-н.» с XI в. до настоящего времени. Слово представлено в говорах.

Мучитель выступает в двух значениях: «тот, кто мучит кого-н.; палач» и «правитель, тиран, властелин». В первом из названных значений слово фиксируется с XI в. по настоящее время, во втором — в текстах XV–XIX вв.

Разоритель в древнерусском имело значения «1) тот, кто морально уничтожает, упраздняет, низвергает, сводит на нет; 2) тот, кто физически уничтожает, разоряет». Первое значение утратилось, по-видимому, в середине XIX века; во втором значении слово продолжает функционировать до настоящего времени.

ключевые слова: значение слова, прямое значение, переносное значение, праславянский, старославянский, древнерусский языки, заимствование, выход из употребления, развитие нового значения

для цитирования: Улуханов И. С. Гонитель. Губитель. Мучитель. Разоритель // Русская речь. 2019. № 2. С. 88–98. DOI: 10.31857/S013161170003977-3.

From the History of the Russian Language

Gonitel'. Gubitel'. Muchitel'. Razoritel'

Igor' S. Ulukhanov, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science (Russia, Moscow), istepu@mail.ru

ABSTRACT: The words *gonitel'*, *gubitel'*, *muchitel'* go back to Proto-Slavic *gonitelь, *gubitelь, *močitel'ь, or are borrowed by the Old Russian language from Old Slavonic. The word *razoritel'* (Proto-Slavic *orzoritelь) is not fixed in Old Slavonic.

The word *gonitel*' was used in two meanings — direct: «one who chases someone, trying to catch» and figurative: «oppressor, persecutor». The direct meaning is fixed in the manuscripts of the XVI — late XVIII century, the figurative meaning has existed from the XII century to the present time.

The word *gubitel*' has had in the meaning «one who kills, or killed someone» from the XI century until present. The word occurs in dialects.

Muchitel' appears in two meanings: «one who torments someone; executioner» and «tyrannical ruler, souvereign». The first of these meanings, has existed from the XI century to the present day, while the second meaning appears in the texts of the XV–XIX centuries.

Razoritel' (<Proto-Slavic *orzoritelь< Proto-Slavic *orzoriti), is not fixed in Old Slavonic. In Old Russian it had the meanings «1. one who morally annihilates, abolishes, overthrows, nullifies; 2. one who physically destroys, ruins». The first meaning was lost, which must have happened in the middle of the XIX century; in the second meaning the word continues to function at present.

KEYWORDS: meaning of the word, direct meaning, figurative meaning, Proto-Slavic, Old Slavonic, Old Russian, borrowing, becoming obsolete, development of a new meaning

FOR CITATION: Ulukhanov I. S. Gonitel'. Gubitel'. Muchitel'. Razoritel'. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 88–98. DOI: 10.31857/S013161170003977-3.

Russian Speech No. 01 | 2019

From the History of the Russian Language

Гонитель

В [Трубачев (ред.) 1980: 22] реконструируется праславянская форма *gonitelь, к которой восходят слова многих славянских языков. Производящее — праславянский глагол *goniti.

Не исключено, что древнерусским книжным языком слово заимствовано из старославянского языка: стсл. *гонитель* «преследователь, гонитель»: «ни гонителя отъгъна познавьша твое цѣсарьствие» [Супр: 507].

На протяжении длительного времени в русском языке слово употреблялось в двух значениях— прямом и переносном.

В прямом значении «тот, кто гонится за кем-либо, стремясь поймать» слово фиксируется в памятниках XVI — конца XVIII века, например: «Мамай же гонимъ сый, прибѣжа близъ города Кафы, бегаа предъ Тактамышовы гонители, и съслася съ кафинцы по докончанию и по опасу, дабы его приали на избавление, дондеже избудеть отъ всѣхъ гонящихъ его» [ВЛ: 41]; «До Коголника гнанъ со всѣми татарами; и конечно был бы взятъ, толко дятко ево, пересадя на свою лошадь, упустилъ, а сам, противъ гонителей ево ставъ и бився, въ руки нашимъ за спасение ево отдался» [Петр: 71. 1696 г.]. Ср. фиксацию этого значения в словарях: «тот, кто гонится за кем, преследует кого-л., стремясь поймать» [Сорокин (гл. ред.) 1989: 163] (с пометой, указывающей на выход значения из употребления); «тот, кто гонится за кем в намерении поймать» [САР II: 205]. В [Даль], [Сл 1847] и словарях современного языка это значение не фиксируется.

Переносное значение фиксируется раньше прямого — в XII веке — и сохраняется у слова вплоть до современности : «Гла(с) кръве брата твоего въпиеть на тя к богоу . яко авелева на каина . и инѣхъ многыихъ дрѣвниихъ гонитель и оубоиникъ» [ЖФП: 59в]; «Иже нѣкогда гонитель, нынѣ же гоним, иже нѣкогда грѣшенъ нынѣ же помилованъ» [КозмИнд: 194]; «Он есть страж правосудия, и гонитель лицеприятия» [Зритель II: 168]. Толкования этого значения в словарях: «тот, который утесняет другого под вымышленными видами; обидчик, угнетатель, утеснитель» [САР II: 205]; «преследователь, притеснитель, угнетатель» [Сорокин (гл. ред.) 1989: 163]; «преследующий кого или что-либо» с иллюстрациями: Г. невинности, Г. пророков» [Сл 1847 I: 276]; «гонящий, преследующий, обижающий, притесняющий кого-либо; преследователь, теснитель, обидчик» [Даль I: 375], (высок.) «Притеснитель, преследователь» [Словарь 2007: 161].

В прямом значении слово употребляется преимущественно в светских памятниках, в переносном — в церковно-книжных.

В [Филин (гл. ред.) 1972: 5] приведены толкования и примеры употребления слова *гонитель* в говорах: «О том, кто бежит, гонится за кем-либо. А я за милым другом не *гонитель*... // О том, кто стремится достать что-либо для себя... Наши родители за тем не *гонители*».

Слово управляет формой родительного падежа: «ангелъ же ненавистьникъ... божествьныхъ *съборъ гонитель»* [Сб XII–XIII: 43]; *гонитель свободы*. Управление дательным падежом не фиксируется после XIV века: «Неронъ... *гонитель* первыи бы(с) *божествьномоу словоу»* [ГА: 1606].

Мотивирующий глагол чаще всего управляет формой винительного падежа, например: «и како стоит миръ всь и еще ли *гонять* моучители *крьстиянъ*» [ПрЛ: 66а]. Кроме того, *гонити* управляет сочетанием предлога *по* с формой местного падежа; это управление встречается в летописном рассказе: «и рече Святославъ Олговичь. строема своима. далече есмь *гонилъ по Половцехъ*. а кони мои не могоуть» [ЛИ: 224 (1185)].

Губитель

Реконструированная в [Трубачев (ред.) 1980: 165] праславянская форма *gubitelь (от *gubiti) сопровождается следующим примечанием: «Надежность реконструкции невелика ввиду книжного характера, а возм., и распространения соответствий в отдельных слав. языках (наряду с примерами стар. употребления)»; ср. стсл. гоубитель: въчера съвязанъ бывааше дънесь нераздръшеными оузами. съвязаетъ гоубителя» [Клоц: 13а].

Слово фиксируется в значении «губитель» с XI в. почти исключительно в церковно-книжных древнерусских памятниках: «Вънезаапоу нападеть ихъ гоубитель» [ПандАнт: 82]; «молихъ ся богоу . низъринеть ся гоубитьль и кръпость бъсовьская да ся расторгнеть» [ГА: 156г]. Употребления в светских памятниках были редкими и фиксируются поздно, ср. употребление в светском памятнике XVII века: «они мнъ и супостаты и скотишку и животишку моему губители» [Колл3ин № 91. 1665 г.]. В этом значении слово употреблялось и в XVIII-XIX веках и употребляется в современном языке: «Тамошние жители сказали про него <помещика>, что великой де озорник и губитель, человек де пять-шесть пошло от его рук» [Посошков: 235]; «Истребитель, тот, кто губит кого или что» [САР II: 418]; «Губящий кого или что-либо» [Сл 1847 I: 300]; «кто губит, погубляет что, кого» [Даль I: 405] (высок.); «Тот, кто губит, погубил кого-что-н.» [Словарь 2007: 175]. Слово отмечено и в говорах — в [Гецова (ред.) 1999: 128]: «экспресс. Тот, кто губит кого-н. Други́йе оццы́ не оццы́, а губи́тели дете́й».

В [3С: 37–37об] слово употреблено в значении «дерзкий, непочтительный человек»: «Аще кому будеть сынъ непокоривъ . *губитель* непослушая рѣчи отъца свое (Γ) . и ни матери».

На протяжении всего периода своего функционирования описываемое слово управляет родительным падежом: «святых» гоубитель и божественных» съборь гонитель» [Сб XII–XIII: 43].

До XVII века включительно не менее активно используется управление дательным падежом: «и ловця волкомъ и губителя всякимъ злымъ звъремъ» [МПр: 7]; ср. приведенное выше «скотишку и животишку моему губители» [КоллЗин № 91. 1665 г.]. В дальнейшем это управление выходит из употребления и в современном языке почти не применяется. Из 225 употреблений слова в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, [www.ruscorpora.ru]) управление дательным падежом представлено лишь двумя контекстами из одного и того же автора: ср. «Что хочешь сказать? Я людям губитель? — Себе прежде» (Георгий Владимов. Три минуты молчания. 1969); «... себе не губитель» (Георгий Владимов. Большая руда. 1961). В остальных контекстах слово представлено многочисленными примерами управления родительным падежом и абсолютивным употреблением.

Мотивирующий глагол *гоубити* управляет формой винительного падежа: «*гоубить* господь *глаголюштяя* лъжоу» [Изб 1076: 31об]; «и рече Редедя къ Мьстиславу. что ради *губивъ дружину* межи собою» [ЛЛ: 50 (1022)].

Мучитель

«Производное с суф. -telь (имя деятеля) от *močiti...» [Трубачев (ред.) 1994: 115]. В старославянском языке слово имело два значения: 1. «тот, кто мучит кого-н.; палач»: «прогнъвавъ ся господь его . пръдастъ и моучителемъ» (Мт XVIII, 34) [МЕ, АЕ, СаввКн]; 2. «правитель, тиран, властитель»: «моучитель... възбъсивъ ся дастъ о нею отъвътъ . мечемъ оуморити я» [Супр: 184], [Цейтлин 1997: 100].

В древнерусском языке слово имело эти же два значения, одно из которых было утрачено, а другое сохранилось до настоящего времени.

Сохранилось значение «тот, кто мучит, палач». Оно отмечено уже в XI веке: «И прогнѣвавъся господинъ его, прѣдастъ и моучителемъ» (Мт XVIII, 34) [ОЕ: 76 (1056–1057)]. В дальнейшем слово регулярно фиксируется в церковно-книжных памятниках и словарях. Одно употребление отмечено в летописи (см. ниже). Приведем некторые фиксации слова мучитель в значении «тот, кто мучит кого-н.; палач»: «и ничтоже иного не приобрящеши вѣжь. но токм(о) иже во отьца моучитель и оубица наречешися» [ЖВИ: 91г]; «безъмилостивъ сыи . моучитель другымъ чловѣкомъ головы порѣзывая и бороды . а другымъ очи выжигаше» [ЛИ: 197об (1172)]; «Мукарове-мучителе» [Ковтун 1975: 291. XVI в.]; «Естьлиб мог я надѣяться.., то бы я не пожалѣл жизнию своею жертвовать во избавление ее из рук ея мучителя» [ПриклМарк II: 49]; «Тот, кто мучит или жестоко наказывает» [Сл 1847 II: 334]; «Кто мучит кого; виновник мучений» [Даль II: 363]. Сходные толкования — в словарях XX века и XXI века.

Второе значение — «правитель, тиран, властелин» — зафиксировано в текстах XV–XIX веков: «Мною (мудростью) велможа величаются и мучителе мною дръжать землю (Притч. VIII, 15–16) [БиблГенн]; «Сан гражданина казался ему презрителен, он стяжал престола, не как мучитель, хотящий взойти на оной силою, но как человек хитрый, пронырливый под видом исправления в правлении злоупотреблений» (А. Н. Радищев. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия Греков (перевод книги Г. де Мабли с французского). 1773); «Уже мучитель Константинъ, Великим названный, следуя решению Никейского собора, предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. 1779–1790). Ср. толкование в [Сл 1847 II: 334]: «2. Властелин, владыка».

В некоторых контекстах соединены семантические компоненты, входящие в первое и второе значения: «жестокий правитель, властелин, являющийся мучителем подвластных ему людей»: «Уне есть моучителемъ работати . негли страстемъ» [Пч: 38]; «Но не предай же насъ до конца имени твоего ради. Что бо речеть мучитель [Батый]: гдѣ есть богъ ихъ?» [Батый: 112]; «надобно прочесть внимательно всю историю страдания нашего отечества во время его порабощения ордынцами, — и вдруг вообразить Россию, над врагами своими торжествующую, иго мучителей своих свергшую» (М. М. Херасков. Историческое предисловие (к «Россиаде»). 1771–1779); «На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела постника и молчальника более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного» (Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. 10. 1821–1823); ср. толкование в [САР IV: 342]: «Кто мучительски с подвластными поступает; кто во зло употребляет власть данную».

Помимо постоянного управления родительным падежом («Какой ты немолодых дам мучитель» (Василий Аксенов. Таинственная страсть) и мн. др.), возможно гораздо более редкое управление дательным падежом. В НКРЯ из 1150 текстов управление дательным падежом отмечено всего три раза: «Чем я вам мучитель, — отвечал я» (Ксения Букша. Эрнст и Анна. 2002); «... поймать явившегося злодея и разорителя Пугачева, а наипаче господам благородным дворянам мучителя» (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2. 1934—1945); «завистливые люди сами себе и другим мучители» (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766—1768).

Разоритель

Прасл. *orzoritelь — «производное от глагола *orzoriti» [Журавлев (ред.) 2008: 93]. В старославянском языке слово не зафиксировано.

Слово обозначает того, кто уничтожает, но в зависимости от того, что уничтожается, выделяются два значения слова: Первое значение — «тот,

кто морально уничтожает, упраздняет, низвергает, сводит на нет». В этом значении слово сочетается с названиями духовно-религиозного характера: «Крьстъ идолослужению разоритель» (Явл. креста) [УспСб: 167]; «слыши арью... необратимыи разбоиниче . нераскаемыи грѣшниче. неукротимыи на Христова стада волче . безбоязньныи святыя вѣры разорителю» [КТур: 278]; «исповѣда [св. Ирина] Христа с дързновениемь. бога истиньнаго проповѣдающи и господа всѣму миру... избавителя чловѣкомъ. разорителя идоломъ» [Пр 1383: 40в]; «Разумѣи... не потакая Лютеру, ненавѣстнику и разорителю ангелъского и чистаго жительства» [КурбПис: 374].

В [САР IV: 645] первое значение дано обобщенно и без примеров: «1) Разрушитель, тот, который изпроверг что», но второе (см. ниже) описывает «физическое уничтожение». В [Сл 1847 IV: 26] объединены оба значения: «разоряющий кого- или что-либо», аналогично толкуется слово в [Даль IV: 42], но дается иллюстрация, соответствующая первому значению: «разорители слова, лжемудрые разумники». В НКРЯ в примерах из текстов XIX века даны контексты, в которых слово разоритель выступает в первом значении: «никого не проклинать и от церкви не отлучать, кроме как явных преступников и разорителей заповедей божиих». (А. С. Пушкин. История Петра: подготовительные тексты. 1835–1836); «с разорителями веры христианской бились» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том девятый. 1859); «Вере христианской никогда я разорителем не буду» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том десятый. 1860). В дальнейшем первое значение перестает фиксироваться.

Второе значение — «тот, кто физически уничтожает, разоряет». В этих контекстах речь идет об уничтожении реалий материального характера: «(1556): Многие грады и волости пусты учинили намъстники и волостели... не быша имъ пастыри и учители, но сотворишася имъ гонители и разорители» [ЛьвовЛ: 570]; «И у него тъхъ крестьянъ возмутъ безденежно, и отдадутъ сродственникомъ его, добрымъ людемъ... и не такимъ разорителямъ» [ГКотош: 142]; «А въ Галиче, государи, воевода и разорители наши галицкие подьячие составливаютъ заручные челобитные, чтобъ не быть у насъ на Унжъ... особому воеводъ» [ДАИ: 223 (1683)].

Это значение продолжает фиксироваться до настоящего времени: «*Paзopumeль*... 2) Грабитель, тот, который в бедность, нищету других приводит, отнимая у них имение или пресекая ими способы к стяжанию онаго» [CAP IV: 645]; «В 1719 году был издан указ, чтоб помещики не разоряли крестьян своих, *pasopumeneй* отрешать от управления имениями». (С. М. Соловьев. Петровские чтения. 1871); «Весь народ объединился в едином стремлении изгнать захватчиков — *pasopumeneй* родной страны» (В. Чичеров, В. Крупянская. 1812 год в народном творчестве // Народ-

ное творчество. 1937); «О полководце Муммии, *разорителе* Коринфа...» (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция); «*Разоритель*. Тот, кто разорил, разоряет, производит разорение» [Шведова (ред.) 2007: 861].

Слово может использоваться в качестве приложения для характеристики неодушевленных предметов: «На удушение экономически здоровой части наших предприятий в рамках несправедливой, неравноправной конкуренции с предприятиями-разорителями?» (Александр Гангнус. Деньги для застоя? // Горизонт, 1989).

В фольклоре *разоритель* употребляется как эпитет жениха в свадебных песнях [Сороколетов (гл. ред). 2000: 54].

Слово управляет формой родительного падежа (см. большинство приведенных выше примеров). Реже встречается управление формой дательного падежа: «Михайла с товарищами, первые всякому злу начальники и Московскому государству разорители» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том девятый. 1859); «Всякое упоминание о кабаке сопровождается очень нелестными эпитетами по его адресу: кабак — "греху учитель", "душам губитель", "несытая утроба", "домовная пустота", "дому разоритель", "богатства истощитель", "маломожное житие", "злодеем пристанище и т. д."» (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI–XVII вв.). 1938); «Я им разоритель, я им обидчик лютый» (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая. 1952); ср. приведенные выше идолослужению разоритель, разорителя идоломъ, вере христианской разоритель.

Источники

AE - J. Kurz. Evangeliář Assemanův. Praha, 1955.

Батый — *Розанов С. П.* Повесть об убиении Батыя. // Изв. ОРЯС, 1916. Т. XXI. Кн. 1 С. 109–142. XV в., сп. к. XVI в.

Библ Γ енн — Книги ветхого и нового завета, писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Γ еннадия. Рукоп. Γ ИМ, Син, $\mathbb{N}^{\circ}$ 915.

ВЛ — Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 8. 1859. Сп. XVI в.

ГА — Хроника Георгия Амартола. Славяно-русский перевод XI в. в сп. XIV в. РГБ, Фунд. № 100. Изд.: Истрин В. М. Книги временьныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст. Пг, 1920. Т. I.

ГКотош — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. 4-е изд. СПб., 1906/ 1666–1667.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. СПб., 1867. Т. Х. 1684-1685 гг.

ЖВИ — Житие Варлаама и Иосафа // Сборник житий и слов XIV–XV вв. РИБ, Соф., № 1365, л. 1в-135г.

From the History of the Russian Language

ЖФП — Житие Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII века, ГИМ, Усп., № 4. Изд.: Успенский сборник XII–XIII в. М. 1971.

Зритель — Зритель. Ежемесячное изд. 1792 г. СПб., 1792. Ч. 1-3.

3С — Закон судный людям (пространная редакция) по рук.: Мусин-Пушкинский сборник, XIV в., л. 22об–41об. Изд.: Закон судный людям пространной и сводной редакции. М., 1961. С. 33–43, 175–214.

Изб 1076 — Изборник Святослава 1076 г. РНБ. Эрмитажн., $\mathbb{N}^{9}$ 20. Изд.: Изборник 1076. М., 1965.

Клоц — Glagolita Clozův. Praha, 1893.

Ковтун 1975 — *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975. Тексты словарей.

Козм
Инд — Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886, к. XII —
н. XIII в. Сп. XVI в.

Колл3ин — Коллекция И. К. Зинченко XVI–XVII вв. — Хранится в СПб. ФИРИ РАН. к. 78.

КТур — Слова Кирилла Туровского по рукописи: Сборник ГИМ, Увар., $159-1^{\circ}$, л. 224 об. — 286. Изд.: Сухомлинов М., Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. II.

КурбПис — Письма князя Курбского к разным лицам // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. Стлб. 359–472. XVI в., сп. XVII в.

 ${\rm ЛИ}-{\rm Ипатьевская}$ летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., $1962.\ T.\ 1.$

ЛьвовЛ — Львовская летопись. Ч. 2 // Полное собрание русских летописей. СПб., 1914. Т. XX. 2 полов. С. 419–621, сп. XVI в.

ME - Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.

МПр — Мерило праведное вт. пол. XIV в. РГБ, Тр.-Серг., № 15. Изд.: Мерило праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

ОЕ — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1843.

ПандАнт — Пандекты Антиоха по сп. XI в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

Петр — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887, 1688–1701.

Посошков — Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. [1724]. М., 1937.

Пр 1383 — Пролог мартовской половины, 1383 г. РГАДА, ф. 381, № 172 (Тип № 367).

ПриклМарк — *Прево д'Экзиль А. Ф.* Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека оставившего свет, перев. на рос. яз. Иваном Елагиным [Ч. 1–4; Ч. 5–6 — В. Лукиным] СПб., 1767. Ч. 1; СПб., 1756–1765. Ч. 2–6.

ПрЛ — Пролог «Лобковский» сентябрьской половины, 1282 г. ГИМ, Хлуд., № 187.

Пч — Пчела н. XV в., РГАДА, ф. 181, РО б-ки МГАМИД, № 370.

СаввКн — *Щепкин В. Н.* Саввина книга («Памятники старославянского языка». Т. II. Вып. 2). СПб., 1903.

- САР Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1-6.
- Сб XII–XIII Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических, к. XII н. XIII в. РГБ, Тр.-Серг., $\mathbb{N}^{0}$ 12.
- Сл 1847— Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. I–IV, СПб. 1847.
  - Супр Северьянов С. Н. Супрасльская рукопись. СПб, 1904.
  - УспСб Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Литература

- Гецова О. Г. (ред.). Архангельский областной словарь. М.: Наука, 1999. Вып. 10. 479 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
- Журавлев А. Ф. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 2008. Вып. 34. 307 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: база данных. Электрон. дан. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (свободный). Загл. с экрана.
- *Сорокин С. Ю.* (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1989. Вып. 5. 256 с.
- *Сороколетов Ф. П.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2000. Вып. 34.367 с.
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 224 с.; М.: Наука, 1994. Вып. 20. 255 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1972. Вып. 7. 355 с. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.
- *Шведова Н. Ю.* (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

References

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. I–IV, Moscow, Izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1956.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. 7. 355 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1999. Vol. 10. 479 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://rus corpora.ru

Русская речь • № 01 | 2019

Russian Speech No. 01 | 2019

Из истории русского языка

From the History of the Russian Language

- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proishozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Sorokin S. Yu. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. Vol. 5. 256 p.
- Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. S. Petersburg, Nauka Publ., 2000. Vol. 34. 367 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Pre-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 7. 224 p.; Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 20. 255 p.
- Tseitlin R. M. *Leksika staroslavyanskogo yazyka* [Vocabulary of the old Slavonic language]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 336 p.
- Zhuravlev A. F. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Pre-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ., 2008. Vol. 34. 307 p.

C./Pp.99-108

Национальный корпус русского языка

Полезные функции в НКРЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента

Светлана Олеговна Савчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия), savsvetlana@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170003978-4

аннотация: Национальный корпус русского языка — это не просто большое собрание самых разных текстов, но и разнообразная лингвистическая информация, сопровождающая тексты, и средства поиска информации. Однако многие неподготовленные пользователи не подозревают о богатых возможностях этого лингвистического ресурса и к тому же не любят читать инструкции, поэтому используют его только для простого поиска слов.

Для таких пользователей корпуса мы предлагаем серию заметок, в которых разработчики НКРЯ на примерах конкретных поисковых задач будут знакомить читателей с корпусными инструментами и приемами их использования.

В настоящей заметке рассказывается о средстве, позволяющем осуществлять поиск по части словоформы или лексемы, а также о способе установления фильтров на ненужные единицы, что позволяет получать более точные результаты.

ключевые слова: Национальный корпус русского языка: функциональные возможности, корпусной инструментарий, средства поиска

для цитирования: Савчук С. О. Полезные функции в НКРЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента // Русская речь. 2019. $\mathbb{N}^{\circ}$ 1. С. 99–108. DOI: 10.31857/S013161170003978-4

Russian National Corpus

Russian National Corpus

Useful Functions in Russian National Corpus: search by part of a word and search with the exclusion of an unnecessary element

Svetlana O. Savchuk, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), savsvetlana@mail.ru

ABSTRACT: The Russian National Corpus is not only a comprehensive collection of a wide variety of texts, but also a great deal of linguistic information accompanying them, and information search tools. However, many untrained users are unaware of the considerable potential this linguistic resource may offer and, moreover, are unwilling to read the instructions. They tend to use it just for a word search.

For this kind of users of the Corpus, we offer a series of notes, in which the developers, using examples of practical search tasks, will introduce readers to different kinds of corpus tools and techniques to manage them.

This note describes a tool which makes it possible to conduct a search by part of a word form or lexeme, as well as the method of setting filters on unnecessary units and, thereby, getting more accurate results.

KEYWORDS: Russian National Corpus: functionality, corpus tools, search tools FOR CITATION: Savchuk S. O. Useful Functions in Russian National Corpus: search by part of a word and search with the exclusion of an unnecessary element. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 99–108. DOI: 10.31857/S013161170003978-4

сследователи отмечают, что в современном русском языке функционирует большое количество слов, имеющих в своем составе иноязычные морфемы: авто- (автобус, автобан), аэро- (аэробус, аэростат), -фон (телефон, магнитофон, смартфон), гипер- (гипертекст, гипермаркет, гиперссылка, гиперактивный), микро- (микромир, микросхема, микробиология), супер- (супермен, суперкомпьютер, суперфинал) и т. д. Часть этих слов заимствована из других языков (автобус, телефон, гипертекст и др.), часть образована с использованием иноязычных морфем (автоответчик, суперновость, аэротруба и др.). С помощью подобных элементов образуется большое количество новых слов, еще не попавших в словари. Можно ли оценить продуктивность той или иной морфемы? В этом может помочь Национальный корпус русского языка благодаря нескольким полезным функциям.

Предположим, нам нужно проверить, активна ли модель с элементом -навт (от греч. nautēs — мореплаватель) в современном русском языке. На память сразу приходят слова космонавт (космос + nautēs, букв. космоплаватель, 'человек, совершивший полет в космос'), астронавт (астро + nautēs, букв. звездоплаватель, 'то же, что космонавт'), аэронавт (аэро + nautēs, букв. воздухоплаватель), аргонавты (Арго + nautēs, 'древнегреческие герои, совершившие на корабле «Арго» плавание к берегам Колхиды'). Есть ли еще слова на -навт в современном русском языке? Поищем ответ в основном корпусе. В этом нам поможет функция «звездочки» (астериска). Звездочка позволяет искать лексемы по какой-то их части, начальной или конечной. Чтобы осуществить запрос, в месте обрыва сегмента (перед ним или после него) надо поставить звездочку (астериск).

На странице лексико-грамматического поиска в поле «слово» записываем *навт.

Слово ? А Б В *навт	Грамм. признаки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать	1 +×
Доп. признаки ? выбрать	Словообразование выбрать	☑ 1-е знач. ☑ др. знач. ☐ фильтр 1 ☐ фильтр 2 2	
Расстояние: от 1 до 1	(2)		

В результате такого запроса можно получить около четырех тысяч примеров существительных, оканчивающихся на -навт.

- Выход в открытый космос считается самым сложным заданием для **космонавта** (Известия, 08.01.2003).
- Сам он уподоблял своё движение от «Мистерии» к «Гармонии» странствию аргонавтов за золотым руном (Знание сила. 2003).
- Я играл **космонавта**, а в барокамеру нас снимать не пустили, и мы изображали невесомость в павильонах «Мосфильма» (Финансовая Россия. 19.09.2002).
- Но и первоначальные также в их причастности к человеческой истории и вечной с нею борьбе: Орфей в походе аргонавтов усмирял волны, а Пушкин в двух строках (С. Бочаров. Из истории понимания Пушкина. 1998).
- Правда, молодой человек был не гусар, не офицер, но в девяностые годы инженер-путеец был фигурой модной, не менее романтической, чем гусар. Нечто вроде космонавта сегодня (Д. Гранин. Зубр).

Обратите внимание на таблицу внизу каждой страницы. Она называется «Частоты найденного для этой страницы», и в ней указано количество словоформ и лексем (лемм), отвечающих запросу, которые встретились в примерах на данной странице. Таблицы предназначены для быстрого просмотра страниц, поиска нужного слова и оценки его количественных показателей (частотности).

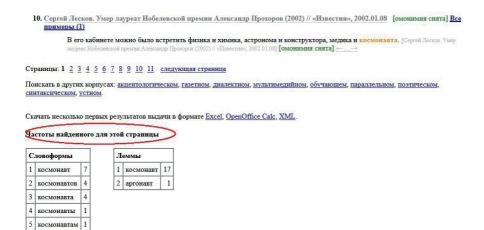
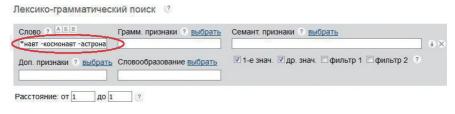

Рис. 2. Результаты поиска слов, оканчивающихся на -навт | Fig. 2. Search result for words ending with -navt

6 аргонавтов

Большую часть примеров, как мы видим, составляют контексты с существительными космонавт, астронавт и другими перечисленными выше, что затрудняет поиск менее известных слов. Если исключить из поиска общеизвестные слова, удастся быстрее найти другие слова с элементом -навт. Как это сделать? Использовать еще одну полезную функцию — исключение ненужного элемента, для чего служит оператор «минус» перед исключаемой формой или лексемой.

В том же поле «слово» записываем: ***навт -космонавт -астронавт -аэронавт -аргонавт**, что означает «слова, оканчивающиеся на сегмент **-навт**, но не слово *космонавт*, не слово *астронавт*, не слово *аргонавт*».

Рис. 3. Запрос для поиска слов, оканчивающихся на -*навт*, **Fig. 3.** Search query for looking up words ending за исключением ненужных слов with -*navt*

В результате такого сокращения получаем скромный список из 170 примеров, который легко просмотреть и оценить его состав.

- В связи с этим невольно складывается впечатление, что НЛО и **НЛО-навты**, если сообщения об их поведении соответствуют действительности, ведут себя именно так, как должны были бы вести себя путешественники в прошлое, прибывшие в наше время из будущих эпох (В. Комаров. Тайны пространства и времени. 1995–2000).
- Он был не компьютерщиком, а, как тогда говорили, ученым-психонавтом (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам).
- **Марсонавты**, которых уже, фактически, вогнали в рабочий режим и в совместную жизнь, приступили к экспериментам (Детали мира. 2011).
- Говорил о тех, кого уже три года кряду воспевали газеты: о герояхстратонавтах (Л. Чуковская. Прочерк. 1980–1994).
- Всего десять лет назад, 15 октября 2003 года, первый китайский **тай-конавт**, Ян Ливэй, побывал на околоземной орбите (Знание сила. 2013).
- Ван Юэ профессиональный психолог, специалист по подготовке и отбору **тэйконавтов** (Детали мира. 2011).

Russian National Corpus

- Лишь полное погружение потребует обязательного наличия суперкомпьютера и специальных интерфейсных устройств — «костюмов виртуанавтов» (Воздушно-космическая оборона. 15.08.2003).
- Раз уж я запустил в 1969 году своего **времянавта** Игоря Одоевцева из 2099 года в пушкинскую эпоху подсмотреть, как дело было, почему бы не подумать о нем сегодня? (А. Битов. В лужицах была буря...// Звезда. 2002)

Среди найденных примеров есть довольно частотные: акванавт (47 вхождений), стратонавт (22), океанавт (26), гидронавт (22), марсонавт (6), тайконавт/тэйконавт (так называют космонавта в Китае) (4) и др. Это новые слова, заимствования или бывшие неологизмы, которые уже вошли в литературный язык. Другая часть — малочастотные или единичные слова (бионавт, гелионавт, времянавт, виртуанавт, спелеонавт, НЛО-навты, психонавт, робонавт и др.), это неологизмы и авторские окказионализмы. Все слова встречаются в текстах, написанных не ранее второй половины XX века, из них почти треть — в текстах после 2000 года, что может свидетельствовать о том, что образованы они по живой продуктивной модели.

Вернемся к звездочке и к иноязычным морфемам. Среди них есть близкие по значению, почти синонимичные, потому что пришли они в русский и другие европейские языки из разных источников: cynep- (от лат. super 'над, сверху') и zunep- (от греч. hyper 'над, сверх') соотвествуют русской приставке сверх-; контр- (от лат. contrā 'против') и анти- (от греч. anti 'против') соответствуют русскому противо-; аква- (от лат. aqua 'вода') и гидро- (от греч. hydōr 'вода') — первая часть сложных слов со значением 'относящийся к воде'; авиа- (от лат. avis 'птица') и аэро- (от греч. аēr 'воздух') — первая часть сложных слов со значением 'относящийся к авиации' и др. Интересно проверить, одинаково ли активны эти интернациональные элементы при образовании новых слов в современном русском языке, каким способам отдается предпочтение — с латинскими по происхождению компонентами, греческими или, может быть, их русскими эквивалентами?

Для этого проведем с помощью корпуса предварительное исследование: сравним частоту встречаемости существительных женского рода, оканчивающихся на *-ция* и *-ость*, с разными приставками: **гипер**- (например, гиперинфляция) и **супер**- (суперконцентрация), а также с русской приставкой **сверх**- (сверхцентрализация).

Строим запрос со звездочкой: на странице лексико-грамматическо-го поиска в поле «слово» записываем **гипер*ция**. С помощью минуса исключаем слово *гиперболизация*, в котором не выделяется приставка **гипер**-.

C. О. Савчук. Полезные функции в HKPЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента **S. O. Savchuk.** Useful Functions in Russian National Corpus: search by part of a word and search with the exclusion...

Лексико-грамматический поиск
Спово ? АБВ Грамм. признаки ? выбрать
гипер*чия -гиперболизацие

Доп. признаки ? выбрать Словообразование выбрать

Расстояние: от 1 до 1 ?

Вид 4 Закова каза комический поиск ?

Вид 5 закова каза комический поиск ?

Вид 5 закова комический поиск ?

Вид 6 закова

Рис. 4. Запрос для поиска слов, начинающихся на *гипер-* и оканчивающихся на *-ция*

Fig. 4. Search query for looking up words beginning with *giper-* and ending with *-tsiya*

Получаем в ответ около 250 примеров употребления слов заданной структуры.

- Апологеты долларового стандарта аргументируют его необходимость угрозой **гиперинфляции** и задачами привлечения иностранных инвестиций (Эксперт. 2014).
- Дыхательные практики, то есть **гипервентиляция** легких, также опасны (Знание сила. 2013).
- Методы лечения **гиперфункции** щитовидной железы зависят от вызвавшей её причины (Здоровье. 15.03.1999).
- В свою очередь эти проблемы тесно связаны с появлением и развитием новых полюсов экономического роста в России, уменьшением гиперцентрализации функций Москвы, организацией нового экономического пространства России с помощью метрополисов (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Самара, Новосибирск и др.) (Вопросы статистики. 2004).

Листаем страницы, не забывая просматривать таблицы внизу каждой страницы. Среди найденных слов есть весьма употребительные, встречающиеся по многу раз: гиперинфляция (75), гипервентиляция (59), гиперфункция (16). Есть менее употребительные: гиперкомпенсация (8), гиперпигментация (5), а есть совсем редкие: гиперурбанизация (1), гиперколонизация (1). Основная часть примеров — из научных, научно-популярных и публицистических текстов. Все слова книжные, часть из них — научные термины, но самые частотные уже преодолели барьер, отделяющий специальную лексику от общелитературного языка.

Теперь проверим приставочные образования от существительных на *-ость*. По запросу **гипер*ость** получаем меньше примеров — около 150 контекстов.

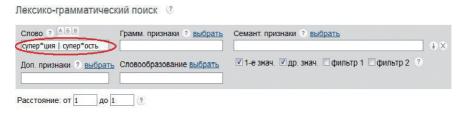
- Сейчас наблюдается рост детской расторможенности, гиперактивности, дефицита внимания, девиантного поведения (Однако. 2010).
- *Гиперлокальность* как в джойсовском Дублине давала Довлатову шанс добраться до основ (А. Генис. Довлатов и окрестности. 1998).

- В настоящем региональном исследовании выделяемые смежные регионы разделяются одной **гиперплоскостью** (Вопросы статистики. 18.11.2004).
- Реальность теперь больше, чем ее любая репрезентация, она гиперреальность, то, чему можно найти только сверхчувственный (виртуальный) эквивалент (В. Подорога. Событие и массмедиа. Некоторые подходы к проблеме. 2010).
- *А это влечет за собой гиперчувствительность* зубов, появление кариеса и кучу других проблем (Твой курс. 2004).

Среди найденных слов много высокочастотных: гиперчувствительность (31), гиперактивность (22), гиперплоскость (8), гиперреальность (7) и др. Слова с низкой частотностью относятся скорее не к специальной, а к книжной лексике: гиперфункциональность (3), гипервозбудимость (3), гиперлокальность (1), гипермобильность (1), гиперкритичность (1), гиперкультурность (1) и др.

В целом можно сказать, что с приставкой **гипер**- в современных текстах встречается много существительных женского рода со значением превышения предела, нормы, при этом большая часть из них относится к специальной лексике.

Проделаем ту же работу со словами, содержащими приставку **супер**. Можно объединить два запроса с помощью оператора «или», который обозначается вертикальной чертой: **супер*ция** | **супер*ость**.

Рис. 5. Запрос для поиска нескольких слов, начинающихся на $\mathit{cynep} ext{-}$ и оканчивающихся на $\mathit{-}\mathit{ция}$ или $\mathit{-}\mathit{ocmb}$

Fig. 5. Search query for looking up words beginning with super- and ending with -tsiya or -ost'

Как это ни удивительно, примеров с приставкой **супер**- гораздо меньше — чуть более 100 на обе словообразовательные модели (нам пришлось исключить многочисленные примеры со словом *суперпозиция*, поскольку в нем приставка не выделяется).

• Она, возможно, приблизит нас к ответу на вопрос о причинах суперротации венерианской атмосферы (Энергия: экономика, техника, экология. 1986).

- Он доминирует в скоростных дисциплинах, да и в суперкомбинации вполне конкурентоспособен (Эксперт. 2014).
- А кроме этого, именно к этому празднику «Clearasil» замутил **супер-акцию** для всех, у кого есть друзья! (Твой курс. 10.11.2004)
- Окский пищекомбинат за прошедший год выпустил четыре разновидности водки «Отдохни», сопровождая каждую суперпрезентацией (Рекламный мир. 15.02.2000).
- У него была классная реакция, просто **суперреакция** супербоксера, он просек все без нудных толкований (В. Синицына. Муза и генерал. 2002).
- Никто из полуголодных творцов и не помышлял, что их затягивают в суперпровокацию, высиженную вот именно в кабинете Килькичева (В. Аксенов. Таинственная страсть).
- Людям не хватает силы, отсюда популярность сюжета про **суперспо- собности** (П. Волошина, Е. Кульков. Маруся).
- И этот специфический запах просто удушал своей особой суперпроникновенностью и сногсшибаемостью! (Наука и жизнь. 2008)
- — Тетя Оля, это ваша дочь, сказал Гоша торжественно, как будто сообщал маме какую-то **суперновость** (М. Трауб. Плохая мать).
- На самом деле она вовсе не знала, а только лишь предполагала, что Людмила Панфилова в меру своей суперобщительности и суперкоммуникабельности должна хорошо знать девочку Вику из параллельного класса (М. Милованов. Естественный отбор).
- У остальных сотовая суперсвязь: идеальная слышимость в зоне прямой видимости. Все суперпрестижно, все на суперскоростях! Сверхбыстрый курс языка! (М. Мишин. Элитарный эксклюзив)
- Уж за 5 тыр это такая суперокупаемость, что много что прочее меркнет (Форум: Бесплатный проезд обойдется в 34,4 млрд. 2012).

Обращает на себя внимание то, что терминов среди существительных совсем немного: супергравитация (10), суперинфекция (5), суперротация (3), суперкомбинация (2), супераддитивность (1). Гораздо больше примеров использования этой приставки с широким кругом слов нетерминологического характера, в нейтральных и даже бытовых контекстах: суперцивилизация (7), суперкорпорация (6), суперакция (5), суперпрезентация (1), суперпровокация (1); суперспособность (8), суперновость (3), супербодрость (1), суперлюбознательность (1), супернадежность (1), суперкорость (1) и др.

Наше небольшое исследование по корпусу наводит на мысль о том, что существование двух приставок с близким значением не случайно. В языке нет ничего бесполезного и избыточного. Близкие по значению приставки гипер- и супер- как бы поделили сферы влияния: гипер- преобла-

Russian Speech No. 01 | 2019

Russian National Corpus

дает в научных текстах, по большей части она входит в состав терминов, а приставка *супер*-, сочетаясь как с иноязычными, так и с русскими корнями, активно проявляет себя в других сферах речи— в художественной литературе, в публицистике, бытовой речи, рекламе.

Разумеется, все это только первые наблюдения над материалом. Чтобы убедиться в правильности нашего предположения, потребуется еще много работы: нужно расширить материал, включив в него слова другой словообразовательной структуры (такие, как гипертекст, гиперпространство, суперорганизм, супертопливо), тщательно проанализировать контексты с семантической и стилистической точек зрения, обратиться к словарям. И корпус окажет в этом неоценимую помощь.

А как ведет себя в тех же условиях близкая по значению русская приставка **сверх**-? Попробуйте самостоятельно выяснить это с помощью корпуса, сформулировав запросы таким образом, как это было показано в нашей заметке. Просматривать результаты выдачи удобно в формате KWIC (Key Word in Context, 'ключевое слово в контекстном окружении'— наиболее распространенный формат представления конкордансов), подробнее об этом мы расскажем в одном из наших следующих очерков.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Studiorum. Образовательный портал Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://studiorum-ruscorpora.ru

Russian Speech

C./Pp.109-115

В помощь изучающим русский язык

Как определять однокоренные слова?

Борис Леонидович Иомдин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), iomdin@ruslang.ru

DOI: 10.31857/S013161170003980-7

аннотация: В начальной школе однокоренные слова определяют как «близкие по смыслу слова, имеющие общую часть, в которой заключено общее лексическое значение». При этом понятие общего значения обычно никак специально не уточняется. На практике принадлежность слов к одному корню чаще всего определяется при помощи критерия Винокура, требующего построения словообразовательной цепочки. Результаты применения этого критерия часто приводят к тому, что слова, имеющие общее происхождение, вопреки интуиции носителей языка признаются не однокоренными (ср. поезд и ездить, престол и столица, запасной и припасы). В статье анализируются данные словарей и результаты опросов носителей и предлагается внедрение в начальной школе более гибкого подхода, позволяющего при оценивании заданий на выделение корня слова считать правильными не только решения, основанные на строго синхронном подходе, но и решения, основанные на историческом подходе, при условии наличия смысловой близости между словами. Первое говорит об умении видеть языковую структуру, второе — о развитой языковой интуиции, часто облегчающей запоминание правильного написания слов.

ключевые слова: корень слова, однокоренные слова, словообразование, критерий Винокура, синхрония и диахрония, русский язык в школе для цитирования: Иомдин Б. Л. Как определять однокоренные слова? // Русская речь. 2019. № 1. С. 109–115. DOI: 10.31857/S013161170003980-7

Learning Russian

Learning Russian

How to Define Words with the Same Root?

Boris L. Iomdin, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow), iomdin@ruslang.ru

ABSTRACT: In elementary school, words with the same root are defined as having "a common part with a common meaning." At the same time, what exactly is meant by this common meaning is not usually specified. In practice, whether words have the same root is most often determined in Russian schools by the so-called Vinokur criterion, which requires reconstructing a derivational chain. As a result of using this criterion, cognate words of the same origin, in contradiction to what the intuition of native speakers suggests, are not recognized as having the same root, like *poezd* and *ezdit*' ('train' and 'to ride'), prestol and stolitsa ('throne' and 'capital'), zapasnoj and pripasy ('spare' and 'supplies'). The article analyses information from dictionaries and also from survey findings with data gathered from native speakers. It suggests introducing a more flexible approach in elementary schools, which allows reasoning based not only on a strictly synchronic approach, but also on a diachronic approach, provided that semantic similarity between the words in question is evident. The first approach shows the student's ability to identify language structure, while the second one demonstrates their developed language intuition, which often makes it easier to learn the correct spelling of words.

KEYWORDS: root of a word, cognates, word formation, Vinokur criterion, synchrony and diachrony, Russian language at school

FOR CITATION: Iomdin B. L. How to Define Words with the Same Root? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 109–115. DOI: 10.31857/S013161170003980-7

учебнике по русскому языку для второго класса говорится: «Вдумайтесь в значение слова родственники. Кого так называют? А знаете ли вы родственников из своего рода? Можете ли составить свою родословную: кем был твой дед, прадед? Спросите об этом своих родителей и родных. <...> В русском языке тоже есть слова-«родственники», родственные слова. Они близки по смыслу, имеют общую (одинаковую) часть, в которой заключено общее лексическое значение всех родственных слов. <...> Общая часть родственных слов называется корнем, поэтому родственные слова называются однокоренными. Корень слова — это самая главная часть в слове. В ней заключено общее лексическое значение всех однокоренных слов» [Канакина, Горецкий 2017: 58–61]. Как мы видим, с самого начала однокоренные слова сравнивают с родственниками, связанными общим происхождением. Однако в отличие от людей, которые не перестают быть родственниками, даже если больше не общаются или вообще не знакомы друг с другом, слова нередко теряют родство.

В учебнике для третьего класса тех же авторов приводится список однокоренных слов с выделенными корнями. Например, в словах дарить, дар, дарёный, подарить выделен корень -дар-; в словах красный, краснота, красненький, краснеть — корень -красн-; в словах рябина, рябинка, рябинушка, рябинник, рябиновый — корень -рябин-. При этом в школьном этимологическом словаре [Шанский, Боброва 2004] приводятся такие сведения:

«Дар. Общеслав. Суф. производное (суф. -p-, ср. греч. dorōn, арм. tut, жир, пир и т. д.) от дати. См. дать.

Красный. Общеслав. Суф. производное от *краса*. Первоначально — «красивый, хороший». Соврем. значение в памятниках отмечается с начала XVI в.

Рябина. Обычно объясняется как суф. производное от общеслав. *erębъ «бурый» (ср. укр. орябина, польск. jarzbina, словацк. jarabý «бурый» и т. д.), того же корня, что рябой, рябчик. Рябина получила свое имя, очевидно, по цвету ягод (ср. калина)».

Таким образом, слова *дар* и *дать*, красный и краса, рябина и рябой имеют общее происхождение, восходят к одному корню, и их общая часть меньше, чем выделенный в учебнике корень: *-да-*, *-крас-*, *-ряб-*. Почему же в учебнике эти слова не считаются однокоренными? Очевидно, потому, что они не близки по смыслу. Но как померить эту близость? Для этого есть два способа.

Первый — интуитивный: ощущают ли носители языка связь между словами? Этот способ субъективен: одни легко найдут смысловую связь

Russian Speech No. 01 | 2019

Learning Russian

между давать и дарить, другие её не увидят; кто-то связывает *Красную площадь* и *красну девицу* с *красными яблоками* и *красными щеками*, а кто-то видит здесь омонимы; одни сопоставят по цвету *рябину* и *рябого*, а другие нет.

Поэтому в школе часто применяется второй способ, более объективный: надо построить словообразовательную цепочку. Можно ли истолковать слово ∂ap через другое слово с корнем - ∂a - (без p), слово kpachый через слово с корнем -крас- (без н), слово рябина — через слово с корнем *-ряб-* (без *ин*)? Такая проверка в лингвистике часто называется критерием Винокура (языковед Г.О.Винокур в 1946 году писал: «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [Винокур 1946: 317]). Действительно, будем ли мы использовать в толковании слова красный идею красоты, а в толковании слова рябина — идею рябой окраски? По-видимому, нет. Вот как толкуется в «Большом толковом словаре» слово *красный* (в первом значении): 'Имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови' — упоминания красоты нет (хотя есть упоминание окраски). В том же словаре в толковании слова рябина также нет слова рябой: 'Дерево сем. розоцветных, с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок'.

Правда, толкования слов дар и дарить содержат в себе глагол давать: дар 'то, что даётся совершенно безвозмездно; подарок, подношение'; дарить 'давать в качестве подарка, отдавать безвозмездно'. Чтобы обосновать выделение в этих словах корня -дар-, а не -да-, понадобится еще один аргумент. Выделяя в слове дар корень -да-, пришлось бы выделить и суффикс -p- и приписать ему какое-то значение (морфем, не имеющих значения, не существует: морфема — по определению минимальная значимая языковая единица). Но в современном русском языке нет суффикса -p-, так что слово дар нельзя считать образованным от слова дать. При этом исторически слово дар действительно образовано еще в праславянском языке от глагола дати при помощи суффикса -p-, но в современном русском языке почти не осталось слов с этим древним суффиксом (можно еще привести слова пир и жир, восходящие к глаголам пити и жити) и значение его утрачено.

Таким образом, для того чтобы выделить корень в слове, часто недостаточно использовать интуицию. Необходимо найти похожие слова, оценить их смысловую близость, составить их толкования и построить словообразовательную цепочку, зная существующие способы словообразования и умея выделить морфемы, для чего понадобится отличить продуктивные, действующие в языке способы от уже не действующих. В начальной школе это может оказаться слишком сложным заданием. Поэтому предполага-

ется использование словаря, в котором явно указаны корни и другие значимые части слова.

В школе обычно используются словари авторства А. Н. Тихонова, например «Морфемно-орфографический словарь русского языка» [Тихонов 2002], «Новый словообразовательный словарь русского языка» [Тихонов 2014]. Однако данные этих словарей часто расходятся. Так, в слове воробей выделяется либо корень -вороб-, либо корень -воробей-; в слове фермерский выделяется либо корень -ферм-, либо корень -фермер-; в слове утка выделяется либо корень -ут-, либо корень -утк-; в слове замечательный выделяется либо корень -замеч-, либо корень -замечательн-.

Эти колебания понятны. Фрагменту ей в слове воробей трудно приписать отдельное значение, однако если выделять корень -воробей-, то слова воробей и воробушек окажутся не однокоренными (если не вводить понятие усечения корня, о котором в начальной школе не говорится). Суффикса -ер- со значением деятеля не было в русском языке, и слова фермер и ферма считаются заимствованными независимо друг от друга, но называть их не однокоренными значит отрицать наличие у них близкого смысла и общей части. Для слова утка не получается построить словообразовательную цепочку от слова без к (потому что древнерусское название этой птицы уты исчезло из русского языка), но если выделять корень -утк-, окажутся не однокоренными слова утка и утиный. Слово замечательный в современном языке не означает 'тот, который замечают' (в отличие от слов типа нюхательный 'тот, который нюхают', где однозначно выделяется тот же корень, что в слове нюхать).

Отметим, что интуиция носителей во всех этих случаях требует выделять более короткий корень: слова воробей и воробушек считают однокоренными 95,8% опрошенных, слова фермерский и ферма — 92,6%, слова уточка и утиный — 90,6%, слова замечательный и заметка — 67,5%. Такие же решения во всех этих случаях приняты в «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой [Кузнецова, Ефремова 1986], ср. также [Кретов 2016].

Более того, даже в тех случаях, когда рекомендации словарей совпадают, они часто не соответствуют интуиции говорящих. Так, в слове *столица* словари выделяют корень -*столиц*-, однако 79,8% опрошенных носителей сочли однокоренными слова *столица* и *престол*; в слове *поезд* не выделяется приставка, однако 80,3% опрошенных сочли однокоренными слова *поезд* и *ездить*; в слове *запасной* словообразовательные словари указывают корень -*запас*-, однако 83,8% опрошенных сочли однокоренными слова *запасной* и *припасы*.

При этом интуиция носителей не всегда основывается только на внешней близости и некотором сходстве смыслов. Так, родственные слова

Learning Russian

совок и совать (ср. каток от катать, скребок от скрести) сочли однокоренными 35,1% опрошенных; слова масло и мазать, также исторически родственные (схожим образом связаны слова весло и везти, число и читать) — только 19,9% опрошенных. Дело в том, что образование новых слов и изменение их значений — непрерывный процесс. Связи между родственными словами могут ослабляться и постепенно исчезать, особенно если разрушается тот фрагмент словообразовательной системы, в котором они были явными (как перестали функционировать древние суффиксы -p- и -сл-). Поэтому лингвисты противопоставляют синхронное словообразование (опирающееся на актуальные значения слов и действующие модели) диахроническому, учитывающему историю языка.

Изучение этих процессов важно и интересно для лингвистов, но для начальной школы это слишком сложная тема. Младшие школьники определяют, однокоренные слова или нет, прежде всего для того, чтобы правильно подобрать проверочное слово. Для этой цели более свободный подход к выделению корней может оказаться более полезным. Если не видеть в словах запасной и замечательный приставку за-, придётся специально запоминать, что первый гласный в них а, а не о. Если не связывать слово замечательный со словом заметить, то в нём нельзя проверить и второй гласный. Слово воробей можно проверить словом воробушек, слово совок — словом засовывать, слово столица — словом стольный, слово поезд — словом е́здить, только если считать слова в этих парах однокоренными.

Поэтому при оценивании заданий на выделение корня слова предлагается использовать гибкий подход: считать правильными и решения, основанные на строго синхронном подходе (когда выделяются только те корни, для которых можно построить словообразовательную цепочку в современном русском языке), и решения, основанные на историческом подходе, если явно ощущается смысловая близость между словами. Первое говорит об умении школьника видеть языковую структуру, второе — о развитой языковой интуиции, позволяющей лучше объяснить внешний облик слова.

Литература

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1946. Т. V, вып. 4. С. 317.

Канакина В. П., Горецкий В. Г. Русский язык. 2 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. Часть 1. 7-е изд. М.: Просвещение, 2017. 144 с.

- Кретов А.А. О так называемом «критерии Г. О. Винокура» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016 (№3). С. 150–154.
- *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- *Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф.* Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1135 с.
- Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М.: АСТ, 2002. 704 с. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.
- *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 400 с.

References

- Vinokur G. O. Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian word formation]. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1946, vol. V, issue 4, p. 317, (In Russ.)
- Kanakina V. P., Goretski V. G. *Russkiy yazyk. 2 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsyi. Ch. 1.7 izd.* [The Russian language. 2nd form. Textbook for educational organizations. Part 1, 7th ed.], Moscow, Prosveshchenie Publ, 2017. 144 p.
- Kretov A. A. [About so-called Vinokur criterion]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016 (№ 3). Pp. 150-154.
- Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Spravochnoye izdaniye* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. Book of reference]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Kuznetsova A. I., Efremova T. F. *Slovar' morfem russkogo yazyka* [Dictionary of morphemes of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 1135 p.
- Tikhonov A. N. *Morfemno-orfograficheskiy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of morphemes and spelling of the Russian language]. Moscow, AST Publ., 2002. 704 p.
- Tikhonov A. N. *Novyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym* [New dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate]. Moscow, AST Publ., 2014. 639 p.
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov.* [Etymological dictionary of the Russian language for schools. The origin of the words]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 400 p.

C./ Pp. 116-120

Книжные новинки

К выходу курса лекций М. В. Панова «Язык русской поэзии XVIII–XX веков»

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003981-8

аннотация: Вышла из печати книга Михаила Викторовича Панова «Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций». На основе имеющихся аудиозаписей и конспектов воссозданы тексты лекций, прочитанных М. В. Пановым на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, которые стали одним из наиболее ярких культурных событий 70–80-х годов XX века. В центре внимания автора — лингвистически осознанное движение русского стиха. Панов стремился описывать художественный мир каждого поэта в рамках единой схемы: звуковой (фонетический и метрический) ярус — словесный ярус — образный ярус. Через движение материала внутри этой схемы Панов показывал диалектику развития поэтического языка, находя емкие и образные формулы описания, знакомя слушателей с редкими текстами и именами.

ключевые слова: история языка русской поэзии, лингвистический анализ текста

для цитирования: Каленчук М. Л. К выходу курса лекций М. В. Панова «Язык русской поэзии XVIII–XX веков» // Русская речь. 2019. № 1. С. 116–120. DOI: 10.31857/S013161170003981–8.

Book News

To the issuance of the course of lectures by M. V. Panov "The Language of Russian Poetry of the XVIII–XX Centuries"

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: The book by Mikhail Viktorovich Panov "The Language of Russian poetry of the XVIII–XX centuries: a course of lectures" was published. The texts of lectures given by M. V. Panov at the philological faculty of Moscow state University M. V. Lomonosov became available. These lectures were one of the most striking cultural events of the 70s–80s of the twentieth century. The author focuses on the linguistically conscious movement of the Russian verse. Panov sought to describe the artistic world of each poet within a single scheme: sound (phonetic and metric) — verbal level — figurative level. Through the movement of the material within this scheme gentry showed the dialectic development of the poetic language, finding a capacious and imaginative formulas of the description, acquainting students with a few texts and names.

KEYWORDS: history of the language of Russian poetry, linguistic analysis of the

FOR CITATION: Kalenchuk M. L. To the issuance of the course of lectures by M. V. Panov "The Language of Russian Poetry of the XVIII–XX Centuries". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 1. Pp. 116–120. DOI: 10.31857/S013161170003981-8.

здательство «Языки славянской культуры» выпустило курс лекций М. В. Панова¹, посвященный описанию языка русской поэзии XVIII— XX веков. В истории лингвистики уже бывали случаи, когда после смерти автора материалы прочитанного им курса публиковались на основе конспектов слушателей (к примеру, знаменитый «Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра). В наше время, помимо конспектов, есть и еще один источник информации, значимость которого трудно переоценить, — аудиозаписи лекций М. В. Панова. Эти записи дают возможность не только содержательно восстановить текст лекций, но и услышать эти лекции в реальном исполнении автора, услышать его живой голос, для чего к книге прилагается аудиодиск.

В фонотеке отдела фонетики Института русского языка сохранились следующие аудиозаписи лекций курса М. В. Панова 1977–1983 годов:

1977. «Русская поэзия XX века»: Символизм. Андрей Белый. Акмеизм. Анненский. М. Кузмин. А. Ахматова. О. Мандельштам. Футуристы.

1978. Анненский. Хлебников. Маяковский. Цветаева. Есенин. Заболоцкий. Смоленская школа (Твардовский). Вознесенский.

1979. «Русская поэзия XIX века»: Карамзин. Батюшков. Пушкин. Баратынский. Тютчев.

1983. «Русская поэзия XVIII века»: Ломоносов. Державин.

Многие из тех, кто посещал лекции, писали конспекты, и часть этих текстов перекрывает те годы, за которые, к сожалению, нет аудиозаписей.

Вот уже более пятнадцати лет с нами нет Михаила Викторовича Панова — одного из самых ярких и самобытных филологов XX века, ученого с широчайшим диапазоном научных интересов, удивительным умением увидеть в привычном новое, повернуть любой факт языка неожиданной стороной, связать внешне несвязываемое, увидеть в похожем разное, а в разнородном единое, умевшего со вкусом выстроить собственную лингвистическую вселенную, устроенную хоть и прихотливо, но закономерно. М. В. Панов обладал абсолютной свободой мыслителя, неподвластного авторитетам, правителям и моде. Всегда и во всем Михаил Викторович позволял себе быть только самим собой, жил и творил по пастернаковскому принципу — «ни единой долькой не отступаться от лица».

Михаил Викторович оставил большое научное наследие — монографии, статьи, учебники разного уровня, энциклопедии и др. Достаточно прочесть один абзац любого его текста, чтобы угадать автора. Его стиль

 $^{^1\,}$ М. В. Панов. Язык русской поэзии XVIII—XX веков: Курс лекций. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 584 с. ISBN 978-5-94457-312-4.

уникален — вне зависимости от того, адресована ли работа профессионалу-лингвисту или школьнику и студенту — они написаны ясно, логично, весело. Самый серьезный текст может быть иллюстрирован шуточными примерами или необычной метафорой, демонстрирующей языковое явление.

Панов оставил нам не только письменное наследие, но и устное. В течение многих лет он читал лекции на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, которые стали одним из наиболее ярких культурных событий 70–80-х годов XX века. Казалось бы, лекции для студентов по фонетике русского языка, спецкурсы по позиционной морфологии и позиционному синтаксису, курс «Язык», а также цикл лекций по истории языка русской поэзии следовало бы в первую очередь расценивать как чисто академическое явление. Но лекции Панова всегда представляли собой нечто большее, они являлись уникальным событием в жизни интеллигенции того времени. Естественно, что студенты рвались на эти лекции. Но вместе с ними задолго до начала, в ожидании, когда закончится предыдущая пара, каждую субботу известнейшие ученые, преподаватели и аспиранты различных вузов (иногда приезжавшие в Москву по субботам специально) занимали очередь под дверью лекционной аудитории.

Стоит отметить, что на лекции Панова стремились не только филологи, но и люди совершенно разных интересов, профессий и возрастов. Как писал В. А. Новиков, «на лекции Панова ходили с тем же тревожнорадостным чувством, с каким открывали свежий номер "Нового мира", или слушали песни Окуджавы и Высоцкого, или стремились попасть на поэтический вечер либо на премьеру в "Современник"».

С 1977 года М. В. Панов начинает читать курс лекций, посвященных изучению языка русской поэзии XVIII—XX веков. Этот курс был рассчитан на три года, а затем Михаил Викторович начинал новое трехлетие, оттачивая и структуру, и содержание лекций. В разные годы курс назывался по-разному — «Язык русской поэзии XVIII—XX веков», «История языка русской поэзии», «Язык лирики XIX века» и «Язык лирики XX века». М. В. Панов говорил: «Я хочу закончить работу, которой занимаюсь всю

жизнь, а именно написать историю русской поэзии как чистое движение эстетических форм. Как не политика движет поэтом, не религия, не медицина, не там то-сё, не физкультура, не экономика, а переживание — эстетическое переживание искусства, именно поэзии». В центре внимания Михаила Викторовича — лингвистически осознанное движение русского стиха. Панов стремился описывать художественный мир каждого поэта в рамках единой схемы: звуковой (фонетический и метрический) ярус словесный ярус — образный ярус. Через движение материала внутри этой схемы Панов показывал диалектику развития поэтического языка, находя емкие и образные формулы описания, знакомя слушателей с редкими текстами и именами. Обычно он начинал с Ломоносова и заканчивал Вознесенским. При этом детальность проработанности отдельных тем и имен была различна и изменчива в каждое из трехлетий. Одним авторам посвящено по нескольку лекций (например, М. В. Ломоносову, В. Хлебникову, М. Кузмину, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернаку и др.), другим — всего по одной (скажем, Ф. И. Тютчеву, С. Есенину, А. Вознесенскому и др.). В отдельных случаях материал лекции освещает особенности поэтического языка целого направления (символизм, акмеизм).

М. В. Панов был наследником традиций русского формализма — Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума. Но в опоязовскую традицию Панов вносит собственное видение, выводит ее на новый уровень, соединяя формальный анализ с эстетическим, выступая не просто исследователем поэтического языка, а по сути — историком русской поэзии.

Все последние годы жизни Михаил Викторович готовил к изданию фундаментальный труд по истории языка русской поэзии, который и по объему, и по степени разработанности деталей и охвату материала был намного шире прочитанных лекций. Он постоянно правил текст, добиваясь содержательной ясности и глубины изложения; чтобы каждая фраза и каждое слово отвечали пановскому чувству стиля — легкого, ироничного, узнаваемого. После смерти ученого рукопись пропала, поиски не дали результата, и мы не знаем судьбы этой уникальной работы.

Хочется верить, что «рукописи не горят» и замечательный труд Панова по истории языка русской поэзии будет когда-нибудь найден и издан.

В данном издании, созданном на основе имеющихся аудиозаписей и конспектов лекций, конечно, содержится только малая часть того, что мы прочли бы в книге Михаила Викторовича, но все же замечательно, что она увидела свет и дает возможность всем любящим русский язык и русскую поэзию вчитываться в расшифровку аудиозаписей, вслушиваться в звучание голоса Панова и получать то интеллектуальное и эстетическое удовольствие, которое мы испытывали на его лекциях.

Russian Speech

C./ Pp. 121-128

Наука в лицах

История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский

Ирина Ильинична Фужерон, почетный профессор Французского университета (Париж, Франция), i.fougeron@orange.fr

DOI: 10.31857/S013161170003982-9

сть люди странной и нелегкой судьбы. Одним из таких людей был и Сергей Иосифович Карцевский. Сегодня это известный языковед первой половины XX века, но в 20–50-е годы прошлого века его имя было известно лишь в самых узких лингвистических кругах.

С. И. Карцевский родился в Тобольске 9 сентября (28 августа) 1884 года. В 1903 году он получил диплом учителя и был направлен на работу в школу в село Нахрачи (сегодня поселок Кондинское), где проработал два года. Затем он переехал в Нижний Новгород, где работал в городской библиотеке, для которой даже создал первый книжный каталог. Чуть позднее С. И. Карцевский вступил в партию эсэров, а в 1906 году был арестован за революционную деятельность. Через год ему удалось бежать из тюрьмы, и он уезжает за границу, в Женеву, где поступает в университет и посещает лекции ведущих лингвистов того времени: Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сеше.

В эти годы параллельно с занятиями лингвистикой он пробует себя на литературном поприще. В 1910 году М. Горький публикует в журнале «Сборник товарищества "Знание"» его рассказ «Ямкарка».

В марте 1917 года Карцевский возвращается в Москву, где принимает участие в работе Московского лингвистического кружка. На мартовском заседании 1918 года он делает доклад, посвященный работе «Система русского глагола». В протоколе заседания сказано, что «доклад представляет из себя резюме некоторых глав работы докладчика на француз-

ском языке». «Система русского глагола» получает высокую оценку ведущих русских ученых — А. М. Пешковского, Н. Н. Дурново, Ф. И. Буслаева, Д. Н. Ушакова (который отметил, что это опыт истинно лингвистического изучения морфологии, и если не первый, то один из первых опытов статического изучения (изучения одного периода в жизни языка)). Доклад и его обсуждение — один из этапов работы Карцевского над докторской диссертацией, которую ему предстоит защищать в Женеве, так как в 1920 году Карцевский окончательно уезжает из Советского Союза.

При помощи французского языковеда Антуана Мейе, с которым Карцевский познакомился на заседаниях Московского лингвистического кружка, он получает место преподавателя русского языка во Франции в Страсбурге. Карцевский внимательно следит за событиями в России. В 1921–1922 годах в русской парижской прессе опубликованы две его статьи об изменениях в русском языке под влиянием социально-политических событий начала века¹.

В 1923 году Карцевский переезжает в Прагу. Его научная работа неотделима от преподавания. Издательское дело было также одним из занятий Карцевского. В Праге он организовал выпуск журнала «Русская школа за рубежом», где публиковал на русском языке статьи как методологического, так и лингвистического плана, рецензии на эти статьи, на учебники по языку. Как он писал Н. А. Рубакину², подбор статей, их редактирование занимали много времени, но все, что было связано с преподаванием, стало для Карцевского крайне важно. Журнал просуществовал шесть лет и пользовался успехом в русских школах за рубежом.

В Праге Карцевский встречает Р. О. Якобсона, которого уже знал по Московскому кружку, знакомится с Н. С. Трубецким, с В. Матезиусом; по предложению последнего все четверо подписывают манифест, легший

¹ См. нашу публикацию: «Русская речь», 1999, № 2. С. 30–38.

² Н.А. Рубакин (1862–1946) — писатель, просветитель, известный библиограф, автор работ по библиопсихологии, науке об отношениях знатока книг с читающей публикой, о социальном и психологическом воздействии книги. Он родился в окрестностях Ораниенбаума. В 1875 г. его мать покупает на 200 рублей 600 книг и открывает библиотеку в Петербурге. Н. А. Рубакин расширяет эту библиотеку, пишет работу «Среди книг», а в 1895 г. публикует «Этюды о русской читающей публике».

В 1907 г. Рубакин, член партии эсеров, чтобы избежать ареста, покидает Россию как политический эмигрант. Перед отъездом передает свою библиотеку (30 000 томов) Петербургской лиге образования. С 1922 г. он живет в Лозанне, где основывает Международный институт библиопсихологии, открывает библиотеку и ведет активную деятельность по покупке, обмену, высылке книг во временное пользование. Благодаря этой деятельности у Рубакина возникают прочные связи со странами Европы, с Америкой и с Советским Союзом. Свою вторую библиотеку (100 000 томов) и архив Рубакин завещал Государственной библиотеке им. Ленина (где теперь существует богатый Рубакинский фонд).

Карцевский широко использует в своей преподавательской и научной работе возможность получать книги из библиотеки Рубакина. На этой почве между Карцевским и Рубакиным устанавливаются тесные, дружеские отношения.

в основу создания Пражского лингвистического кружка, идеи которого в значительной мере определили направление развития языкознания в XX веке.

В 1925 году в Праге выходит «Грамматика» Карцевского, которую сам автор в письме французскому лингвисту Шарлю Балли (от 7.08.1923) определяет «не столько как грамматику в обычном смысле этого слова, а скорее как вступление в изучение языка». В предисловии к этой работе А. М. Пешковский отмечает «глубокую продуманность содержания, доведенную до изящества строгость и цельность проводимой системы». Основные идеи «Грамматики» легли в основу «Повторительного курса русского языка», издан-

С. И. Карцевский с семьей (Прага, 1930-е гг.)

Sergey I. Kartsevsky with family (Prague, 1930s)

ного в 1928 году в Москве. Цель его, по словам автора, во-первых, «познакомить с механизмом языка» и, во-вторых, показать, что язык «есть социальное установление». «Одной из особенностей книги, — пишет Карцевский в предисловии, — является то обстоятельство, что глава о звуках находится на самом конце: к изучению звуков переходят после изучения грамматики. <...> В изучении именно родного языка необходимо идти натуральным путем, т. е. от смысловых единиц к звукам, а не обратно... от лексики к семантике, потом к грамматике и, наконец, к физиологии» (т. е. к образованию звуков). Несмотря на то, что обе книги разошлись сразу, ни Карцевский, ни его советские коллеги не смогли добиться переиздания «Повторительного курса»: Карцевский — эмигрант...

Выходом «Повторительного курса» заканчивается первый (русский — он пишет в основном на русском языке) этап деятельности Карцевского. В 1927 году при Женевском университете Карцевский защищает докторскую диссертацию «Система русского глагола», которая в том же году выходит отдельной книгой. Во вводной главе Сергей Иосифович Карцевский излагает свои взгляды на язык как систему и раскрывает основные принципы лингвистического анализа.

После защиты Карцевский получает место приват-доцента в Университете Женевы и переезжает туда.

В Женеве Карцевский ведет занятия по русскому языку и по литературе. Жалование приват-доцента заставляет его постоянно искать зара-

боток. Н. А. Рубакин помогает организовать для С. И. Карцевского в Лозанне цикл лекций о русских писателях.

Карцевский создает в Женеве школу переводчиков, для студентов которой пишет пособия по русскому языку. Он же является инициатором, создателем и первым вице-председателем Женевского лингвистического общества.

До конца жизни С. И. Карцевский остается привязан к России и ее культуре, возглавляет женевское отделение советских граждан за границей. В 1947 году Карцевский подает просьбу о выдаче ему визы для возвращения в Советский Союз. Его просьба осталась без ответа.

Умер Карцевский 7 ноября 1955 года.

Вот и вся на поверхности несложная биография этого человека. Имя его в советское время было вычеркнуто из официальной истории русской науки лишь потому, что он был эмигрант, а на западе не получило большого резонанса, так как свою научную работу он связал главным образом с анализом русского языка, а для выражения собственных идей выбрал французский, язык Пражского лингвистического кружка.

Опубликованное лингвистическое наследие Карцевского не велико: две монографии «Повторительный курс русского языка» и «Система русского глагола» и около 40 статей и критических отзывов. Но какому бы вопросу ни была посвящена та или иная статья, этот вопрос всегда рассматривается в свете общего языкознания. Лингвистическое наследие Сергея Иосифовича Карцевского главным образом представлено работами на русском и французском языках.

Карцевский — ученый, работавший как бы «по спирали»: затронув одну тему, он неоднократно возвращается к ней, всякий раз углубляя ее. Рассматривая язык как систему, Карцевский не оставляет в стороне ни одного из его разделов. Вопросы синтаксиса и интонации вызывали особый интерес ученого. Этим проблемам посвящены исследования Карцевского 30–40-х годов XX века (написанные на французском языке).

Новой публикации работ С. И. Карцевского помог случай. Однажды в языковедческой среде я услышала оброненную фразу о существовании архива Карцевского. Мне это имя стало известно с середины 70-х годов, когда, работая над докторской диссертацией, я прочитала статью «О фонологии фразы». Статья была так интересна, что захотелось побольше узнать об авторе и познакомиться с другими его работами. Это оказалось нелегкой задачей. После выхода в 1956 году сборника статей Карцевского, посвященного его памяти³, работы ученого не переиздавались. Ранее

³ Cahiers Ferdinand de Saussure. Vol. XIV. Genève, 1956.

изданные работы находились в разных сборниках и очень редко фигурировали в каталогах. Понятно, что при таком положении дел известие об архиве вызвало живой интерес. Я узнала, что в 1957 году, следуя воле Карцевского, его сын и жена привезли его прах в Москву. Они передали в Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН часть архива Карцевского — рукописи на французском языке. Благодаря помощи Александра Михайловича Молдована, в то время директора, и Розалии Францевны Касаткиной, тогда заведующей фонетической лабораторией в Институте русского языка, я смогла ознакомиться с архивом. По окончании работы по систематизации архива стало ясно, что перед нами научная «Грамматика русского языка», написанная для французов. Это была, как сказал Р. О. Якобсон, «работа всей жизни» Карцевского. Он ее не закончил. Кроме того, в ряде мест не хватало страниц, как это часто бывает с архивными материалами. И все-таки это была великолепная находка. Здесь же находились рукописи нескольких неизданных статей и варианты уже опубликованных. Эти варианты иногда так отличались от изданного, что выглядели как отдельные статьи. На основе архивных материалов и давно изданных (и потому труднодоступных) статей было решено издать лингвистическое наследие Карцевского.

С 2000 по 2004 годы вышло четыре сборника работ Карцевского. Два вышли в Москве, в издательстве «Языки русской культуры»: С. И. Карцевский «Из лингвистического наследия» — работы, написанные по-русски, и «Из лингвистического наследия. II» — перевод работ, написанных по-французски. В Париже вышел сборник статей (с широким привлечением архивных материалов) «Inédits et introuvables» («Неизданное и труднодоступное»), а Парижским институтом славяноведения была переиздана книга «Система русского глагола» (с использованием архивных материалов).

Если ознакомление с архивом и издание книг принесли немалое удовлетворение, то один вопрос оставался без ответа: где же могут быть другие материалы ученого? В частности, написанные по-русски?

С 1927 года до конца жизни ученый жил в Женеве. Резонно было думать, что его архив остался там у семьи. В момент моей работы над архивом в Институте русского языка я неоднократно разговаривала по телефону с сыном Карцевского, Игорем Сергеевичем. Он прислал мне несколько фотографий и страницу рукописи отца, озаглавленную «Среди вогул». К сожалению, И. С. Карцевский прислал только эту страницу. Текст был написан по-русски аккуратным почерком Карцевского. Это подтверждало предположение о том, что материалы на русском языке находятся в Женеве.

В августе 2012 года стало известно о кончине И. С. Карцевского. Все оставшиеся документы и фотографии семья передала в Административный и персональный архив Женевского университета. В феврале

2015 года стало возможно ознакомиться с ним. Архив ученого показывает, что Карцевский был человек широкого кругозора. Он живо откликался на события своего времени. Так, приехав в Нахрачи, край вогул и остяков, он сразу заинтересовался социальным и экономическим положением местного населения. Результатом явилась находящаяся в архиве рукопись «Среди вогул». Это рассказ об отношениях вогул и остяков с русскими купцами. В начале девятисотых годов во время первого периода эмиграции, параллельно с лингвистическими исследованиями, Карцевский пробует себя и на литературном поприще. В архиве ученого удалось найти его литературные опыты. Большинство рассказов Карцевского носит биографически-мемуарный характер, они отражают ранний жизненный опыт автора: это и впечатления молодого учителя от первых дней его пребывания в незнакомом селе, от контакта с «хозяевами» «Село Туман»); и короткий эпизод из партийного прошлого автора; воспоминания о приезде в родные края; рождественская сказка, заметки корреспондента газеты о Финской войне. В 1910 и 1911 годах в России были опубликованы два его рассказа: «Ямкарка» (Горький напечатал его в своем сборнике «Знание» XXXI) и «Колька» (рассказ получил премию на литературном конкурсе газеты «Биржевые ведомости»). Эти ранние литературные опыты ученого-лингвиста вошли в изданную в 2018 году книгу «Из прошлого, из далекого»⁴.

Несомненный интерес представляют хранящиеся в архиве письма Карцевскому от других ученых-языковедов, в частности от Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого, с которыми Карцевского связывали долгие годы дружбы и совместной работы. Эти письма проливают свет не только на научную жизнь того времени, но и на те заботы и трудности, которые приходилось преодолевать русским людям за рубежом. Сейчас в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН готовится публикация этих писем.

Изучение наследия С. И. Карцевского ждет своего продолжения.

Из прошлого, из далекого

(отрывок из книги)

Взяв удилище на плечо, а котелок для рыбы в правую руку, я наконец снялся со своего места и побрел прочь от озера, углубляясь в гущу тальника. Под ногами у меня змеилась тропинка, делая неожиданные извивы⁵ то вправо, то влево. С обеих сторон обступали густые заросли тальника. Осторожно раздвигая ветви и отстраняя их от лица, я неторопливо продвигался вперед, то

 $^{^4\,}$ С. И. Карцевский. Из прошлого, из далекого. Москва, Ridero, 2018. 212 с. ISBN 978-5-4493-0465-0.

⁵ Извив — изгиб, извилина.

и дело задевая концом удилища за деревья. Так я шел уже с полчаса. Солнце только что недавно зашло, и над моей головой небо перекрылось тонкой вечерней дымкой. Скоро сквозь нее проступят редкие бледные звезды и придет одна из тех последних летних ночей, которые так хороши в наших местах и которые я так любил когда-то. Ни души не встретилось мне на пути: было тихо, одиноко. Но я даже искал одиночества. С головой покрывал меня тальник, вверху безмолвное расстилалось небо, под ногами в такт моим мыслям шуршал песок и потрескивали сухие ветви.

Несколько часов я провел над рекой, любуясь ее зеркалом, обрамленным камышами и отражением деревушки, перевернувшейся в воде вверх дном. Думал. Забыл даже размотать лесу... Поток воспоминаний нахлынул на меня, закружило мне голову, защемило сердце... Меня потянуло вдруг на старые места, куда когда-то полуребенком приходил я на рыбную ловлю.

Тропинка вдруг круто взяла влево, скакнула вниз раз и два, и я понял, что река близка. То был уже речной берег, смытый террасами и весной затопляемый разливом. Тальник стал редеть, засветлело, и я вышел на отлогую песчаную полосу, лежавшую вдоль реки.

Вверху небо, передо мной река, ближе уже темная, дальше к противоположному берегу же еще светлая — и между небом и водой, словно на воздухе, повис, протянулся противоположный крутой берег. Посреди городка невысокая гора, отступившая круто от берега и ушедшая в глубь, горела розовым огнем, купола церквей горели золотом. А городок уже погружался в тень. Но я живо восстанавливал его в памяти. Он притулился у самой горы, частью всполз на нее; окутанный зеленью садов, осеняемый белыми церквами — он был очень живописным. То был робкий, мирный и тихий, никому неведомый и ненужный городок... Отсюда было далеко-далеко во все концы остального света.

И я долго ехал, чтобы повидать его и по железной пороге, и на пароходе, и на лошадях. Когда я был уже у городской окраины, я не утерпел, выскочил из тарантаса и прошелся пешком по пыльной дороге. Город не изменился. Те же собаки встречали меня разрозненным лаем. Я нашел те же тихие улицы, погруженные в тень от садов, деревянные мостовые, заглушающие шум шагов. Те же люди в чиновничьих фуражках, дворники на скамейках у ворот, те же торговки на базаре, тот же городовой на мосту, старый, с седыми собачеобразными бакенбардами.

По утру пришла Марья из Сузгуна⁶. Сколько я помню себя, она разносила по городу молоко, каждый день делая по семи верст в каждый конец. Она знала меня, когда я еще был пяти лет, знала и потом, когда я уезжал, узнала теперь. Время не изменило ее, — веселая, улыбающаяся, все та же, только будто вросла немного в землю да раздалась вширь.

Зимой городок заметало снегом, над ним выли вьюги, и ни души не показывалось на улицу; смолкали даже собаки, забиваясь в теплые углы. Все вымирало и вымерзало, как вымерзают тараканы в нетопленой избе. Вечер-

⁶ Поселок, который теперь входит в состав Тобольска.

ние зори над застывшей, закутанной в белый саван рекой повисали тяжелой багряной завесой над городком. Я помню, еще ребенком боялся смотреть на них, столько в них было печали. Чувство заброшенности вызывали они.

Но приходило тепло, и городок, забытый и Богом и людьми, вновь пробуждался к жизни, потягивался, встряхивался, и, словно из щелей, выползали и люди, и собаки, и живучий городок растягивался на солнце. Живучий, готовый жить. Всё так же, и всё то же, словно я и не уезжал. Хороши были вечера за рекой. Над ее стеклянной поверхностью пелись песни всю ночь напролет. А мы сидели на берегу, рыбачили, смеялись, мечтали и пели. Хорошо пели, находились и песни, и голоса. Песни были печальные и просторные, а голоса молодые, жадно искавшие сильных нот.

Я сел на земле, сложил свое снаряжение возле и стал глядеть и думать. Воспоминания обступили меня со всех сторон, неслись от каждого места. Река текла темная, потянуло сыростью. И река, и гора, и трещина в горе, сверху донизу, как будто она рассеклась, и которую называли глубокий буерак, — и город, и каждая церковь — все так знакомо и так неизменно. Будто маленький я сегодня с утра забрался в кусты, побродил и вот вышел, все тот же, в гимназической фуражке, с удочками в руках. Воспоминания нашли на меня и сквозь меня: я не мог пошевельнуться, мне казалось, от неосторожного движения они рассеются, как туман. Не хотелось ни встать и уйти прочь от холодевшей реки, ни устраивать ночлег. Я медленно повернул голову и поглядел кругом. Это было то самое место, что мы любили больше всего, где больше всего собирались. Я узнал его по его положению против горы. Иначе я не нашел бы его. Все изменилось резко — тальник разросся в ивы, затянуло песком следы наших сооружений, и чьи-то новые следы пробороздили берег. Прошло долгих десять лет. Но уже вечер, пора в город, там ждут...

И я поймал сам себя — кто ждет? — Некому. Тут я понял, что в действительности многое изменилось. Прошло целых десять лет. Еще подъезжая к городу, я разузнавал о бывших сверстниках. О! Как все изменилось! Поженились, повыходили замуж, обзавелись семьями и детьми, носят форменные фуражки. Так же по зимам прячутся по домам, занесенным сугробами снега. Обрюзгли, потяжелели и стали скучными, серыми. Румянец юности поблек, глаза потускнели, свежие певучие голоса охрипли, души загрубели, и ржавчиной покрыло совесть. Кто стал врачом, кто адвокатом, иные служили в палате, уехали, другие по акцизу, один продолжил мучное дело отца, один дослужился до тюремного смотрителя. И я ходил из дома в дом, смотрел жадно и за размывшимися чертами, в спрятавшихся между складок глазах, старался поймать прежнее милое и родное. Не хватило сил выдержать искус — обойти всех. Осталось немало домов, где я не побывал, но уже знал, что найду там те же кисейные занавески, герань на окнах и засиженные мухами мутные зеркала, и ничего больше. Вспомнились годы промчавшиеся, бурное время, перекатившееся войной по России, захватившее всех. А тут все осталось по-старому...

С. И. Карцевский